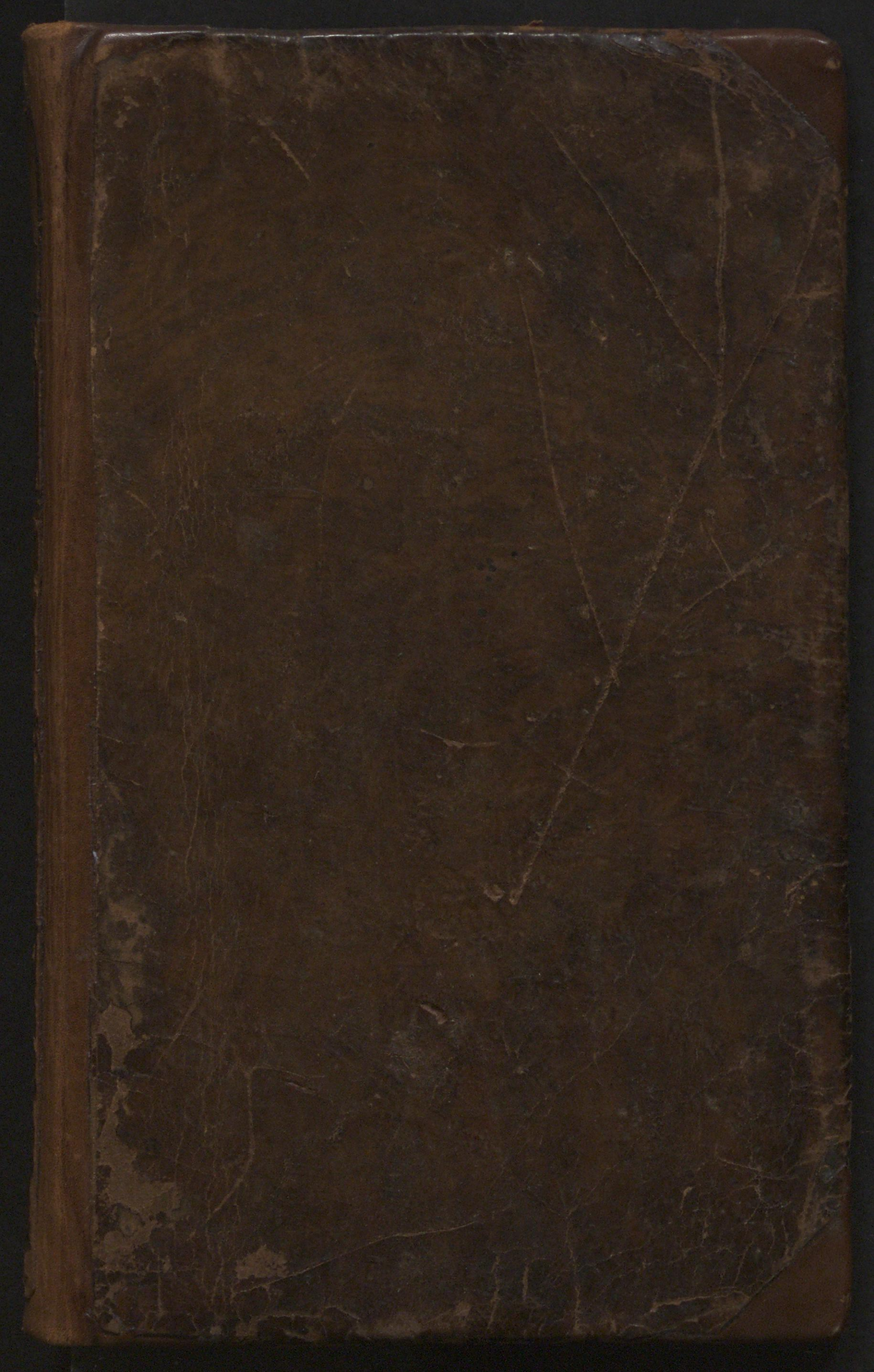
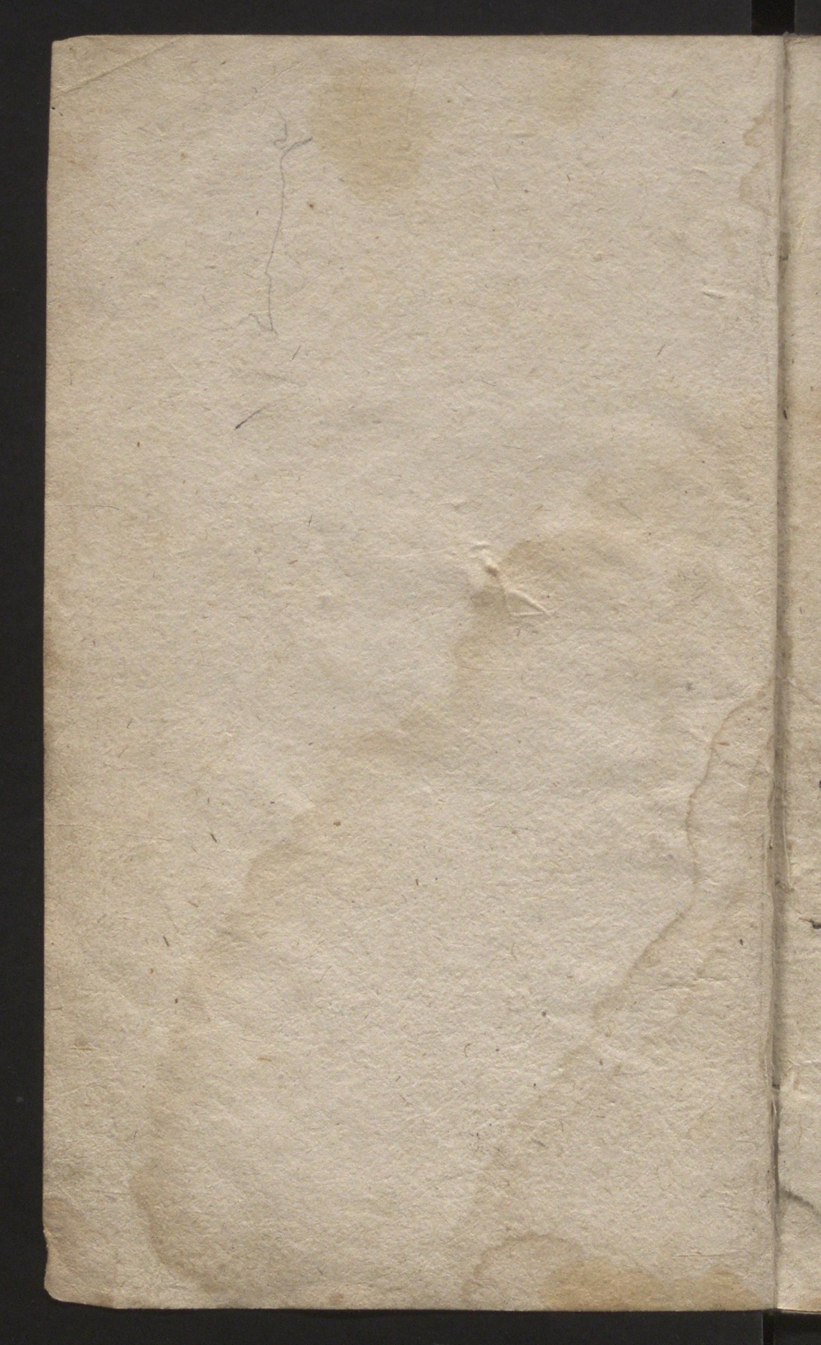

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ,

ПОЭМА

ГОСПОДИНА ВИЛАНДА

Въ четырнатцати Пѣсняхъ.

Съ Нѣмецкихъ стиховъ прозою перевелъ
Сочинитель Рускихъ Сказокъ.

[illegible]

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1787.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Опять сѣдлайте мнѣ, о Музы! Гипогрифа (*) для путешествія въ древнюю страну Романовъ. Съ какою пріятностію играетъ шалость въ моихъ освобожденныхъ нѣдрахъ! Кто обвязываетъ волшебной поясъ по челу моему? Кто прогоняетъ отъ очей моихъ туманъ, скрывающій дѣйствія вѣковъ прошедшихъ? Я зрю въ перемѣшанной пестротѣ славные мечи Рыцарей и блистающія сабли язычниковъ, то побѣждающихъ, то побѣжденныхъ. . . . Тщетно скрежещетъ гнѣвъ стараго Султана, безплодно грозитъ лѣсъ потрясаемыхъ копій: Герой мой производитъ пріятный звукъ въ рогъ, сдѣланный изъ слоновой кости, и какъ вихрь

 объ-

(*) *Гипогрифъ*, названіе страннаго Африканскаго животнаго, инако Гирафъ именуемаго, имѣющаго верблюжью голову и шею, высокія переднія ноги, а задъ столь низкой, что кажется сидящимъ, хотя стоитъ.

объемлетъ всѣхъ охота къ пляскѣ. Они вертятся въ круговую, пока, задохшись безъ чувствъ, упадаютъ.... Торжествуй, господинъ Рыцарь! торжествуй! красавица завоевана. . . . Чего вы медлите? Бѣгите! парусъ возвѣвается благосклонымъ вѣтромъ; спѣшите въ Римъ, чтобъ Святой Отецъ увѣнчалъ союзъ вашъ!... Опасайтесь только прежде времени вкусить сладостный заповѣданный плодъ!... терпѣніе!... но поздно! Упоенныя души не слышатъ и грому. Нещастныя! къ чему приводитъ васъ одно мгновеніе? Можетъ ли любовь довести до такого безумія? — Въ какое море горести вы опровергаетесь? Кто укротитъ гнѣвъ малаго полубога? Ахъ! какъ васъ мещутъ волны, сплетенныхъ объятіями! Одно вамъ утѣшеніе умереть, прижавъ другъ друга къ сердцу; но не надѣйтесь сего! Весьма раздраженный на васъ *Оберонъ* лишаетъ васъ и послѣдней отрады злощастныхъ: отводитъ смерть отъ васъ. Предопредѣленныхъ къ жестокимъ мученіямъ зрю я васъ безпомощныхъ, обнаженныхъ, бродящихъ на пустомъ островѣ; жилищемъ вашимъ пещеру, усыпанную мохомъ и полусогнившимъ тростникомъ устланную, и пищею вашею дикія

ягоды;

ягоды, вѣ рѣдкости на обнаженныхъ каменныхъ скалахъ растущія! Вѣ сей крайней нищетѣ не видно вдали дыму изъ хижинъ, ни другой надежды къ помощи; вся природа заклинается къ вашей погибели!... Со всемъ тѣмъ гнѣвъ мстителя не умягченъ еще, и бѣдность ваша не достигла вышшей степени; вы питаете пламень, навлекшій вамъ наказаніе; вы страдаете, но страдаете вмѣстѣ. Сего только недоставало, чтобъ васъ разлучили, подобно какъ бурный вѣтръ среди молніи и грому разлучаетъ корабли двухъ братовъ, и угашаетъ слабый свѣтильникъ надежды... О ты, Царь духовъ, нѣкогда бывшій имъ другомъ! заслуживаетъ ли проступокъ любовный гнѣвъ безпредѣльный? Горе вамъ!... Но я зрю глаза его орошающіеся слезами.... Ждите горчайшаго, когда *Оберонъ* плачетъ! – – –

Постой, Муза! куда ты замчала меня своимъ орлинымъ полетомъ? Мы бредимъ съ тобою какъ пьяные со всемъ нашимъ высокопарнымъ болтаніемъ. Твой слушатель стоитъ изумленъ; спрашиваетъ: въ добромъ ли головушка наша здоровьѣ? Онъ не понимаетъ открывающихся глазамъ твоимъ таинствъ. Поди сю-

да, садись на стулъ, и вмѣсто восклицаній твоихъ: *я зрю, я зрю*! разскажи дѣло порядкомъ, какъ что было. Вѣть слушатель не видитъ того, что ты видишь; онъ готовъ внимать; и ежели тебѣ угодно, заснуть на третей строкѣ нашей. . . . Муза согласилась! . . . Внимайте, дѣло пойдетъ порядкомъ.

Паладинъ, коего приключеніями мы васъ позабавить намѣрены, издавна уже обязанъ былъ своимъ словомъ плыть къ Вавилону. Подвигъ, которой тамъ совершить ему надлежало, было дѣло головоломное и во дни Карла Великаго; а во времена наши на таковую опасность, за всю славу на свѣтѣ, ни одинъ юной Рыцарь не отважится.

Чадо мое! сказалъ ему его дядюшка, Святой Отецъ въ Римѣ, къ коего стопамъ припадая, и омочая оныя слезами покаянія, исповѣдалъ онъ всѣ грѣхи свои: чадо мое! сказалъ онъ ему, давая отпускное благословеніе: гряди съ миромъ! исполнится твое желаніе. Но прежде всего, достигнувъ Іоппіи, поклонись божественному гробу. Рыцарь лобзаетъ со смиреніемъ туфлю его, обѣщаетъ повиновеніе и отходитъ съ утѣшеніемъ.

Труденъ былъ подвигъ, опредѣленный ему Императоромъ; но уповаетъ совершить оный къ своей славѣ. Онъ выступаетъ на сушу во Іоппіи, пріемлетъ жезлъ странственника, совершаетъ во Іерусалимѣ свое богоговѣніе, и укрѣпясь вѣрою, ощущаетъ сугубую отважность. Онъ садится на коня и стремится къ Багдату, часто помыщляя, что скоро достигнетъ; но путь его заграждаютъ еще многія крутыя горы, пустыни и непроходимые лѣса. Къ немалому затрудненію не извѣстно было ему нарѣчіе странъ тѣхъ. У каждыхъ воротъ вопрошаетъ онъ о ближней дорогѣ къ Багдату; ни одинъ человѣкъ его не разумѣетъ.

Въ нѣкоторый день путемъ въѣзжаетъ онъ въ лѣсъ. При жестокой непогодѣ не знаетъ куда обратиться; поворачиваетъ то въ право, то въ лѣво, проводитъ въ томъ цѣлый день, и принуждается иногда прорубать путь себѣ мечемъ своимъ. Онъ громостится на высокую гору, чтобъ осмотрѣться на всѣ стороны; но отвсюду густой лѣсъ кажется далѣе простирающимся, нежели могутъ пробѣгать его взоры. Онъ по справедливости щитаетъ то за игру нѣкоего очарованія. Но что надлежало

ему помышлять, когда застигла его ночь въ такомъ мѣстѣ, изъ коего онъ не могъ выбраться при дневномъ свѣтѣ? Безпокойство его достигло на высоту свою. Не видно ни одной звѣзды, коя бы блеснула сквозь покрытый мракомъ воздухъ. Онъ ведетъ коня своего за поводъ, и съ каждымъ шагомъ ударяется лбомъ о деревья. Густая темнота, покрывающая небо, незнакомой лѣсъ, и въ первый еще разъ ударяющее во уши его рыканіе львовъ подъ горою, которое при ночной тишинѣ чрезъ отголоски въ пещерахъ еще страшнѣе отзывалось, принуждаютъ человѣка неустрашимаго въ первый разъ трепетать въ своей жизни. Герой нашъ, хотя никто изъ смертныхъ не видывалъ на лицѣ его ужаса, ощущаетъ при таковомъ необычайномъ ревѣ робость, и хладъ противу воли по хребту его разпространяется; но отважность, понуждающая его къ шествію въ Вавилонъ, никакимъ страхомъ не истребляется. Онъ ободряется, и съ обнаженнымъ мечемъ продолжая шествіе, вспадаетъ на стезю, ведущую въ горы.

Чрезъ нѣсколько шаговъ частъ онъ усматриватъ блескъ огня вдали. Видъ сей приноситъ радостную ему надежду най-

найти живущаго въ пустынѣ той человѣка, и посреди сомнѣнія и желанія слѣдуетъ стезею на лучи огня, то изчезающаго, то появляющагося, по причинѣ упадающей въ долъ, или возвышающейся дорожки. Вдругъ освѣщаетъ его ясной лучь, исходящій изъ отверстія пещеры; камни, составляющіе оную, въ смѣшеніи съ обросшимъ кустарникомъ, торчащимъ изъ разсѣлинъ, представляютъ изъ темноты къ огню странный видъ глазамъ его; свѣтъ, проницающій листы, являетъ новаго роду зеленый огнь. Рыцарь нашъ, оживленный любопытствомъ, соединеннымъ съ ужасомъ, чаетъ увидѣть тутъ волшебника. Гремящій звукъ слова, стой! — изъ нѣдръ пещеры его встрѣчаетъ; и вдругъ предстаетъ ему мужъ дикаго вида, покрытый одеждою изъ кожъ дикихъ кошекъ, грубо сшитою. Черная съ сѣдиною борода простиралась у него до пояса, и на плечѣ держалъ онъ кедровую дубину, которой одного удара довольно было для пораженія великаго вола. Рыцарь, не ужасающійся его дубины, ни его бороды, открываетъ ему о смущенномъ своемъ состояніи на Окскомъ языкѣ, который одинъ только и вѣдалъ. — Что слышу я? вопіетъ съ своей стороны вос-

хищенный старый лѣшій. О сладостный звукъ нарѣчія со бреговъ рѣки Гаронны! Уже шестнатцать разъ обращалось солнце чрезъ кругъ звѣриный, какъ слухъ мой лишенъ сей пріятной пищи. Добро пожаловать, любезный пришлецъ! на горы Ливанскія, хотя я вѣрю, что путь вашъ въ сей вертепъ драконовъ предпріятъ не для меня. Ступай, успокойся, и прими за благо то, что приноситъ въ сей пустынѣ природа безъ помощи рукъ человѣческихъ. Солнце есть мой поваръ, а здѣсь въ источникѣ день и ночь изтекаетъ вино мое. – Обрадованный таковымъ привѣтствіемъ Герой нашъ слѣдуетъ за пустынникомъ въ его пещеру, благонадежно слагаетъ съ себя шлемъ и панцырь, и обезоружась, является въ видѣ младаго полубога. Старикъ приходитъ въ изумленіе, когда при снятіи шелома разсыпались по плечамъ его свѣтлорусые длинными кудрями віющіеся волосы. – „О!
„ какъ онъ сходенъ, вопіетъ онъ, о какъ
„ онъ во всемъ сходенъ! чело, очи, уста
„ и волосы!„ – Къ кому сходенъ? во-
„ прошаетъ Рыцарь. – „ Прости мнѣ, юно-
„ ша! это лишь возрѣніе, лишь мечта
„ изъ прошедшихъ добрыхъ лѣтъ, столь
„ пріятная и столь горестная, но быть
„ не

„не можешъ!... однако какъ ваши прекрасные волосы разсыпались по плечамъ, „показалось мнѣ, что вижу я его съ головы до ногъ. Точно такъ! Лице его, совсѣмъ онъ, только что въ груди пошире, „и волосы свѣтлѣе; по нарѣчію должны вы „быть землякъ мой. Можетъ быть и не „безъ причины такъ вы сходны къ доброму „моему Государю, коего я въ сей пустынѣ, удаленъ отъ моего отечества „уже шестнатцать лѣтъ, оплакиваю. Увы! „участь моя велѣла мнѣ пережить его! „Сія рука сомкнула его очи, рановременный гробъ его орошенъ моими слезами, „и теперь съ удивленіемъ въ васъ какъ „бы его вижу!„ – Случай не рѣдко производитъ игру таковую, отвѣтствуетъ юноша. – „Пусть такъ, продолжаетъ тотъ; но любовь, мною къ вамъ возчувствованная, достовѣрна: наградите оную тѣмъ, чтобъ *Шеразминъ* узналъ ваше имя. „ – Я называюсь *Гіонъ*, сынъ и „наслѣдникъ храбраго Сигевина, бывшаго „Герцога Гвіенскаго. . . . . „Ахъ! воскрикнулъ старикъ, упадая къ ногамъ его: сердце меня не обмануло! Тысячекратно привѣтствую тебя въ сей необитаемой части свѣта, о сынъ храбраго, добродѣтельнаго и достохвальнаго Монар-

ха,

ха, съ коимъ я въ молодыхъ лѣтахъ много удачныхъ и нещастливыхъ выдержалъ подвиговъ! ты, Государь! лежалъ еще въ пеленахъ, когда мы съ нимъ обязались путешествовать къ святому гробу. Кто могъ тогда подумать, что по осьмнатцати лѣтахъ увижусь я съ тобою въ пустынѣ на горѣ Ливанской? Да не отчаявается никто изъ нещастныхъ при изчезающей надеждѣ! но радость моя привела меня къ излишнимъ отступленiямъ. Позвольте мнѣ прежде всего вопросить: какою бурею занесло васъ въ страну сiю?„

Гiонъ садится на скамьѣ, устланной мохомъ, близь разкладеннаго огня. Старикъ возлегаетъ съ нимъ, прохлаждаетъ его свѣжимъ напиткомъ изъ источника, укрѣпляетъ изнеможенiе его сотомъ отъ пчелъ и сушеными финиками; и потомъ начинаетъ онъ удовлетворять прозьбѣ *Шеразминовой*, которой не могъ насытить глазъ своихъ на него зрѣнiемъ, и замѣчалъ еще множайшiя сходства въ юномъ Рыцарѣ къ отцу своему.

Рыцарь повѣствуетъ по обычаю юношества нѣсколько пространно: какъ онъ во дворцѣ своей родительницы со всякимъ прилѣжанiемъ воспитанъ и изученъ

зна-

знаніямъ и добродѣтелямъ, потребнымъ Рыцарю; какъ скоро протекли пріятные часы его дѣтства, и какъ его въ Бурдо во дворцѣ съ великимъ торжествомъ возгласили Герцогомъ, когда лишь началъ пробиваться усъ у него; какъ онъ послѣ того препроводилъ цѣлыхъ два года въ суетныхъ забавахъ, въ звѣроловствѣ, турнированіи, пирахъ и веселіи до тѣхъ поръ, какъ *Амори*, врагъ дому нашего, продолжалъ онъ, возпользуясь негодованіемъ Императора на отца моего, очернилъ меня предъ онымъ. *Карлъ* позвалъ меня ко двору своему, по видимому съ особливою милостію, для подтвержденія моего на Герцогствѣ. Объявленной непріятель мой, коварный Баронъ Хохенблатской, съ Шарлотомъ вторымъ, сыномъ Императорскимъ, распутнѣйшимъ Принцомъ на свѣтѣ, давно искавшимъ моего Герцогства, устроилъ мнѣ ковъ на пути моемъ; они дожидались меня въ одно утро въ лѣсу близь Монтлери.

Братъ мой Герордъ, предпріявши со мною путь сей, какъ юноша рѣзвой, непримѣтно удалился отъ насъ съ соколомъ своимъ на охоту, пустилъ сокола своего, и ускакалъ за нимъ. Между тѣмъ какъ мы беззаботно шествовали дорогою,

вдругъ

вдругъ болѣзненный крикъ простирается въ слухъ нашъ. Мы поспѣшаемъ, находимъ Герорда, сброшеннаго съ лошади, замараннаго и окровавленнаго на земли лежащаго. Незнакомой, по виду благородной, и коего никто изъ бывшихъ со мною не узналъ, что былъ то Цесаревичь Шарлотъ, готовился бить его; а въ сторонѣ стоялъ карло, держащій на рукѣ сокола его. Возкипѣвъ гнѣвомъ, закричалъ я: невѣжда! чѣмъ могъ тебя безоружной младенецъ понудить къ таковому поступку? Удались; но естьли хоть мало его тронешь, почувствуешь мечь мой, пронзающій твоя внутренняя! – А! отвѣчалъ онъ, это ты? Тебя-то и искалъ я. Давно уже желаю я охладить мстительный жаръ моего сердца въ крови твоей. Естьли ты меня не знаешь, такъ вѣдай, что я сынъ Дитриха, Герцога Арденскаго; отецъ твой Сигевинъ ... да терзается онъ во адѣ! ... коварствомъ победилъ родителя моего на всенародномъ турнирѣ, и бѣгствомъ уклонился отъ мзды своей; но я клялся мщеніемъ, и ты заплатишь за него своею головою! Съ словомъ онымъ устремляется онъ на меня не изготовившагося съ приложеннымъ копьемъ. По щастію отвелъ

велъ я ударъ лѣвою моею рукою, успѣвъ обвернуть оную плащемъ моимъ, и произвелъ рукоятію меча моего сему злодѣю столь сильной ударъ въ голову, что онъ на томъ же мѣстѣ лишился жизни. Когда онъ упалъ, появилось изъ лѣсу множество верьховыхъ; но подлецы не осмѣливались мстить за убіеннаго. Они стояли неподвижно поодаль, пока брату моему перевязали раны, и мы отправились въ путь нашъ: тогда подняли они тѣло, положили на лошадь и повезли къ Императорскому замку.

Не вѣдая, что обстоятельства мои у Карла Великаго сдѣлались хуждшими, продолжалъ я, не заботясь о предбудущемъ, мое шествіе. Мы прибыли. Старый дядя мой, Аббатъ Сентъ-Дениской, представилъ меня Императору. Мы были приняты милостиво, и все шло хорошо; но когда хотѣли уже за столъ садиться, *Амори* приспѣлъ, и остановился предъ дворцемъ съ тѣломъ Шарлотовымъ. Двенатцать оруженосцевъ несли оное, покрытые чернымъ флеромъ, на крыльцо дворца, и всякъ встрѣчающійся остановлялся неподвиженъ. Они продолжали шествіе въ залу. Двери растворились навстечь; мы увидѣли гробъ, покрытый окровавленнымъ

ными полотномъ. Императоръ поблѣднѣлъ, у всѣхъ волосы стали дыбомъ; а меня какъ бы громъ поразилъ. Между тѣмъ *Амори* выступилъ, снялъ съ тѣла кровавое покрывало, и возопилъ: „Зри „Государь! вотъ сынъ твой, и здѣсь пре„ступникъ, нанесшій тебѣ и всей Импе„ріи язву, убійца нашего покоя! Увы! „я приспѣлъ, но поздно! Шарлотъ твой „погибъ въ лѣсу отъ разбойника, а не „отъ Рыцарской руки въ сраженіи на „открытомъ полѣ.„

Хотя сей злой сынъ престарѣлому Монарху ежедневно приключалъ поведеніями своими горести, но со всемъ тѣмъ былъ сынъ его. Онъ восталъ, пребылъ нѣсколько недвижимъ, потомъ вскричалъ болѣзненно: ахъ, сынъ мой! любезной мой сынъ! и повергся въ отчаяніи на тѣло. Сей вопль отца пронзилъ какъ бы кинжаломъ мое сердце; я отдалъ бы въ тотъ часъ за жизнь Шарлотову всю кровь мою. Государь! вскричалъ я: выслушай меня! преступленіе мое невинно; онъ назвалъ себя сыномъ Герцога Арденскаго; а поступокъ его, клянусь Всемогущимъ! вывелъ бы изъ терпѣнія и самаго праведнаго: онъ сбилъ съ коня брата моего, дитя безоружное, не причинившее ему ни ма-

малаго оскорбленія, поносилъ честь отца моего, напалъ на меня нечаянно какъ убійца, и умертвилъ бы меня, когдабъ я не остерегся. – А!... вскричалъ престарѣлый Карлъ, услышавъ слова мои; бросился отъ тѣла, разсвирѣпѣвъ какъ левъ, вырвалъ у одного изъ стражей оружіе; и естьлибъ предстоящіе Князья не удержали его, онъ въ ярости своей пронзилъ бы меня тысячекратно. Вдругъ по томъ все Рыцарство возмущается; молнія отъ безчисленныхъ мечей обнаженныхъ сверькаетъ, и кажется возбуждающею въ каждой груди желаніе къ убійству. Потолокъ звѣнитъ отъ дикаго вопля, полъ трясется, окны звѣнятъ, и изъ каждыхъ устъ излетаетъ звукъ... смерть! измѣна! и сіе страшное восклицаніе смѣшеніемъ своимъ умножаетъ трепетъ. Всякъ пышетъ гнѣвомъ, стремится на меня, вознося грозящую руку. Аббатъ, защищаемый отъ дерзости одеждами Святаго Бенедикта, беретъ мой мечь, противу поставляетъ оный нападающимъ на меня. Почтите, вопіетъ онъ, почтите во мнѣ Святаго Отца Папу, коего есмь чадо! Во имя Бога, коему служу, возвѣщаю я миръ! – Видъ и голосъ его удобны были принудить къ повиновенію и

са-

самыхъ язычниковъ. Въ мгновеніе ока укрощается буря волнованія, успокоеваются всѣхъ взоры, и обнаженные мечи влагаются въ ножны. Аббатъ представляетъ Императору всю подробность произшествія; краснорѣчіе являлось во устахъ его. Но что могло помочь мнѣ? Карлъ отвѣтствуетъ: тѣло сына моего вопіетъ о мщеніи; воззрите, и осудите его убійцу! для меня осудите его! жаждущій мщеніемъ духъ мой да усладится его кровію! да умретъ онъ, и напитаетъ хищныхъ птицъ своимъ трупомъ! – Тогда сердце мое закипѣло. Я не убійца! вскричалъ я громогласно. Никто не можетъ быть судія въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Доноситель *Амори* есть клеветникъ! Здѣсь, Государь! обязуюсь я съ опасностію моей жизни доказать, что онъ лжецъ и клеветникъ, и будетъ таковымъ, пока продолжитъ заражать воздухъ ядовитымъ своимъ дыханіемъ. Онъ измѣнникъ и причинитель всего нещастія; онъ побудилъ къ тому своимъ коварствомъ. Я, также какъ и другіе, произхожу отъ крови владѣтелей, есмь Перъ государства и требую здѣсь себѣ правосудія: Императоръ не можетъ мнѣ отказать въ томъ. Вотъ здѣсь повергаю

я

я мою перчатку, пусть осмѣлится онъ поднять ее; пусть Богъ своимъ праведнымъ судомъ опредѣлитъ, кому изъ насъ гласъ крови сей назначитъ низвергнуться во адъ! Невинность моя наполняетъ меня неустрашимостію, и не для меня возгремитъ гнѣвъ Всемогущаго.

Всѣ присутствующіе Князи Имперіи усмотрѣли самихъ себя оскорбляемыхъ въ оказанномъ мнѣ осужденіи. Ропотъ поднимается подобно шуму волнъ морскихъ, колеблемыхъ вдали вѣтромъ; они просятъ, убѣждаютъ и представляютъ государственныя права; но безплодно! Родителя, устремившаго взоры на окровавленную главу Шарлотову, ничто подвигнуть не можетъ, хотя и *Амори*, за легкость щитающій побѣдить меня, является въ числѣ просителей. Государь! говоритъ онъ, позволь мнѣ выйти для наказанія дерзкаго; я ничего не подвергаю тамъ, гдѣ должность и справедливость меня защищаютъ. - Ахъ! вскричалъ я, пылая стыдомъ и досадою: ты еще и поносишь меня, измѣнникъ! Трепещи! молнія отмстителя не усыпаетъ. - Мечь мой, подхватилъ *Амори*, приведетъ оную на твою голову, убійца! - Но *Карлъ*, раздраженный моимъ жаромъ, повелѣваетъ

стражѣ взять меня. Сіе ускорѣнное слово вновь возмущаетъ собраніе; всѣ мечи возблистали для защищенія Рыцарскаго права, *Карломъ* надо мною нарушеннаго. Возмите его! вопіетъ Карлъ вторично. Но ко умноженію своей досады зритъ, что Рыцари съ обнаженными мечами меня окружаютъ. Безплодно грозитъ онъ въ смятеніи и при возглашеніи запрещенія духовнымъ отцемъ: словъ его не внемлютъ. Судьбина Имперіи казалась только на волоскѣ висящею. *У*крашенные сѣдинами совѣтники повергаются предъ Императоромъ на колѣни, и просятъ уступить Рыцарскому праву: убѣжденія ихъ его не трогаютъ, пока Герцогъ Наимской (неоднократно спасавшій жизнь Карлову, съ подверженіемъ своей погибели), пошептавъ ему на ухо, обратился къ намъ, и возвѣстилъ согласіе Императорское на требуемый поединокъ. Одно слово сіе укрощаетъ начавшееся возмущеніе. Рыцари удаляются, и Карлъ, хотя съ раздраженнымъ взглядомъ и тайною досадою въ сердцѣ, назначилъ день къ битвѣ. Обѣ стороны пріуготовились къ тому съ великою пышностію, и *Амори* ожидалъ несомнѣнно побѣды. Гордый сей человѣкъ, не взирая на трепещущаго въ

груди

груди укоришеля своего, уповалъ на свою желѣзоподобную руку, переломавшую уже цѣлый лѣсъ ланцовъ на Рыцарскихъ подвигахъ. Онъ не трепешалъ ни отъ какого непріяшеля, и поединокъ о жизни и смерши бывалъ его ушѣхою. Но отважность и исполинская сила измѣнили ему въ семъ кровавомъ дѣйствіи.

Судный день наконецъ настаетъ, весь народъ собираешся. Я появляюсь въ загородкѣ съ моимъ какъ серебро блистающимъ щитомъ; и взоры всѣхъ, ежели могу сказать шакъ, привѣтствуютъ меня любовію. Доноситель мой уже дожидался. На балконѣ лежалъ престарѣлый *Карлъ*, окруженный своими Князьями, и казался въ явномъ согласіи съ *Аморіемъ*, жаждущимъ крови моей.

Позорище очищаешся на обѣ стороны. Судіи занимаютъ мѣста свои. Прошивникъ мой являешся горящимъ отъ нетерпѣнія, пока гласъ трубный далъ знакъ къ началу. Мы разъѣзжаемся, напускаемъ, и сражаемся столь жестоко, что кони наши упадаютъ на колѣна, и мы съ *Аморіемъ* едва удерживаемся въ сѣдлахъ. Поспѣшно укрѣпляемся мы въ стременахъ, и мечи наши начинаютъ сверькашь подобно молніи. Но нѣтъ нуж-

ды изображать предъ тобою подробности нашей битвы. Противникъ мой превосходилъ меня конечно силою, свирѣпствомъ и искусствомъ; но справедливость моя защищала меня и уподобила силы мои желаніямъ. Побѣда долго оставалась сомнительною; доноситель уже во многихъ мѣстахъ обагренъ былъ кровію, а *Гіонъ* невредимъ и бодръ. Свирѣпый *Амори*, усмотрѣвъ панцырь свой, краснѣющій отъ крови, воспаляется новою яростію. Нападаетъ на меня подобно вихрю, все опровергающему, сверькаетъ его ударъ за ударомъ, такъ что я съ трудомъ могу защищаться. Уклоняюсь, но не оставляя круга, и не дремлющимъ взоромъ, неутомленною рукою отвращаю мечь его. Вдругъ силы противника моего изчерпались, слабѣе и блѣднѣе беретъ онъ въ обѣ руки свой тяжелой мечь и опускаетъ, желая однимъ ударомъ рѣшить сраженіе; но щастіе избавляетъ меня отъ сего страшнаго нападенія: противникъ мой не можетъ удержаться въ равновѣсіи, наклоняется на сторону, открываетъ тѣмъ на шеѣ обнаженное мѣсто, и получаетъ отъ меня такой ударъ, отъ коего лишается памяти, и упускаетъ мечь изъ ослабшей руки своей. Гордый поверженъ у ногъ моихъ;

ихъ; приставляя къ горлу его мое оружіе, вопію я: очисти совѣсть твою, есть-ли еще жизнь твоя тебѣ драгоцѣнна, признайся на мѣстѣ семъ. – Разбойникъ! отвѣтствуетъ *Амори*, собравши послѣднія силы, схватя лѣвою рукою мечь свой, и устремивъ оный въ меня торчмя, прими сіе, и послѣдуй за мною во адъ! – По щастію увернулся я отъ таковаго съ земли произведеннаго и невѣрнаго удара, и былъ только оцарапленъ на лѣвой рукѣ. Я забылъ въ первыхъ воскипѣніяхъ гнѣва, что дыханіе *Аморія* нужно было для всенароднаго оправданія меня предъ *Карломъ*, и воткнулъ мой широкій мечь въ гортань его. Клеветникъ изрыгаетъ въ червленныхъ потокахъ мрачную свою душу. Побѣдитель оправданъ предъ очами всѣхъ, и чисто омытъ кровію своего доносителя. Гласъ Герольдовъ возвѣщаетъ о томъ громогласно народу. Радостное восклицаніе возносится къ небесамъ. Рыцари спѣшатъ остановить кровь, стремившуюся изъ небольшей моей раны, и препроводить меня къ Императору. Однако *Карлъ* питалъ еще гнѣвъ свой. Сіе новое убійство оживитъ ли моего сына? сказалъ онъ. За подлинно ли познана *Гіонопа* невинность? *Амори* ни

въ чемъ не признался. *Гіонъ* вѣчно будетъ изгнанъ изъ нашей Имперіи, и лишится имѣнія, владѣнія и короны своей.

Жестоко было опредѣленіе, жестоки уста, оное изрекшія; но что оставалось дѣлать? Одно средство предлежало во убѣжденіяхъ прозьбами. Перы, Рыцарство, повергаются со мною вокругъ престола его на колѣна, и стараются смягчить гнѣвъ его. *Карлъ* наконецъ прерываетъ молчаніе свое. Изрядно! вы Князи и Рыцари, сказалъ онъ, мы уступаемъ вашимъ прозьбамъ; но на условіи, коего ничто на свѣтѣ отвратить не можетъ. — Тогда приклонилъ онъ къ подножію престола своего на меня свой скипетръ. — Мы прощаемъ тебя, продолжалъ онъ, но съ тѣмъ, чтобъ сей же часъ твоя осужденная нога не была въ нашей Имперіи, и не прежде бы возвратился ты, какъ совершишь нашу Императорскую заповѣдь: нарушеніе сего навлечетъ тебѣ неминуемую казнь. Ступай въ Вавилонъ, и въ торжественной часъ, когда Калифъ со всемъ своимъ дворомъ и Эмирами будетъ пировать за своимъ круглымъ столомъ, войди къ нему и отруби сѣдящему по лѣвую у него сторону голову,

ву, чтобЪ кровь его обрызгала Калифа и весь столЪ; по томЪ подступи сЪ почтенiемЪ кЪ наслѣдницѣ его престола, сидящей по правую руку, и поцѣлуй ее троекратно, такЪ какЪ свою невѣсту. Когда КалифЪ, не ожидающiй вЪ присутствiи своемЪ таковаго произшествiя, дерзостiю твоею будетЪ приведенЪ во изумленiе: тогда облокотись на ручку золотыхЪ его креселЪ и проси вЪ подарокЪ мнѣ, имѣющiй увѣнчать нашу дружбу, чтобЪ позволилЪ вырвать у себя четыре коренныхЪ зуба и горсть волосовЪ изЪ сѣдой бороды своей. Шествуй, и естьли не совершивЪ сказаннаго слова отЪ слова, дерзнешь возвратиться, заплотишь неминуемо жизнiю. Между тѣмЪ мы пребываемЪ сЪ нашею кЪ тебѣ благосклонностiю.

Изрекши сiе, ИмператорЪ умолкЪ. НѣтЪ нужды разсказывать, что я и прочiе тогда возчувствовали; всякЪ благосклонность таковую счелЪ за неминуемый смертный мнѣ приговорЪ. Тихiй ропотЪ простирался вЪ окрестностяхЪ зала. Многiе изЪ Рыцарей, участвовавшихЪ вЪ жестокихЪ подвигахЪ Ланцелота и Тристана, клялись, что хотя мало

 вещей,

вещей, могущихъ привести ихъ въ трепетъ; и естьли кто подвергаетъ чему свою голову, удобно и они свою подвергнуть: но завѣщаннаго Императоромъ *Гіону* и самъ бы храбрый Гавинъ предпріять не отважился. . . . Но что больше продолжать? Видимо, что Карлъ ищетъ моей смерти. Но въ тотъ разъ, не извѣстно мнѣ, отъ отчаянія ли, или предчувствованія, возъимѣлъ я крайнюю отважность. Я подступилъ къ Карлу съ благонадежнымъ видомъ, и сказалъ: повелѣніе твое, Государь! не можетъ поколебать моей неустрашимости. Я Франкъ! возможно, или не возможно, я снимаю это на себя, и вы, храбрые Рыцари! будьте всѣ свидѣтели.

По силѣ слова сего, любезный мой *Шеразминъ*! видишь ты меня здѣсь, рѣшившагося шествовать въ Вавилонъ. Я одолженъ тобою буду, когда ты покажешь мнѣ ближній путь къ Вавилону; естьли же не можешь, я стану искать онаго, какъ случится.

О милый мой Государь! отвѣтствовалъ *Шеразминъ*, и слезы катились каплями внизъ по долгой бородѣ его: ты

воз-

воззываешь меня какъ бы изъ гроба къ новой жизни! Здѣсь клянусь я сею усыхающею, но не совсѣмъ еще ослабшею рукою, что я желаю жить и умереть съ тобою, о дражайшій сынъ и наслѣдникъ прежняго моего Монарха! Подвигъ, опредѣленный тебѣ Императоромъ, тяжекъ, но соединенъ съ славою! Я поведу тебя, и съ неослабѣвающимъ мужествомъ буду помогать тебѣ до послѣдней капли моей крови.

Юный Князь, тронутый толикою вѣрностію, благодарно объемлетъ престарѣлаго *Шеразмина.* Они возлегаютъ успокоиться на соломѣ; *Гіонъ* засыпаетъ на оной, какъ бы на мягкихъ перинахъ. Начало дневнаго свѣта возбуждаетъ его; онъ возстаетъ бодро, *Шеразминъ* помогаетъ ему надѣвать его броню, пріемлетъ дорожную суму за плеча свои, дубину въ руку, и бодро начинаетъ шествіе впереди своего Рыцаря.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Уже два дни шествуетъ чета неустрашимыхъ Героевъ при солнечномъ сіяніи и звѣздномъ свѣтѣ съ горы Ливана; и когда полдневный зной начинаетъ разить ихъ своею проницательностію, уклоняются для отдохновенія въ густую траву подъ старыми кедрами: тамъ увеселяютъ ихъ пернатые обитатели воздуха то пестротою украшенія своего, то напрягая согласные звоны посребренныхъ своихъ гортаней; они воспѣваютъ любовь свою, и участвуютъ въ нужной дорожной ихъ пищѣ.

На третій день появляется вблизи на возвышеніи небольшая толпа всадниковъ. Это Арабы, говоритъ *Гіону* проводникъ его; всего бы лучше уклониться отъ нихъ; мнѣ извѣстны обычаи сего суроваго народа. Ахъ! что ты говоришь? отвѣчаетъ сынъ Сигевиновъ: слыхалъ ли ты, чтобъ Франковъ спасало постыдное бѣгство? - Обитатели пустыней, привлекаемые блескомъ шелома *Гіонова*, являюща-

щагося имъ составленнымъ изъ цѣлаго яхонта отъ освѣщенія лучей солнечныхъ, стремятся на нихъ съ луками и стрѣлами, и обнаженными саблями. Толпа бродягъ, состоящая изъ смѣси конныхъ и пѣшихъ, дерзаетъ: одинъ всадникъ и пѣшеходецъ съ дубиною кажутся имъ слабою добычею; но они обманулись въ томъ.

Юный Герой прикрывается щитомъ своимъ, нападаетъ на нихъ, и опровергаетъ копьемъ своимъ ихъ начальника съ такою жестокостію, что оный летитъ стремглавъ изъ сѣдла вонъ, и обагряетъ землю кровію, текущею ручьемъ изо рта и носа своего. Разбойники устремляются всѣ вдругъ отмстить за смерть приводца своего, покрываютъ его ударами сабель и копьевъ; но *Гіонъ*, прикрываемый съ тылу *Шеразминомъ*, обращаетъ удары сіи въ пустой звукъ, и дѣйствуетъ своимъ оружіемъ съ такимъ проворствомъ, что второй и третій другъ за другомъ упадаютъ бездушны. Онъ обнажаетъ мечь свой, и съ каждымъ замахомъ отлетаетъ либо голова, или рука, держащая еще саблю. Съ неменьшею силою поражаетъ своею дубиною престарѣлый *Шеразминъ*. Немедленно злодѣи на-

начинаютъ проклинать своего Магога; и кто былъ еще въ силахъ, спасается бѣгствомъ. Мѣсто битвы покрыто трупами и обрубленными частьми коней и всадниковъ. *Шеразминъ* получилъ лучшаго коня изъ числа оставшихся безъ хозяевъ, и доброй мечь въ добычу. Оба Рыцаря оставляютъ мѣсто и пускаются въ путь по пространству долины, начинающейся отъ горы, и теряющейся изъ виду. Страна сія казалась населенною, пресѣкаемою чистыми потоками; луга пестрѣлись отъ множества цвѣтовъ и всюду бродящихъ стадъ; загорѣлые ея обыватели, имѣющіе миролюбивыя хижины свои среди высокихъ пальмъ, съ радостію совершали дѣла свои, не ощущали своей бѣдности, и приглашали путешествующихъ къ суровому своему обѣду, вкушаемому въ прохладныхъ тѣняхъ. *Гіонъ* съ своимъ сопутникомъ, по наступленіи полдневнаго жару, вкушаютъ хлѣбъ и молоко, полученныя отъ одной пастушки. Доброй народъ, мимо ходя, съ робостію останавливается и взираетъ на чужестраннаго желѣзнаго человѣка, каковымъ кажется имъ *Гіонъ*; но взглядъ и голосъ его ободряетъ и привлекаетъ сердца ихъ къ нему. Уже дѣти смѣло подбѣгаютъ, и

начи-

начинаютъ играть съ его віющимися кудрями. Храбрый Рыцарь утѣшается ихъ невинностію, и для ободренія вмѣшивается въ игры ихъ. Сколь щастливо было бы, мнитъ онъ, обитать въ сихъ хижинахъ! Безплодное желаніе! Судьба вела его въ другое мѣсто.

Между тѣмъ вечеръ наступаетъ. Разлучается онъ съ симъ добрымъ народомъ, и въ награжденіе дружескаго угощенія *Гіонъ* бросаетъ своимъ страннопріимцамъ горсть червонныхъ; но благополучнымъ онымъ людямъ не извѣстно золото. Странствующихъ угощаютъ они безъ заплаты, и принуждаютъ его взять оное обратно.

Они продолжаютъ путешествовать остатокъ дня, и къ сумеркамъ вступаютъ въ лѣсъ. Другъ мой! вѣщаетъ *Паладинъ Шеразмину*: я какъ на огнѣ горю сдержать слово мое Императору. Веди меня самою ближайшею дорогою. Мнѣ кажется, что уже года четыре мы ѣдемъ. – Ближняя дорога, отвѣчаетъ *Шеразминъ*, идетъ сквозь сей лѣсъ; но я не совѣтую. Объ ней идетъ въ народѣ не добрая молва; ни одинъ еще изъ отваживавшихся ѣхать оною назадъ не возвращался. Ты, Государь! смѣешься. Повѣрь

мнѣ!

мнѣ! въ семъ лѣсу обитаетъ малорослое и злонравное привидѣніе. Весь лѣсъ наполненъ лисицами, оленями и вепрями, кои, также какъ и мы, были человѣки. Не извѣстно, въ какихъ животныхъ и мы еще до наступленія дня можемъ быть превращены. — Лишь бы шла прямая дорога чрезъ сей лѣсъ въ Вавилонъ, подхватилъ сынъ *Сигепиноть*; впрочемъ я ничего не боюсь. — Государь! сдѣлай милость, продолжалъ тотъ; я со слезами умоляю васъ для собственной вашей безопасности. Повѣрьте, что противу сего духа храбрая оборона, ни бѣгство, не дѣйствуютъ. Много ли разноты, что пятью, или шестью днями прибудемъ мы въ Вавилонъ позже? О горе! все будетъ то еще рановременно! — Когда ты боишься, сказалъ Рыцарь, такъ останься; я одинъ поѣду, намѣреніе мое твердо. — Не будетъ сего! вскричалъ *Шеразминъ*: хотя смерть всегда горестна; но бездѣльникъ тотъ, кто оставитъ своего Государя! Естьли вы рѣшились, послѣдую за вами безъ ужасу. — Изрядно, рекъ *Гіонъ*, ступай! Онъ погналъ коня своего, и *Шеразминъ* слѣдуетъ за нимъ съ трепетомъ.

Не далѣе двухъ сотъ шаговъ они отъѣхали, какъ со всѣхъ сторонъ бѣжа-

ли

ли къ нимъ встрѣчу олени и вепри стадами. Слезящіе ихъ взоры, по примѣчанію *Шеразминопу*, сколько могъ онъ въ темнотѣ увидѣть, предваряли ихъ объ опасности, и какъ бы говорили: о нещастные! бѣгите отсюда. Замѣтьте (шепталъ онъ Рырарю), что онъ намъ грозитъ! Повѣрите ли вы мнѣ теперь? не сходны ли слова мои? Звѣри изъ сожалѣнія къ намъ, съ таковою быстростію сбѣжавшіеся, и такъ крѣпко на насъ пышущіе, всѣ человѣки, говорю я вамъ; и ежели мы хотя не много впередъ подадимся, привидѣніе тотчасъ сядетъ намъ на голову. Не будьте такъ упрямы, и пренебрегая дружеской совѣтъ, не ввергайте добровольно себя въ нещастіе! – Эхъ, старикъ! вѣщалъ Рыцарь: какъ тебѣ не стыдно? вѣть ты знаешь, что я ѣду въ Багдатъ, или по старому въ Вавилонъ, просить у Калифа горсть волосовъ изъ бороды и четыре коренныхъ зуба; а ты хочешь, чтобъ я испугался неизвѣстной опасности? Гдѣ твой умъ дѣвался? Почему знать, можетъ быть твое привидѣніе, или твой домовой мнѣ доброй пріятель. По крайней мѣрѣ звѣрей бояться нечего; смотри, какъ я ихъ всѣхъ разгоню! – Съ словомъ тѣмъ напускаетъ онъ

на нихъ, и они изчезаютъ какъ молнія. *Гіонъ* съ товарищемъ своимъ продолжаютъ по томъ путь безпрепятственно, храня глубокое молчаніе. Ночь учинилась еще мрачнѣе, вся природа успокоилась, и всюду владычествовала глубокая тишина, какъ бы въ гробѣ. Старикъ не выдержалъ продолжать свое безмолвіе. Государь! сказалъ онъ: извините, естьли вопросомъ моимъ прерываю разположенія мыслей вашихъ надъ сумозброднымъ планомъ; я не могу молчать, и признаюсь, что это моя слабость; я со младенчества привыкъ въ темнотѣ разговаривать. Здѣсь такая тишина, какъ бы самъ великой Панъ, богъ лѣсовъ, скончался. Когда бы не стучали кони наши ногами, я думаю бы можно услышать, какъ кротъ въ землѣ ростъ. Вы думаете, что я боюсь; однако я безъ хвастовства сказать могу, что трусомъ не бывалъ. Есть еще живые свидѣтели, которые видали меня на сраженіяхъ и поединкахъ, что не баивался я ни мечей, ни копьевъ, не бѣгивалъ отъ двухъ и трехъ, а по нуждѣ и отъ осьми! тутъ еще можно надѣяться на свои бока. Давай сюда непріятеля, лишь бы имѣлъ онъ плоть и кости! но въ полночь ходить по клад-

кладбищу, должно признаться, что волосы встанутъ дыбомъ. Ежели злому духу, попавшись на встрѣчу, не понравится моя физіономія: помогутъ ли руки и шпага, когда невидимые кулаки начнутъ тебя взваривать? Положимъ, что не испугавшись, какъ-то и бывали на свѣтѣ примѣры, срубишь ему голову вплоть по плеча; но не успѣетъ одна упасть на землю, какъ выроститъ на мѣсто ея другая; а иногда для забавы голова покатится какъ шаръ, а туловище пустится бѣжать за нею, и догнавши, подниметъ какъ шляпу и приставитъ опять на плеча. Покорно прошу сказать, что въ такомъ случаѣ дѣлать?.... Правда и то, что извѣстное дѣло, когда пѣтухъ закричитъ, то всѣхъ этихъ господъ привидѣніевъ и мертвецовъ, бродящихъ только въ одиннатцатомъ и двенатцатомъ часу предъ полуночью, какъ вѣтромъ развѣетъ; но проказникъ здѣсь обитающій духъ совсѣмъ особливаго роду; онъ имѣетъ здѣсь открытой свой дворецъ, пьетъ, ѣстъ, прохлаждается, какъ бы человѣкъ, и ходитъ среди бѣла дни. – Довольно старался ты возбудить мое любопытство, отвѣчалъ сынъ *Сигепинопъ*: но что ни говорятъ о духахъ и привидѣніяхъ, чи-

 стыя

стыя бредни. Простой народѣ самѣ не вѣдаетѣ, чему вѣритѣ. Нѣкогда былѣ вѣ нашемѣ дворцѣ весьма ученой человѣкѣ (Протопопѣ нашѣ называлѣ его Манихеемѣ), которой клялся, что нѣтѣ на свѣтѣ привидѣній, и ужасно шутилѣ надѣ всѣми духовидцами. Они не рѣдко спорывали о томѣ, сидя за бутылкою вина, и при послѣднихѣ рюмкахѣ примѣшивали столько Латыни и Греческаго, что я почти ни слова разумѣть не могѣ. Хорошо, думалѣ я тогда, вы говорите весьма по ученому, но надобно бы посмотрѣть; безѣ опыта ничего на вѣрное знать не можно. Я желалѣ бы, чтобѣ духѣ оказалѣ мнѣ честь, и пришелѣ мнѣ растолковать, какѣ это дѣло обстоитѣ.

Между тѣмѣ путешественники наши непримѣтно очутились вѣ стѣнахѣ звѣринца, прорубленнаго на столь многія дороги, что путешественнику не можно было не утратить настоящаго пути. Мѣсяцѣ взошелѣ тогда сѣ полными своими щеками, и чрезѣ обманчивые отсвѣтки еще болѣе спутывалѣ избирателя прямой дороги Государь! сказалѣ *Шгразминѣ Гіону*: по видимому стараются завести насѣ вѣ лабиринтѣ, должно ѣхать на удачу. Послѣдовавѣ тому, очутились

они

они на срединѣ лѣсу, гдѣ всѣ дороги, расположенныя звѣздою, соединялись въ одну точку. Вдали представился имъ замокъ, какъ бы изъ лучезарнаго свѣта сотканный, и который прекрасно возвышался на воздухѣ. *Гіонъ* останавливается и разсматриваетъ оный со удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, какъ вдругъ растворяются златыя въ замкѣ ворота, и скачетъ къ нему колесница, везомая леопардами. Юноша, столь же прелестный, какъ богъ любви, сидѣлъ и правилъ вожжами въ той серебряной колесницѣ. Онъ приближается къ намъ, вскричалъ *Шеразминъ* трепеща, и тянувъ назадъ *Гіонова* коня за поводъ: мы погибли! удалимся! вотъ самъ карло скачетъ! - Онъ прекрасенъ! отвѣтствуетъ *Гіонъ*. - Тѣмъ хуже, кричитъ старикъ: поѣдемъ назадъ! хоть бы онъ вдесятеро былъ прекраснѣе! поскачемъ, я говорю, или мы пропали! - Рыцарь противится, но ничто не помогаетъ; старикъ погоняетъ изо всего плеча коня его, и принуждаетъ скакать чрезъ рвы, кусты и колоды, пока выскакавъ изъ лѣсу, очутились они на чистомъ полѣ. Между тѣмъ преслѣдуетъ ихъ буря съ дождемъ, вихремъ и молніею. Страшный мракъ поглощаетъ мѣсяцъ;

 громъ,

громъ, свистъ и трескъ, слышны всюду; равно какъ бы весь лѣсъ раздробляло въ щепы; всѣ стихіи казались на нихъ вооружившимися; но среди бури время отъ времени проливался пріятный звонъ ласковаго привѣтствія Царя волшебниковъ. – Куда бѣжишь ты отъ меня? Ты убѣгаешь отъ своего щастія. Ввѣрь себя мнѣ, возвратись *Гіонъ*, возвратись! – Ахъ, сударь! кричитъ *Шеразминъ*: вы погибли, какъ скоро это сдѣлаете! скачите прочь, заткнувши уши пальцами, и не отвѣчая ни слова! у него недоброе на умѣ! – Послѣ того погоняетъ онъ коня *Гіонопа*; они скачутъ среди бунтующей непогоды по ручьямъ, пролившимся отъ дождя, до тѣхъ поръ, какъ стѣна нѣкоего замка вдругъ ихъ останавляетъ. Толпа Армянъ ихъ встрѣчаетъ. . . . Въ то мгновеніе ока небо очищается, тучи изчезаютъ, и полный свѣтъ луны освѣщаетъ еще яснѣе обыкновеннаго всѣ предметы. Гнавшійся за ними юноша представляется оперпшимся на стебль лилейный, и рогъ изъ слоновой кости виситъ за плечами у него. Сколь ни прекрасенъ былъ онъ, но видъ его распростираетъ на всѣхъ неизвѣстный трепетъ; ибо важность и величественная строгость блиста-

стаютъ во очахъ его. Онъ беретъ рогъ изъ слоновой кости, приставляетъ къ губамъ, и начинаетъ трубить въ него пріятнѣйшими звонами. Немедленно нападаетъ на престарѣлаго *Шеразмина* рѣзвость; онъ покаряется желанію плясать, подцѣпляетъ беззубую Армянку, коя равномѣрно горитъ нетерпѣніемъ пропрыгать голубца, и начинаетъ съ нею вертѣться, скакать и присѣдать съ чрезмѣрною живостію. Вдругъ веселіе на всѣхъ разпростирается; каждой беретъ пару и составляютъ балетъ, косему во вѣки ни на одномъ театрѣ не увидятъ подобнаго. Являются разные предметы; но никто ни себя, ни другихъ не примѣчаетъ. Одного только Рыцаря нашего не касается очарованіе; онъ стоитъ бодро, видитъ все, и хохочетъ изъ всѣхъ силъ. Но ктобъ и удержался отъ смѣха при таковомъ позорищѣ? Между тѣмъ, какъ благопристойность всюду была забыта, и любезной природѣ дана была полная свобода къ шалостямъ: малорослой красавецъ приближается къ Рыцарю и съ величественнымъ видомъ говоритъ ему на природномъ его языкѣ: „За чемъ убѣгаешь ты отъ меня, о *Гіонъ* Гвіенскій? . . . Ты молчишь? Для Бога, косго я,

также какъ и ты, исповѣдую, отвѣтствуй мнѣ!„ - Тогда довѣренность возвращается въ сердце *Гіонопо*. Чего хочешь ты отъ меня юноша? отвѣтствуетъ онъ. - „Не опасайся ничего, продолжалъ сей: кто не ужасается свѣта, тотъ соединяется со мною братствомъ. Я возлюбилъ тебя съ самаго твоего младенчества, и ни одинъ еще изъ смертныхъ не пользовался благодѣяніемъ, подобнымъ предназначенному тебѣ мною! Сердце твое чисто, поведеніе безпорочно, и не щадишь ты крови своей, коль скоро призываютъ тебя къ чему честь и должность; кто уповаетъ на свою храбрость, никогда не лишится моего покровительства. Власть моя страшна только душамъ, замараннымъ пороками. Я имѣю причину наказать сихъ Армянъ этою пляскою. Что надлежитъ до честнаго *Шеразмина*, онъ участвуетъ въ семъ наказаніи за дерзость своего языка; пусть они еще попляшутъ.„ Тогда новой вихрь оживляетъ пляску, всѣ начинаютъ вертѣться скорѣе, и прыгать выше и чаще, разпаляются, и въ собственномъ своемъ жару, какъ бы снѣгъ отъ солнца, таютъ; а трепещущія сердца ихъ готовятся съ каждымъ шагомъ вонъ выскочить.

чить. Тогда человѣколюбіе *Гіонопо* не можетъ сносить сего позорища; онъ опасается бѣдственныхъ послѣдствѣ, и проситъ за нихъ о пощадѣ. Красавецъ махнулъ своею лилейною тростью, и очарованіе изчезаетъ. *Шеразминъ*, по старости своей неудобный къ выдержанію таковаго опыта, упадаетъ на землю, и чаетъ, что сердце его хочетъ лопнуть. . . Ахъ, милостивой Государь! я сказывалъ. . . . произнесъ онъ задыхаясь. – Успокойся, другъ мой *Шеразминъ*! подхватилъ карло: мнѣ извѣстно, что ты очень храбрый ратникъ, но почасту голова твоя послѣдуетъ твоему отважному сердцу. Не надлежало бы тебѣ по чужимъ рѣчамъ, не извѣдавъ самому, поносить меня! Ты уже посѣдѣлъ, а такъ молодъ въ разсужденіяхъ! Снеси терпѣливо это маленькое наказаніе! . . .

По томъ малорослый красавецъ обращается съ ласковостію къ *Шеразмину*: старикъ! сказалъ онъ: ты еще подозрѣваешь меня? Но суевѣрству твоему *Оберонъ* прощаетъ. Подступи ко мнѣ, старой враль! подступи ближе, ободрись, и не опасайся обману; ты изнемогъ, прими сей стаканъ, и опорожни оный однимъ духомъ. – Тогда Царь волшебниковъ

подалъ ему сосудъ, выточенный изъ чистаго золота. Старикъ, едва на ногахъ могущій держаться, не мало изумляется, увидѣвъ, что оный пустъ. Э! вскричалъ *Оберонъ*: еще ты не имѣешь довѣренности? Приставляй къ губамъ, и пей безъ всякаго сомнѣнія. Бѣднякъ повиновался, и видитъ стаканъ вдругъ наполнившійся лучшимъ Лангонскимъ виномъ. Выпивъ оный до капли, ощущаетъ онъ, какъ бы новые жизненные духи простерлись по его жиламъ. Бодрость и сила, равныя бывшимъ въ его молодости, когда онъ отправлялся еще въ обѣтованную землю съ своимъ Государемъ, оживляютъ его. Онъ съ почтеніемъ и надеждою повергается къ ногамъ *Оберона*, и вопіетъ: теперь упованіе мое утвердилось какъ бы каменная гора.

Мнѣ извѣстно условіе (сказалъ Царь волшебниковъ Рыцарю), съ каковымъ послалъ тебя Карлъ Великій въ Вавилонъ. Ясно видимо бѣдствіе, имъ тебѣ пріуготовленное; мщеніе его желало твоей крови. Однако, что снялъ ты на себя съ толикою отважностію, помогу я тебѣ исполнить. Вотъ, *Гіонъ*! прими сей рогъ изъ рукъ моихъ. Отъ малѣй-

лѣйшаго дуновенія изпускаетъ онъ сладостные слуху звоны, и хотябъ тьмы воиновъ съ копьями и мечами на тебя вооружились, начнутъ отъ звуку сего плясать, и не перестанутъ до тѣхъ поръ, пока безъ памяти попадаютъ, какъ видѣлъ ты здѣсь уже опытъ. Однако, естьли ты сильно во оный затрубишь, то значить будетъ призывъ, и я явлюсь на помощь къ тебѣ, хотя бы за тысячи верстъ отъ тебя удаленъ былъ. Но береги таковые призывы для однихъ только опаснѣйшихъ случаевъ. Возьми и сей сосудъ, наполняющійся виномъ, какъ скоро кто оный со упованіемъ къ устамъ приближитъ. Источникъ, наполняющій его, во вѣки не изсякнетъ; но приближающій оный съ сомнѣніемъ увидитъ въ немъ пустоту, и обожжетъ свою руку.

Гіонъ пріемлетъ съ благодарностію сіи чудные залоги щедрости новаго своего защитника; и едва только начали позлащаться края востока ризами предшественницы солнца, какъ съ благороднымъ нетерпѣніемъ вопрошаетъ онъ у *Оберона* о ближайшемъ пути къ Вавилону. Сей, наставивъ его въ томъ, сказалъ: шествуй благополучно! Да не узрю

я часа, въ который бы сердце *Гіонопо* обезчестилось слабостію! Не храбрости и не сердцу твоему я не довѣряю; но, ахъ! ты сынъ Адамовъ, созданный изъ мягкой глины, и слѣпъ въ разсужденіи предбудущаго! Помни сей совѣтъ *Оберонов*, что краткая утѣха почасту приключаетъ долговременныя скорьбя! — По томъ прикасается онъ къ *Гіону* своею лилейною тростью; Рыцарь видитъ слезы во очахъ его; и когда готовился клясться въ сохраненіи завѣщанія его, Царь волшебниковъ изчезаетъ, и только запахъ лилейный остается на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ.

Изумленный Рыцарь пребываетъ неподвиженъ, протираетъ глаза, желая удостовѣриться, не во снѣ ли случилось ему таковое видѣніе; но сосудъ и рогъ, висящія у него на золотой цѣпи чрезъ плечо, удостовѣряютъ его, и отгоняютъ сомнѣніе. Помолодѣлому же старику *Шеразмину* сосудъ кажется быть драгоцѣннѣйшею вещію во всемъ сокровищѣ волшебниковъ. — Государь! вѣщаетъ онъ, подводя коня своему Князю: еще бы разъ выпить изъ благодарности къ доброму нашему благодѣтелю! Вино его лучше всѣхъ на свѣтѣ, кои удалось мнѣ въ жизни

зни

зни пить. Рыцарь позволяетъ ему въ томъ. И такъ укрѣпясь, начинаютъ они шествіе чрезъ горы и долы, по обычаю древнихъ Рыцарей; и только малое время, гдѣ случится, подъ древесами возпріимаютъ по ночамъ отдохновеніе. Четыре дни уже ѣхали они безъ всякаго приключенія, радуясь Рыцарь тому, что приближается къ Вавилону; а *Шеразминъ*, что сопутствуетъ Сигевинову сыну.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

На пятой день спускаясь съ высокой горы, увидѣли они въ узкой долинѣ разбитые богатые шатры, и болѣе дватцати Рыцарей, лежащихъ въ розныхъ мѣстахъ подъ тѣнію финиковыхъ древесъ. Казалось, что они принимали отдохновеніе послѣ обѣда; но шеломы и копья ихъ висѣли на ближнихъ къ нимъ вѣтвяхъ, а лошади осѣдланныя ходили по травѣ.

Едва усмотрѣли они странственниковъ нашихъ на высотѣ горы, вдругъ всѣ повскакали съ земли, равно какъ бы возтру.

трублено было къ сраженію. Весь долъ возмущается, всякъ бѣжитъ къ оружію: тамъ вооружаются Рыцари, а здѣсь оруженосцы ихъ ловятъ и подводятъ коней.

Посмотримъ, вѣщаетъ *Паладинъ*, какая причина приводитъ Рыцарство сіе въ таковое смятеніе. Не иное что, какъ мы, отвѣтствуетъ *Шеразминъ*: остерегитесь! они шествуютъ прямо на насъ полукружіемъ. - О! я мало опасаюсь и цѣлаго круга, сказалъ *Гіонъ* хладнокровно. Между тѣмъ изъ средины приближившихся Рыцарей выѣзжаетъ пригожій мущина въ богатыхъ латахъ, поздравляетъ ихъ съ вѣжливостію, и проситъ о выслушаніи. Честь и побѣда да будетъ съ тобою, говорилъ онъ: господину Рыцарю да будетъ извѣстно, что всякъ изъ нашего чину, приближающійся нечаянно къ сему мѣсту, отъ насъ бываетъ остановляемъ. Теперь состоитъ во власти вашей, переломить ли съ нами копья, или снять на себя подвигъ, о коемъ мы просить будемъ.

Какой то подвигъ? вопрошаетъ *Гіонъ* съ учтивостію. - Не подалеку отсюда (отвѣчалъ тотъ) обитаетъ въ крѣпкомъ замкѣ исполинъ *Ангулаферъ*, злѣйшій врагъ Христіянскаго имени, настоящій мучи-

мучитель прекраснаго пола, и что всего хуже, безопасный отъ ударовъ меча и копья силою кольца, кое похитилъ онъ у малорослаго волшебника, въ замкѣ, или звѣринцѣ котораго, вы безъ сомнѣнія были. Чтожъ надлежитъ до меня, я Князь горы Ливанской. Я заслуживалъ благосклонность у красоты всѣхъ красотъ цѣлые три года безъ всякой награды любви моей, и напослѣдокъ согласилась она увѣнчать мою постоянную вѣрность. Однако въ ночь моего брака, когда я уже, какъ супругъ, готовился развязать ея поясъ, пришелъ сей хищный волкъ, вырвалъ изъ объятій моихъ сію невинную агницу и унесъ. Уже протекли шесть мѣсяцовъ, въ которые я употребилъ все возможное къ ея избавленію. Увы! желѣзная башня, въ которой она заперта, возпрещаетъ мнѣ доступъ, а ей бѣгство. Во все время сіе не имѣлъ я для нѣжной любви моей иной отрады, какъ только взлѣзая на высокія древа провождать дни въ смотрѣніи на оныя ненавистныя стѣны. Иногда представляется мнѣ, что я вижу возлюбленную мою стоящую у окна съ разпущенными волосами и сжатыми руками, молящую небеса о милосердіи. Видъ таковой пронзаетъ мое сердце. Мое отчая-

чаяніе привело меня поступать со всѣми проѣзжающими Рыцарями, такъ какъ извѣдали находящіеся со мною, и какъ испытаете вы. . . . . словомъ сказать: здѣсь никто не проѣзжаетъ безъ сраженія. Естьли удастся вамъ. . . . чего еще не случалось. . . . выбить меня изъ сѣдла вонъ, вы свободны, и можете шествовать куда вамъ угодно; буде же нѣтъ, должны вы мнѣ сдаться, какъ сіи господа, и жить въ моихъ повелѣніяхъ до тѣхъ поръ, когда освободимъ невѣсту мою изъ оковъ *Ангулаферонызъ*. Однако, ежели вы согласитесь и безъ того ѣхать прямо къ желѣзной башнѣ, и возвратить мнѣ мою *Ангелу*, оставляется на волю вашу: вы получите еще и великую благодарность. – – Князь! отвѣтствуетъ *Паладинъ*: какіе тутъ выборы? довольно того, что вы оказываете мнѣ честь: выѣзжайте! сперва съ вами, а въ другой разъ со всѣми вашими Рыцарями вдругъ.

Князь Ливанской изумляется, но удерживаетъ свою неустрашимость. Они разъѣзжаются при звукѣ трубномъ; но *Гіонъ* рѣшатъ однимъ ударомъ тупаго конца копейнаго, и повергаетъ его довольно небережно на матъ сырую землю.

Послѣ

Послѣ того разъѣзжаются и прочіе почтенные Рыцари по очереди, но выдерживаютъ то же, что и начальнику ихъ случилось. *Гіонъ* сходитъ съ коня и поднимаетъ Князя съ ласковымъ и почтительнымъ видомъ. - - По чести, господинъ Рыцарь (говорилъ Князь Ливанской, немножко прихрамывая)! вы жестокой боецъ. . . . Но постойте! вечеръ уже наступаетъ, я прошу васъ принять отъ меня дружеское угощеніе, и выпить кубокъ примиренія. - *Гіонъ* пріемлетъ съ благодарностію оное привѣтствіе, подаетъ ему руку; они шествуютъ въ шатеръ. Три часа протекли въ прохлажденіяхъ и забавныхъ разговорахъ. Всѣ Рыцари, взирая на красоту и учтивость *Гіону*, внутренно прощали ему отъ чистаго сердца претерпѣнные отъ него толчки.

Теперь, любезные друзья мои! сказалъ *Гіонъ*: прошу мнѣ показать дорогу къ замку исполинову. Я и безъ того имѣлъ бы великую охоту съ нимъ повидаться, и учиню то съ множайшимъ удовольствіемъ, когда зависитъ отъ сего услуга доброму человѣку. - По томъ благодаритъ онъ Князя за угощеніе, и объемлетъ всѣхъ дружески прощаясь. Они показываютъ ему ближнюю стезю сквозь лѣсъ

къ замку непобѣдимаго исполина; онъ оставляетъ ихъ, обнадеживая, что скоро получатъ извѣстіе о *Ангелѣ*. – Прощайте, мои господа! кричалъ онъ удаляясь. – Да благословитъ небо твой подвигъ! провождали его въ слѣдъ голоса всего собранія.

Едва только утренняя заря разпростерла румяность на вершины лѣсовъ, Рыцарь зритъ себя на чистомъ полѣ и вдали предъ собою высокую башню исполинову. Оная казалась вылитою изъ цѣльнаго желѣза, и такъ укрѣплена, что не было во оную доступа, опричь маленькихъ воротецъ; но и во оныя входъ защищали дубины, находящіяся въ рукахъ двухъ мѣдныхъ исполиновъ, кои чрезъ очарованіе въ приближеніи кого нибудь производили столь частые удары, что по видимому и лучу свѣта не можно было пролетѣть сквозь нихъ безъ раздробленія.

Паладинъ приближается, останововляется и разсматриваетъ. Между тѣмъ у окна появляется дѣвица и манитъ его къ себѣ рукою, но съ видомъ цѣломудрія. – Вотъ, вскричалъ *Шеразминъ*, дѣвушка эта васъ манитъ; но не думаете ли вы къ ней приближиться? Посмотри-

шрише на эшихъ швейцаровъ съ превеликими дубинами! они не оставяшъ у васъ живой косточки! Однако *Гіонъ*, пребывая вѣренъ правиламъ своего ордена, чтобъ и ошъ самаго сашаны не обращашь шылу: здѣсь, думаешъ онъ, нечего больше дѣлашь, какъ прямо вскакашь подъ дубинами въ ворота. Сказалъ въ мысляхъ, и поднявши мечь свой надъ головою, пускается на конѣ своемъ. Надежда его не обманываешъ! Мѣдные колоссы лишаются дѣйствія ошъ прикосновенія меча его. Вѣрный *Шеразминъ* стремишся за нимъ на дворъ зажмурившись и принимаешъ коня у господина своего: шогда прекрасная дѣвица выходишъ встрѣчашь его. Черные ея волосы, разсыпавшіеся по плечамъ ея, длинныя бѣлыя одежды, сомкнушыя на легко прикрышой груди золошымъ запаномъ, являюшъ бышь ее подобну Грацiямъ. - Какой благодѣшельсшвующій духъ (говоришъ она, подавая ему руку и закраснѣвшись) присылаешъ васъ ко мнѣ! Я щишаю помощь сію низподанною свыше! Сколько обрадовали вы нещасшную *Ангелу*!.... но удалимся не медливъ ошсюда; каждое мгновеніе ока ненависшно мнѣ въ сей шемницѣ. - Я не для шаковой поспѣшносши прибылъ сюда, ошвѣшсшву-

ствуетъ *Гіонъ*: гдѣ исполинъ? – По щастію онъ спитъ, сказала она: хорошо, что вы застали его въ семъ состояніи. Не надѣйтесь побѣдить его, какъ скоро онъ проснется, и доколѣ будетъ очарованное кольцо на рукѣ его. – . . . Но теперь лучшая пора снять оное; ибо сонъ, ежедневно до нѣсколька разъ его оглушающій, есть сонъ чрезъестественный. И какъ не можетъ онъ проснуться еще цѣлыхъ два часа, могу я разсказать вамъ вкратцѣ мое приключеніе.

Я дочь *Балацина*, Государя Ерихонскаго, въ странѣ Палестинской. Уже прошло тому года четыре, какъ влюбился въ меня *Алексѣй* прекрасный, Князь горы Ливанской; и хотя по его словамъ казалась я ему несклонною, но сердце мое въ томъ не участвовало. Я положила обѣтъ, естьли онъ чрезъ три года сохранитъ исканіе свое ко мнѣ со всякою вѣрностію и постоянствомъ, выйти за него. Онъ нравился мнѣ со дня на день больше, и время опыта учинилось для меня продолжительнымъ; однако оное протекло. Насъ обвѣнчали, и. . . . Мы остались уже одни. въ нашей опочивальнѣ. Но вдругъ дверь съ великимъ стукомъ была выбита съ крючьевъ, исполинъ

линъ вскочилъ, схватилъ меня, и унесши, содержитъ седьмой мѣсяцъ заточенную въ сей башнѣ. Можно ли было мнѣ согласиться на его любовныя предложенія, вы сами увидите, взглянувъ на него. Но могла ли бы я долго сопротивляться его насиліямъ? Я слабая дѣвица, когда бы нѣкая неизвѣстная мнѣ помощь меня не защитила. Въ одну ночь. . . еще теперь трепещу я, вспоминая! . . . когда доведена я была почти до крайности, неизвѣстная мнѣ сила повергла его безчувственна, и онъ лежалъ шесть часовъ безъ движенія. Съ того времени при каждомъ нападеніи его возобновляется оное чудо; онъ упадаетъ, и волшебное кольцо его ему не помогаетъ. То же случилось съ нимъ и сего дня; уже прошло четыре часа его безчувствію, и чрезъ два часа онъ встанетъ ободренъ, какъ бы ничего съ нимъ не случилось: можетъ быть то дѣйствіе кольца. Сохраненіе онаго защищаетъ отъ всего жизнь его. Вы не можете повѣрить, какую силу оное въ себѣ содержитъ! Но не угодно ли вамъ самому оное видѣть? — Рыцарь шествуетъ. По одному имени *Ангулаф*ф*ра* представляетъ онъ его себѣ чудовищемъ, происходящимъ отъ злобна-

 го

го сѣмяни Титановъ, сихъ неукротимыхъ сыновъ земли, воевавшихъ нѣкогда противу неба, изторгавшихъ горы изъ нѣдръ ихъ, и взгромоствившихъ Оссу на Пеліонъ. Однако онъ зритъ предъ собою исполина, только седьми лактей длиною. – Когда читателю моему случилось видѣть неоцѣненное художество *Гликонопо*, какъ онъ изобразилъ изъ гипса покоющагося Геркулеса, сего чуднаго сына продолжительнѣйшей на свѣтѣ ночи, по вычищеніи марморныхъ Авгіевыхъ конюшенъ: будетъ то истинное подобіе разтянувшагося *Ангулафера*. Такія же широкія плеча, такую же возвышенную грудь, и такое же одѣяніе имѣлъ онъ. Рыцарь изумляется, взглянувъ на онаго. Въ то время дѣвица шепчетъ ему на ухо: для чего медлишь ты почтенной Рыцарь? Онъ спитъ. Кольцо долой, и одинъ ударъ рѣшитъ все дѣло. – „Я наблюдаю честь мою, сударыня! не простительно нападать на соннаго непріятеля; я разбужу его.„ – По крайней мѣрѣ снимите кольцо, сказала она. Рыцарь срываетъ оное, надѣваетъ на палецъ, и не вѣдаетъ того, что учиняетъ себя тѣмъ повелителемъ всѣхъ духовъ.

Коль-

Кольцо оное, сверьхъ другихъ неизвѣстныхъ *Гіону* силъ, имѣло и то свойство, что на всякую руку было въ пору, каковъ бы человѣкъ ростомъ ни былъ. *Гіонъ*, посмотрѣвъ на сіе удивительное дѣйствіе, беретъ исполина за руку и трясетъ до тѣхъ поръ, пока онъ пробудился. Едва оный началъ шевелиться, дочь Балацинова съ великимъ воплемъ удалилась; но *Гіонъ*, непоколебимый хранитель правъ Рыцарскихъ, стоитъ неподвиженъ. Исполинъ, узрѣвъ его, вопіетъ яростно: кто ты таковъ малая тварь, дерзающая нарушить утренній сонъ мой? Голова твоя заплатитъ мнѣ за таковое оскорбленіе, и тѣмъ лучше, что ты самъ принесъ ее ко мнѣ на поклонъ! – Вставай и вооружайся, отвѣтствуетъ *Гіонъ*: на слова твои будетъ отвѣчать мечь мой. Небо посылаетъ меня наказать тебя, и окончать твою порочную жизнь. – Исполинъ, услышавъ слова таковыя, и увидѣвъ кольцо на рукѣ *Гіоновой*, ужаснулся. Отдай мнѣ кольцо, сказалъ онъ, и ступай куда хочешь, благодаря твоему щастію, что я не очень сердитъ теперь. – Я взялъ только похищенное тобою, говорилъ Рыцарь, и возвращу тому, у кого ты укралъ. Бери оружіе, надѣвай броню и выходи! – Ты

доброй человѣкъ! отвѣчалъ исполинъ: ты могъ бы умертвить меня и соннаго; я не хочу пролить твоей крови, отдай лишь кольцо, я прощаю тебя. – Трусъ! вскричалъ сынъ Сигевиновъ: стыдись своей безплодной прозьбы! Умирай, или когда заслуживаешь жизнь, пріобрѣши оную мужествомъ! – Тогда чудовище вскочило, такъ что стѣны замка его задрожали, глаза его разкалились какъ горящая печь, а изъ рта и носа казалось какъ бы палящій дымъ пыхалъ. Онъ спѣшитъ надѣть свой панцырь, непроницаемый для самаго очарованнаго меча. Рыцарь между тѣмъ выходитъ на площадь замка, и вскорѣ появляется его дерзской противникъ, покрытый весь сталью; онъ въ ярости забываетъ, что отъ молніи очарованнаго кольца не можетъ защитить его никакое волшебное оружіе; но отъ перваго удару меча *Гіснопа* пріемлетъ онъ казнь свою. Кровь проливается рѣкою изъ дебелой его гортани, и пресѣкаетъ дыханіе въ обширномъ его зѣвѣ. Онъ упадаетъ подобно высокому кедру, опроверженному громомъ на вершинѣ горы Тавра: замокъ и окрестныя поля сотрясаются отъ его паденія; чувства его оставляютъ, глаза его замыкаются на

вѣки,

вѣки, и окаянная душа, омраченная злодѣяніями, влечется діяволами во адъ. Побѣдитель отираетъ мечь свой, обагрившійся ядовитою кровію, и спѣшитъ въ покои къ освобожденной дѣвицѣ. Сія, узрѣвъ его, вопіетъ: благословеніе небесъ да будетъ надъ тобою, храбрый Рыцарь! ты отмстилъ за мое страданіе. Обѣщаюсь въ даръ небесамъ, пославшимъ тебя на помощь мнѣ, принесть столько вѣсомъ чистаго золота, сколько потянетъ первый сынъ, имѣющій произойти отъ моего брака.

Гіонъ благодаритъ ее за признаніе со всякою вѣжливостію, свойственною древнимъ Рыцарямъ, которая хотя не такъ тонко бывала соплетаема, какъ нынѣшнія; но тѣмъ была прочнѣе, и лучше сохраняла цвѣтъ свой. Тогда первѣйшее Рыцарей правило состояло въ защищеніи нѣжнаго полу; и всякъ, хотя бы и не за свою любовницу, готовъ былъ во всякомъ случаѣ кровь излить.

Ангела не имѣла еще времени разсмотрѣть получше своего избавителя; но тогда, помогая снимать ему вооруженіе его, желала имѣть равночисленно очей, находящихся на хвостѣ Юнонина павлина. Разсматривающей всѣ черты лица

 его,

его, весь видъ съ головы до ногъ, представляется онъ въ величавости и прелестяхъ первѣйшимъ мущиною на свѣтѣ; не по тому, чтобъ сравнивала она съ нимъ разлучающаго сердце ея отъ него. Она безпечно даетъ волю очамъ своимъ услаждаться привлекающимъ оные предметомъ, и супругъ ея забытъ былъ въ ту минуту. Щастлива ты, невинная *Ангела*! что взоры твои не могли воспламенить грудь *Гіонопу*! Нѣчто неизвѣстное влекло его подобно магниту въ Вавилонъ, и нечаяннно раждающіяся желанія твои остаются тщетны. Не уважаются прелести твоего стана, устроенныя рукою самой любви; безъ успѣха смыкается величественное чело твое съ прекрасными чертами лица; тщетно воздымается грудь твоя, подобная двумъ холмамъ, покрытымъ свѣжимъ снѣгомъ; безплодно все тѣло твое уподобляется тихому зеркалу поверьхности водной, въ кою смотрится Аврора, украшенная розами; и тщетно всѣ части красоты твоей умножаются едва сокрывающими ихъ одеждами. Строгій взоръ твоего избавителя напоминаетъ тебѣ должность твою, и принуждаетъ просить его о возвращеніи въ объятія твоего супруга.

Едва

Едва *Гіонъ* обѣщался исполнить ея прозьбу и препроводить подъ своимъ защищеніемъ, по замку раздается топотъ и ржаніе коней. По крутымъ оборотамъ лѣстницъ крыльца слышится шорохъ всходящихъ. *Ангела* съ робостію говоритъ: – что бы это значило? Но тотчасъ забота и страхъ ея обращаются во утѣшеніе; Князь Ливанскій вступаетъ къ нимъ. Ему вошло на мысль, хотя нѣсколько поздно, что непохвально для него тогда, какъ *Гіонъ* сражается съ исполиномъ за его невѣсту, отдыхать ему подъ тѣнію древесъ и прохлаждаться отъ жару виномъ пальмовымъ. Ему воображается (что и легко случиться можетъ), чтобъ Рыцарь не уѣхалъ съ его возлюбленною, куда ему надобно. Подстрѣкнутый тѣмъ садится онъ на коней со всемъ своимъ Рыцарствомъ, и во всю рысь приспѣваетъ въ замокъ уже тогда, какъ опасность была кончена храброю рукою *Гіоновою*, принять свою красавицу, пожелать благословенія небесъ незнакомому Рыцарю, и немножко устыдиться о своей оплошности. – Однако онъ былъ Князь Ливанской.

Гіонъ не чаявъ убѣжденъ былъ отложить на нѣсколько путь свой, и возвра-

вратиться съ *Ангелою* въ шатры ея супруга. Все собраніе не престаетъ наперерывъ возносить его похвалами, кои наносятъ ему скуку. Между тѣмъ сила волшебнаго кольца, недремлющая въ благодѣяніяхъ, представляетъ великой круглой столъ, наполнившійся изобильно невидимою рукою всѣми избранными яствами и напитками. Уже готовились они садиться за обѣдъ, какъ прекрасная *Ангела* сказала *Гіону*: ахъ, господинъ Рыцарь! я забыла просить васъ, чтобъ вы освободили пятьдесятъ дѣвицъ, запертыхъ въ исполиновомъ Гаремѣ, находящемся въ отдѣленіи желѣзной башни. Это наилучшій цвѣтъ красотъ, безъ сомнѣнія опредѣленныхъ чудовищнымъ *Ангулаферомъ* на жертву его Магомету. — Рыцарь садится на коня своего, возвращается въ замокъ, отверзаетъ запоры Гарема и освобождаетъ красавицъ; но потомъ вручаетъ ихъ въ защищеніе последующихъ за нимъ Рыцарей, и удаляется съ *Шеразминомъ* въ путь свой. Тщетно простираются въ слѣдъ за нимъ убѣжденія возвратиться въ шатры и раздѣлить пиршество.

День скончался, уже по блѣдной зарѣ разпростиралось сіяніе луны, когда

Гіонъ

Гіонъ остановился въ пріятномъ мѣстоположеніи дать отдохновеніе коню своему. Онъ возлегаетъ на муравѣ между тѣмъ, какъ старикъ разсѣдлываетъ коней. Но вдругъ появляется близь ихъ великолѣпной шатеръ; невидимая рука разстилаетъ отъ ногъ Рыцаря до входа во оный богатой коверъ. Посреди шатра видимъ былъ яшмовый столъ, на злотомъ треножникѣ утвержденный, и снабженный всемъ, что можетъ удовлетворить алчности и жаждѣ самаго роскошнѣйшаго человѣка. Рыцарь встаетъ со изумленіемъ, манитъ къ себѣ *Шеразмина*, и вопрошаетъ: видитъ ли онъ произходящее. — О! какъ не видать, отвѣчаетъ сей: ясно то, что другъ нашъ *Оберонъ* не въ дальности отъ насъ! . . . Смотрите, сударь, какой столъ! . . . бутылки, и безъ сомнѣнія съ хорошимъ виномъ! . . какія тамъ въ углу постели! безъ него спали бы мы на голой землѣ! Вотъ что называется помнить о друзьяхъ своихъ! Ступайте, милостивой Государь! по такихъ трудахъ отдохновеніе сладко. Разпояшемся скорѣй; вы видите, что Царь волшебниковъ насъ приглашаетъ къ ужину. *Гіонъ* послѣдовалъ его совѣту; они садятся за столъ, прохлаждаются по Рыцарски; при воспѣ-

ванія забавныхЪ ГасконскихЪ пѣсенЪ кубки не гуляютЪ, опоражниваются и опять наполняются. Вскорѣ сладкій сонЪ начинаетЪ отягощать ихЪ вѣжды; они повергаются на постели: между тѣмЪ вокругЪ ихЪ разпростирается пріятной звукЪ тихой музыки. Кажется, что всѣ листы на окрестныхЪ древесахЪ учинилися тогда гортанью, и обворожающій голосЪ *Мары*, сей славной пѣвицы, тысячекратно проливался изЪ оныхЪ. Сладостное оное согласіе постепенно уменьшаетЪ звукЪ свой, и достигаетЪ мѣры жужжанія зефирнаго, сЪ каковымЪ онЪ пролетаетЪ вЪ пріятные лѣтніе вечера, играя листками цвѣтовЪ, вертясь около колѣнЪ НимфЪ, и едва производя струи на сребристыхЪ поверьхностяхЪ источниковЪ. Рыцарь нашЪ дремля внимаетЪ оное; услажденныя чувства его ослабѣваютЪ, и покаряются непримѣтно крѣпкому сну. ОнЪ не пробуждался до тѣхЪ порЪ, какЪ утренній пѣвецЪ не принудилЪ кЪ ржанію румяновидныхЪ коней АврориныхЪ, и чудное сновидѣніе поколебало его внутренность. Ему представилось, что шествовалЪ онЪ неизвѣстною дорогою по изпещреннымЪ полямЪ и по берегу рѣки; вдругЪ появляется предЪ нимЪ бо-

богинѣ подобная дѣвица: ласковость сіяетъ во очахъ ея, и прелести любви окружаютъ всѣ части ея членовъ. Чувствованія его при томъ никакія слова изобразить не могутъ; онъ, пріемлющій впервые впечатлѣнія любви, остановляется недвижимъ, бездыханенъ отъ восхищенія, и какъ бы вкорененъ въ землю. Вся жизненность его преходитъ въ одни его взоры; онъ чаетъ еще видѣть ее, когда она въ глазахъ его изчезаетъ. Наконецъ видѣніе разсыпается, и ничего незрящія очи его замыкаются какъ бы сномъ смертнымъ. Въ семъ состояніи повергается онъ (во снѣ своемъ) на берегу той рѣки; вдругъ кажется ему, что нѣкая горячая рука касается до его леденѣющаго сердца. Какъ бы отъ смерти возбужденной встаетъ онъ опять, и видитъ вновь близь себя оную красавицу, ни съ чемъ смертнымъ несравнительную, и троекратно прекраснѣе, нежели показалась ему въ первой разъ. Въ молчаніи взираютъ они другъ на друга, но взоры ихъ говорятъ сильнѣе, нежели бы могли уста. Небо отверсто является имъ во очахъ ихъ, и души ихъ утопаютъ въ морѣ любви. Вскорѣ чрезмѣрность веселія становится ему нестерпима;

ма; онъ бросается въ ея объятія. Но въ то мгновеніе на черныхъ облакахъ мчится молніеносная колесница, ревущихъ вихрей сонмище крутитъ воздухъ своимъ воемъ; невидимая сила исторгаетъ красавицу изъ рукъ его и повергаетъ въ струи близь текущей рѣки. Онъ слышитъ вопль ея, хочетъ бросаться за нею . . . . и не можетъ! Стоитъ какъ окаменѣлый неподвиженъ. Безплодно рвется, движетъ руками и ногами. Ему кажется, что зарытъ онъ въ ледъ по самую шею, красавица его простираетъ изъ волнъ къ нему руки, призывая на помощь; но онъ не въ силахъ ни кричать, ни броситься на спасеніе ея.

Государь! . . кричитъ ему *Шеразминъ*, уже проснувшійся, и примѣтивши необычайное его движеніе. . . проснитесь, проснитесь, Государь! Злое сновидѣніе! застегните скорѣй воротъ рубашки вашей! — Пустите, злые духи! кричитъ пробудившись *Гіонъ*: неужели хотите вы похитить у меня и тѣнь ея? Съ словомъ симъ вскакиваетъ онъ свирѣпо, и трепеща отъ ужаса. Онъ пугается дневнаго свѣта, и холодный потъ выступаетъ на блѣдныхъ щекахъ его. — Это былъ тяжкой сонъ, сказалъ ему *Шеразминъ*: можетъ

жетъ быть вы започивали навзничь? -
Сонъ? отвѣчалъ сынъ Сигевиновъ, приходя въ себя. . . . такъ, это сонъ! но онъ похитилъ навсегда мое сердце! — „ Не дай Боже, милостивой Государь! - Скажи мнѣ по правдѣ, подхватилъ *Гіонъ*: не предвѣщаютъ ли чего будущаго сны наши? - Бывали примѣры. . . . Я точно не лгу съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ имѣю честь сопутствовать съ вами; но естьли сказать правду, я снамъ худо вѣрю. Всѣ сны мои происходятъ отъ плоти и крови; объ этомъ вѣдали и предки наши. Однакожъ, естьли вы откроете мнѣ содержаніе сна вашего, можетъ быть я и могу разтолковать оной. Я удовольствую тебя въ томъ, отвѣчалъ *Гіонъ*: но уже пора ѣхать. Подай мнѣ *Оберонопъ* стаканъ, дабы укрѣпиться; у меня на груди лежитъ тяжкое бремя. Между тѣмъ, какъ чудесной сосудъ ободрялъ Рыцаря, *Шеразминъ* стоитъ молча, и негодуя на отважнаго сына храбраго Сигевина, что онъ слабѣе явилъ себя, нежели должно. . . . Кстати ли (думалъ онъ, покачивая головою), кстати ли уважать такъ сонной бредъ, уже проснувшись! Но какъ бы то ни было, охмѣлиться и мнѣ нужно.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Паладинъ повѣствуетъ по томъ подробно свое сновидѣніе, и оканчиваетъ тако: что бы ты, любезной *Шеразминъ*! ни думалъ въ сердцѣ своемъ о сказанномъ мною; но оное не простое сномечтаніе. Поднесь еще сохранилъ я въ чистотѣ мои чувства и тѣло; до сего часа сердцу моему не извѣстно было впечатлѣніе любви, хотя при дворѣ родительницы моей много было прекраснѣйшихъ дѣвицъ, и часто представлялись случаи привесть молодаго человѣка въ соблазнъ могущія, а особливо при играхъ въ фанты. Не рѣдко доставалось мнѣ снимать съ прелестнѣйшихъ ногъ подвязки; но воображенія мои оставались въ покоѣ. Хотя бы нога чья уподоблялась ногѣ древней Геневры, для меня было равно, и не больше какъ нога; можетъ быть причиною того, что я съ младенчества привыкъ видать множество обнаженныхъ грудей и плечь. Привычка въ семъ случаѣ уподобляется Медузѣ, и превращаетъ чувства наши къ прелестямъ въ камень. Но какая

кая мнѣ польза, что прожилъ я двадцать лѣтъ въ свободѣ? Насталъ и мой часъ! и я по судьбѣ моей долженъ былъ влюбиться въ сновидѣніи. Такъ, дорогой *Шеразминъ*! я видѣлъ ее, предопредѣленную мнѣ отъ небесъ побѣдительницею; увидѣлъ ее, и съ первымъ взглядомъ потерялъ мою свободу. Ты говоришь, что была то мечта? Нѣтъ, другъ мой! призракъ не можетъ учинить таковыхъ сильныхъ впечатлѣній. И хотябъ ты назвалъ меня тысячекратно глупцемъ, я утверждаю, что она существуетъ, что я ее найду и получу. О! естьли бы видѣлъ ты сію красавицу, такъ какъ я! . . . Когда бы умѣлъ я живописному, я начерталъ бы ее тебѣ; такъ памятно она изображена въ моихъ мысляхъ, и безъ сомнѣнія она сожгла бы и твое престарѣлое сердце въ уголь. Ахъ! естьли бы могъ я что нибудь отъ ней получить, хотя бы цвѣтокъ съ ея груди! чего бы не могъ отдать я за оный! . . . Представь себѣ дѣвицу въ цвѣтущей молодости, составленную только изъ розъ и лилій; прибавь къ тому правильность членовъ, цѣломудренную усмѣшку, и каждую прелесть, возвышаемую величествомъ, возбуждающую желанія, и обращающую оныя въ поче-

чтеніе: все это будетъ лишь тѣнь въ сравненіи съ подлинникомъ! . . . Нечувствительно привлеченный нѣжными взорами сей ласковой дѣвицы, сего подобія небожителей, прижавъ ее къ моему сердцу, ощутивъ, что и ее въ равномъ движеніи, возможно ли, что я не умеръ отъ восхищенія? . . Ну, скажи теперь, что это была пустая мечта! Ахъ! какое сравненіе сего одного сна со всею моею прошедшею жизнію! Нѣтъ, *Шеразминъ*! я повторяю, не призракъ былъ то, родившійся отъ паровъ винныхъ. Необманчивое чувство вѣщаетъ мнѣ, что она есть на свѣтѣ, и для меня рожденна. Можетъ быть *Оберонъ* велѣлъ ей мнѣ явиться. Естьли то и обманъ, да останется оный со мною. О коль обманъ сей сладостенъ! Ахъ нѣтъ! не пустая мечта! Естьли сонъ таковой обманчивъ, то нѣтъ ничего на свѣтѣ истиннаго!

Старикъ внимая качаетъ своею сомнительною головою, и оказываетъ, что онъ слушаетъ то, чему во внутренности сердца не вѣритъ. Что ты думаешь? вопрошаетъ Рыцарь. — То, что приводитъ меня въ недоумѣніе, отвѣчаетъ *Шеразминъ*: мнѣ вошло было нѣчто въ голову; но что прибыли, когда вы тѣмъ опечалитесь? Все-

Всего лучше помнить вамъ о своемъ Княжескомъ словѣ, данномъ *Карлу*, и продолжать путь нашъ въ Вавилонъ. Можетъ быть дорогою мечта изъ головы выдетъ; можетъ быть и Царь волшебниковъ сдѣлаетъ, что сновидѣнная красавица найдется. Между тѣмъ, милостивой Государь! ежели нравно вамъ надѣяться, такъ надѣйтесь! убытку въ томъ никакого нѣтъ. – Въ продолженіи словъ *Шеразминовыхъ* Рыцарь стоитъ повѣсивъ голову; въ зараженномъ любовію мозгѣ его дѣйствіе перемѣняется. Увы! вѣщаетъ онъ: не льсти мнѣ ложнымъ утѣшеніемъ! злое созвѣздіе на меня вооружилось. Скажи, чего мнѣ ожидать? Вихрь, отторгнувшій ее отъ груди моей, довольно ясно предзнаменуетъ судьбу мою. Она была похищена изъ моихъ объятій! простирала изъ воды ко мнѣ руки. . . Кровь моя леденѣла . . а я стоялъ какъ бы цѣпьми прикованъ къ землѣ, не могши ее спасти.

Но вѣдь это было во снѣ, подхватилъ *Шеразминъ*: за чемъ вамъ безпокоить себя такими ужасными предвѣщаніями? Всѣ сны пустяки; намъ должно замѣчать въ нихъ лишь то, что можетъ насъ веселить. На примѣръ это хорошо, что благо-

благосклонной вашъ духъ показалъ вамъ будущую владѣтельницу вашего сердца; этому можно вѣрить, и хоть бы щитать за сущую правду. Но рѣку, вихрь, цѣпи на рукакъ и на ногахъ, сонъ прибавилъ не кстати, и это вздоръ. Смолоду и со мною не рѣдко тожъ случалось, когда меня стѣнь давливала. . . . Тутъ на прикладъ идешь, а ноги слабы; вдругъ ни вѣдь откуда выскочитъ черной лохматой медвѣдь на встрѣчу; я въ страхѣ хвать за шпагу, тащу ее, тащу. . . ни тутъ то было! Руки начнутъ ослабѣвать, а медвѣдь становится въ семеро больше, раззѣваетъ страшную пасть, какъ адской зѣвъ; я хочу бѣжать, ни съ мѣста! и ноги не слушаютъ. Въ другой разъ покажется, будто бы идешь изъ гостей ввечеру домой мимо стараго опальнаго дому – вдругъ заскрыпитъ ставень, растворится, и изъ окна высунется носъ, въ руку длиною; ты думаешь уйти, но впереди и назади стоятъ привидѣнія, которыя заглядываютъ тебѣ въ лице, и высовываютъ долгіе огненные языки изъ длинныхъ шей своихъ. Ты хочешь въ смертельномъ ужасѣ прислониться къ другой какой стѣнѣ, анъ тутъ высовывается мертвая какъ ледъ холодная

рука

рука тебѣ на спину, провертываетъ тѣло и щиплетъ за сердце. Всякой волосокъ поднимается дыбомъ у тебя на головѣ; бѣжать нѣкуда, улица становится отъ часу уже, рука холоднѣе, а носъ длиннѣе. . . . Это случается очень часто, однако вѣдь все то пустяки, производимыя ночною мечтою въ головѣ нашей, и носъ и страхъ изчезаютъ, какъ проснешься. На вашемъ мѣстѣ я ни о чемъ бы не думалъ, и держался бы обѣщаннаго отъ Царя волшебниковъ. Ободритесь! мнѣ чудится ужъ и не вѣдь что. . . ежели мы не найдемъ въ Вавилонѣ нашу красавицу!

При словѣ семъ Рыцарь вскочилъ, ободренный снова, равно какъ бы ничего во снѣ не видалъ. Конь его уже былъ осѣдланъ; онъ садится на него, пускается въ путь, и оглянувшись назадъ, зритъ, что шатеръ изчезъ. Они шествуютъ около текущаго глубокаго Евфрата, чрезъ прекраснѣйшее мѣстоположеніе, въ тѣни финиковыхъ и другихъ благовонныхъ древесъ, въ молчаніи, коего ни одинъ изъ нихъ не нарушаетъ, хотя довольно имѣютъ причины къ разговорамъ, но всякъ углубленъ въ свои забосты. Чистый воздухъ, пріятное утро,

пѣніе птицъ, тихій шумъ текущей рѣки, приводятъ ихъ въ нѣкое забвеніе. Рыцарь въ своемъ очарованномъ мыслей зеркалѣ не находитъ ничего достойнаго любопытства, опричь образа своей возлюбленной. Онъ изображаетъ на сей свѣтлой таблицѣ свою богиню, бѣжитъ въ слѣдъ за нею на высочайшіе утесы горы Тавра, вопрошая объ ней, низходитъ въ страшный Мерлиновъ гробъ (*), побѣждаетъ *Гіеннъ* и драконовъ, стрегущихъ замокъ, въ коемъ она заточенная страдаетъ, и сражается за нее со всемъ адомъ. Между тѣмъ, какъ онъ въ страстномъ воображеніи съ трудомъ пріобрѣтенную невѣсту нѣжно прижимаетъ къ груди своей, нечувствительно зритъ себя на берегу Гаронны, гдѣ онъ въ нѣжномъ младенчествѣ срывалъ первые весенніе цвѣты; воображеніе переноситъ его отъ Евфрата на родину. Нѣтъ, мнитъ онъ, нигдѣ солнце не свѣтитъ съ такимъ блистаніемъ; нигдѣ не улыбаются луга съ такою пріятностію, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я впервые ее увидѣлъ. О ты, малое мѣстечко, гдѣ я впервые всосалъ лучь свѣта, гдѣ возчувствовалъ первую скорбь

(*) Смотри въ Библіотекѣ Нѣмецкихъ романовъ, исторію Рыцарей Круглаго стола.

скорбь и первое веселіе! пребывай всегда невидимо, незнакомо, но сердце мое предпочтетъ тебя всему свѣту, всегда будетъ къ тебѣ стремиться, и въ самомъ раю сочтетъ себя изгнаннымъ.

Въ таковыхъ размышленіяхъ непримѣтно изчезаетъ разстояніе между ими и Василономъ, доколѣ полдневный жаръ принуждаетъ ихъ въ тѣнь случившагося лѣсу. Еще покоились они у подножія древняго дуба на густосплетенномъ мохѣ, и прохлаждали запекшіяся уста свои изъ *Оберонова* сосуда, какъ вдругъ проливается къ нимъ странный вопль и ревъ. Они вскакиваютъ. Рыцарь обнажаетъ свой мечь, и бѣжитъ на голосъ. Онъ зритъ Срацинскаго всадника, терпящаго нападеніе отъ льва, сражающагося еще отчаянно, но утомленна и ослабѣвающа: Уже изтерзанный конь его шатается, и упадаетъ съ нимъ чрезъ голову. Свирѣпый левъ повергается на своего противника, пыша и сверькая разкаленными глазами; но мечь *Гіоновъ* прободаетъ его съ боку. Царь звѣрей раздраженный отвѣтствуетъ ему уязвленіемъ когтей, кои произвели бы рану, удобную излить всю кровь его, естьли бы не защищало его кольцо, отнятое у *Ангулафера*; левъ за

 одинъ

одинъ разъ разорвалъ бы его на полы. *Гіонъ* собираетъ свои силы и вонзаетъ свой коротикой мечь въ затылокъ льва, грозящаго ему смертію. Тщетно заноситъ онъ хвостъ свой къ пораженію Рыцаря, тщетно грозитъ онъ страшною своею лапою: ударъ приспѣвшаго *Шеразмина* умерщвляетъ его на мѣстѣ.

Срацинъ по множеству камней дорогихъ, украшающихъ турбанъ его являющійся быть знатнаго состоянія, еще потѣетъ отъ ужасу. Рыцари, взявъ его подъ руки, отводятъ подъ дерево, служащее имъ тѣнію, и подносятъ для укрѣпленія златой сосудъ *Оберноновъ*, при чемъ старикъ говоритъ ему по Арабски: Государь мой! поистиннѣ надлежитъ вамъ благодаришь Бога Христіянскаго. – Язычникъ съ косымъ взглядомъ пріемлетъ наполнившійся сосудъ изъ рукъ *Гіоновыхъ*; но лишь приближаетъ оный къ устамъ, вино изсякаетъ въ немъ, и разкалившійся сосудъ опаляетъ руки его. Онъ возревѣвъ бросаетъ сосудъ, раздражается, и изрекаетъ ужасную хулу. *Гіонъ*, скучивъ слушать продолженіе оной, обнажаетъ мечь свой для обращенія на истинный путь сего язычника. Однако бездѣльникъ не осмѣливается защищать-

ся,

ся, подобно гонимому Штраусу убѣгаетъ онъ на ближнее поле, гдѣ ходили на травѣ оба коня *Гіонопъ* и *Шеразминопъ*. Онъ ловитъ *Гіонопа* клепера, садится на онаго, и скачетъ во всю прыть прочь съ крайнимъ ужасомъ, равно какъ бы несло его на крылахъ вихря.

Досадно таковое приключеніе; но можно ли было догнать измѣнника? По щастью можно было достать въ ближней деревнѣ купить нѣкое животное, подобное мулу; покупаютъ онаго за малую цѣну. Бѣдная тварь сія, почти прозрачная отъ худобы, едва въ состояніи была добрести въ Багдатъ; но старику *Шеразмину*, уступившему коня своего Рыцарю, все лучше было тащиться на немъ, нежели бѣжать за *Гіономъ* пѣшу, высунувъ языкъ. И такъ путешественники наши направляютъ къ желаемому пристанищу стопы свои, какъ могутъ, хотя въ худомъ Рыцарскомъ приборѣ. Уже колесница солнцева наклонялась къ западу, какъ вдругъ представляется имъ на обширной долинѣ Царь градовъ, увѣнчанный безчисленными башнями, блестящими при вечерней зарѣ, и окружаемый зеленью бреговъ съ одной стороны Тигра,

а съ другой Евфрата, рѣкъ, орошающихъ живоносныя поля рая.

При взорѣ на Вавилонъ смѣсь радости и ужаса тайнаго предвѣщанія и неизвѣстнаго содроганія объемлютъ Рыцарево сердце. Онъ видитъ мѣсто, гдѣ надлежитъ ему сдержать данное *Карлу* слово, слово обѣщающее ему всего скорѣе неизбѣжную смерть. Опасность сія и всегда была великая опасность, но въ приближеніи казалась еще величайшею. Онъ взираетъ на златоверьхія зданія сего гордаго и страшнаго вмѣстилища всѣхъ Эмировъ; сей престолъ, приводящій въ трепетъ всю Азію. Онъ вѣщаетъ самъ себѣ: что предпріемлешь ты? И изумляется. Но вдругъ опять утверждаетъ свои мысли, укрѣпляется упованіемъ, сопровождавшимъ его въ столь длинномъ пути, и нѣкій тайный голосъ какъ бы шепчетъ ему: въ сихъ стѣнахъ увидишь ты свою возлюбленную. — Ободрись! кричитъ онъ *Шеразмину*: напрягай всѣ парусы! Вотъ мета длиннаго моего странствованія; мы достигнемъ Вавилона еще до наступленія ночи. Сказавъ, погоняетъ коня своего. Оруженосецъ его изъ жалости къ задыхающемуся мулу вливаетъ на языкъ нѣсколько капель изъ сосуда

Обе-

Оберонопа; испей, говоритъ онъ, испей другъ сердечной! сосудъ никогда не изсякнетъ для подобныхъ тебѣ трудниковъ. Въ самомъ дѣлѣ оживляющій нектаръ изтекаетъ на языкъ скота, горящій источникъ разливается по его жиламъ и костямъ; онъ ободряется и производитъ бѣгъ, подобный вѣтру. Съ окончаніемъ дня вступаютъ они въ Вавилонъ.

Они бродили еще въ неизвѣстности по первымъ улицамъ въ сумерькахъ, какъ попадается имъ на встрѣчу старушка, удрученная лѣтами, и опирающаяся на клюку свою. Гей! бабушка! кричитъ *Шеразминъ*: сдѣлай дружбу, покажи намъ дорогу къ постоялому двору. – Старушка остановляется, и поднимаетъ свою трясущуюся голову для разсмотрѣнія странственниковъ. Господинъ путешественникъ! отвѣчаетъ она по томъ: постоялые дворы отсюда далеко; но естьли вы устали, и не противно вамъ будетъ, прошу успокоиться въ моей хижинѣ; я поставлю вамъ хлѣбъ и молоко, постелю для васъ свѣжей соломы, и дамъ конямъ травы; а по утру отдохнувъ можете ѣхать куда вамъ угодно. – Съ великою благодарностію пріемлетъ *Гіонъ* то привѣтствіе. Ему никакая постеля не кажется твердою

дою тамъ, гдѣ чистосердіе и дружество отверзаютъ двери. Новая Вавкида поспѣшно разстилаетъ для нихъ солому, и усыпаетъ оную благовонными цвѣтами изъ своего саду, поставляетъ свѣжее молоко, сочные абрикозы, спѣлыя фиги, и жалѣетъ, что не могла достать финиковъ за высотою древъ. *Гіону* кажется, что онъ отъ роду не вкушалъ таковаго пріятнаго ужина. Недостатокъ угощенія дополняла довѣренность и говорливость доброй старушки. Вы. господа! сказала она, поспѣли къ великому празднеству. – „ Что такое? „ – Вы не вѣдаете? А у насъ въ Вавилонѣ только и разговоровъ, что завтра выдаютъ за мужъ дочь нашего Государя. – „ Дочь Султанскую? А за кого? „ – За Князя Друзовъ, и свойственника Султанскаго, богатаго и пригожаго, и котораго никто не можетъ поиграть въ шахматы; словомъ сказать, за такого Князя, коего весь свѣтъ щитаетъ достойнымъ прекрасной *Реціи*. Однако. . за тайну вамъ сказать. . . она лучше бы вышла за чорта, чѣмъ за него. – „ Это страшно! подхватилъ *Паладинъ* слова ея: какъ этому повѣришь? „ – Точно такъ! я не лгу: мнѣ все дѣло подробно извѣстно. Хотя я отнюдь не болшлива,

но

но ежели дадите слово въ скромности, то и вы обо всемъ узнаете. Вамъ можетъ быть удивительно покажется, какъ женщина моего состоянія могла проникнуть въ тайну, сокрытую и отъ самыхъ знатныхъ вельможъ? Но знайте, что я мать кормилицы прекрасной *Рецін*, которая хотя уже за шестнатцать лѣтъ предъ симъ кормила ее своею грудью, однако *Фатима* отъ ней не отлучна. И такъ видите, что не мудрено мнѣ обо всемъ вѣдать. Извѣстно также, что Калифъ, гордясь красотою своей дочери, за нѣсколько лѣтъ началъ ее выводить за столъ съ собою въ публичныхъ пиршествахъ, при чемъ много видала она пригожихъ мущинъ. Однако весь свѣтъ вѣдаетъ, что никто еще не получилъ благосклоннаго ея взгляду; она всѣхъ презирала. Между тѣмъ подумали, что *Бабеканъ* (такъ называется Князь, назначенный Султаномъ въ зятья) ей можетъ нравиться, не потому, чтобъ видаясь, или прощаясь съ нимъ, сердце ея сильнѣе обыкновеннаго начинало биться; но что думали, когда она никѣмъ не занята, то любовь можетъ притти по совершеніи брака. Однако за нѣсколько дней предъ симъ все пошло на выворотъ. Съ того времени

Ре-

Рецїя жениха своего и на глазахъ терпѣть не можетъ. Она выходитъ изъ себя, коль скоро заговорятъ о свадьбѣ; и что всего чуднѣе, одинъ только сонъ причинилъ оное. - Сонъ? вскричалъ *Гїонъ* воспламенясь. Сонъ? вскричалъ и *Шеразминъ*: какое приключенїе! - Ей приснилось, продолжала старуха, что она обратилась въ серну, и *Бабеканъ* гнался за нею въ пустынѣ. Она бѣжала въ смертельномъ ужасѣ отъ двадцати собакъ его съ горы, и теряла уже надежду спастись, какъ вдругъ предсталъ малорослой красавецъ, прилетѣвшїй по воздуху въ колесницѣ, запряженной львами. Этотъ прекрасный карло держалъ въ маленькой ручонкѣ своей жезлъ, изъ цвѣтущихъ лилїй состоящїй; а съ боку съ нимъ сидѣлъ юноша въ Рыцарскомъ одѣянїи; его голубые глаза, его длиные свѣтлорусые волосы, доказывали, что не Азїя ему отечество; но откуда бы онъ ни былъ, довольно, что онъ съ перваго взгляду плѣнилъ *Рецїино* сердце. Колесница остановилась. Карликъ коснулся до ней своимъ лилейнымъ жезломъ, и тотчасъ кожа серны съ ней свалилась. Прекрасная *Рецїя* по прозьбѣ своего избавителя вошла въ его колесницу, и сѣла закраснѣвшись

шись

шись между имъ и похитителемъ ея сердца. Между тѣмъ, какъ любовь съ стыдомъ сражались въ груди ея, колесница поскакала быстро на гору, толкнулась о камень, и она пробудилась. . . . . Изчезъ сонъ, но въ сердцѣ ея остался Рыцарь съ длинными свѣтлорусыми волосами. Образъ его, источникъ сладкаго мученія, воображается ей ежечасно; и съ того-то часа Князь Друзовъ сталъ ей совершенно постылъ. Она не можетъ ни видѣть, ни слышать его безъ гнѣва. Старались всѣми силами вывѣдать у ней причину того; но безъ всякаго успѣха. Она отъ всѣхъ скрываетъ то, кромѣ своей кормилицы, отъ коей свѣдала и я сію чудную тайну. Сами вы разумѣть можете, что скрываемую печаль разсужденіями излечить не можно. Бѣдная *Реція* скучаетъ сама собою, и *Фатима* для успокоенія ея должна ей потакать. Между тѣмъ день брака отъ часу приближался. *Бабеканъ*, желая чѣмъ нибудь заслужить уваженіе у своей несклонной невѣсты, вздумалъ оказать опытъ храбрости. Сдѣлаемъ, сказалъ онъ самъ себѣ, сдѣлаемъ подвигъ, который приведетъ мою нечувствительную во удивленіе! — Изъ давнаго уже времени необычайной ве-

личины левъ приводилъ всю страну нашу во ужасъ; онъ нападалъ среди бѣла дня на селенія, и не опасаясь, терзалъ человѣковъ и скотовъ. Сказывали, будто у него были драконовы крылья, когти грифовы, по всемъ щетина какъ бы на ежѣ; что онъ ростомъ съ слона, и что отъ дыханія его произходилъ въ окрестностяхъ вѣтръ. Испоконь вѣковъ не слыхивано, чтобъ видали когда таковаго звѣря. За голову его поставлена была отъ Султана великая цѣна въ награжденіе; однако, какъ всякому жизнь своя мила, то никто не отваживался нападать на него. *Бабеканъ* щелъ, что таковой опытъ удобенъ для укрощенія гордости въ его красавицѣ. Онъ явился съ огромною свитою предъ Султаномъ, и просилъ позволенія убить льва сего; и когда хотя съ трудомъ получилъ на то соизволеніе, сѣлъ онъ на лучшаго коня своего, и выѣхалъ, не взявъ никого съ собою. Не извѣстно, что произходило; но онъ возвратился на чужой лошади тишкомъ, и не привезъ кожи львиной. Говорятъ, что онъ лишь пріѣхавъ домой, легъ въ постелю, и принялъ безуйной порошекъ. Со всемъ тѣмъ пріуготовленія къ свадьбѣ съ чрезмѣрнымъ великолѣпіемъ устроены; завтра

тра оная неотмѣнно совершится, и къ ночи достанется прекрасная *Реція* во объятія *Бабеканоны*.

Прежде вся вселенная въ верьхъ дномъ оборотится, нежели это будетъ! вскричалъ *Гіонъ* гордостно. Повѣрьте мнѣ; Рыцарь и прекрасной карликъ не дремлютъ.

Старуха удивляется словамъ его; и разсматривая прилѣжнѣе Рыцаря, примѣчаетъ то, чего прежде не видала. Она замѣтила его голубые глаза, длинные свѣтлорусые волосы, Рыцарское одѣяніе, и что онъ очень худо говоритъ по Арабски; слова, имъ сказанныя, ее удивляютъ, и сходство его съ Рыцаремъ въ сновидѣніи кажется ей чуднымъ. У ней готовы уже были тысяча вопросовъ: откуда онъ? за чемъ? кто таковъ? и прочихъ; но Рыцарь пресѣкъ оные, притворившись, что склонилъ его сонъ, и легъ на постланную солому. Старуха желаетъ ему добраго сновидѣнія, уходитъ и затворяетъ за собою дверь; но оная имѣла въ себѣ скважины и способствовала любопытной старухѣ подслушивать. Она подкрадывается на цыпочкахъ, и переводитъ духъ, чтобъ явственнѣе вслушатъся. Чужестранцы говорятъ громко, и по

видимому съ жаромъ, она слышитъ всякое слово; но не можетъ понять связи разговору. Она утѣшается лишь тѣмъ, что по часту упоминаютъ они имя *Реціи*. - Какъ чудно судьба моя развязывается, сказалъ *Гіонъ*: *Оберонъ* говорилъ правду, что слабы смертные, и слѣпы для предбудущаго! *Карлъ* думаетъ, что онъ мнѣ сломилъ на вѣрное шею; повелѣніе его клонилось, по мнѣнію его, къ моей погибели; но онъ тѣмъ споспѣшествовалъ соизволенію судьбы. Прекрасной карликъ простираетъ свой лилейный жезлъ, и ведетъ меня въ сновидѣніи къ источнику моего благополучія. - А дѣвица, подхватилъ *Шеразминъ*: дѣвица, похитившая ваше сердце въ сновидѣніи, дочь Султанова, которую *Карлъ* Великій назначилъ вамъ въ супруги; и все такъ подѣлалось, что вы оба во снѣ другъ въ друга влюбились. - Подлинно такъ, продолжалъ *Гіонъ*: почти своимъ глазамъ не можно вѣрить, какъ судьба все сплела; но какъ-то онсе развяжется! - Это меня не безпокоитъ, отвѣчалъ *Шеразминъ*: я бы зналъ, что дѣлать! Позвольте мнѣ сказать вамъ мое мнѣніе: я оставилъ бы съ покоемъ голову на плечахъ у человѣка, сидящаго по лѣвую сторону,

рону, и Калифу его коренные зубы; а подцѣпилъ бы только одну красавицу. Да при томъ вѣдь разсудите, ловко ли начать любовную церемонію отсѣченіемъ головы при глазахъ своей Дулцинеи? Потомъ вырывать при ней же у отца ея четыре коренныхъ зуба, и горсть волосовъ изъ бороды! По чести, это не ловко! Судьба конечно не захочетъ, чтобъ мы такъ грубо перепортили ея намѣренія. По щастію *Оберонъ* главное дѣло уже устроилъ; нужно только удалить труса, жениха *Рецiина*; но въ томъ она сама поможетъ намъ, какъ скоро свѣдаетъ отъ старухи, что у ней въ домѣ милые ея свѣтлорусые волосы. Надобно только приготовить у стѣны саду дворцоваго добрыхъ коней для бѣгства.

Господинъ *Шеразминъ*! (подхватилъ Рыцарь) видно, что ты забылъ о данномъ мною честномъ словѣ Императору; я долженъ все подробно исполнить! Ни черты изъ того не будетъ упущено, другъ мой сердечной! Что ни будетъ, пусть будетъ! — Предбудущаго не льзя знать, сказалъ *Шеразминъ*: но въ случаѣ бѣды поможетъ намъ прекрасной карло . . . . Сказавъ слова сіи, старикъ захрапѣлъ; но отъ очей *Гіонопыхъ* сонъ убѣгаетъ;

гаетъ; не можетъ онъ во всю ночь свести глазъ своихъ. Подобно малой лодочкѣ на жестокихъ волнахъ морскихъ носится сердце его по безпокойству нетерпѣливыхъ мыслей. Пристанище является такъ близко, и опять весьма удаленно! Остается нѣсколько часовъ, но оныя кажутся ему вѣчностію!

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

И отъ тебя, прекрасная *Реція*! убѣгаетъ сонъ на мягкихъ твоихъ перинахъ. Ты зришь себя заточенну среди каменныхъ утесовъ, изъ коихъ найти выходъ кажется невозможностію. Ненавистна и страшна для тебя является заря, предшествующая празднеству; ненавистенъ день, призывающій тебя къ олтарю брачному. Она мечется на ложѣ своемъ, вздохи изъясняютъ ея отчаяніе, но наконецъ внутреннее смущеніе обременяетъ душу ея, и она засыпаетъ. Тогда для ободренія чувствъ ея представляетъ *Оберонъ* ей новое сновидѣніе. Ей ка-

кажется, что сидитъ она въ тѣнистой бесѣдкѣ Серальскаго саду, погруженная въ любовныя свои размышленія; пріятная скорбь, робкія желанія вздымаютъ нѣжную грудь ея, и при воображеніи о своемъ возлюбленномъ очи ея наполняются слезами. По томъ безпокойство ея принуждаетъ встать. Она бѣжитъ поспѣшными шагами и съ примѣчательными взорами сквозь лѣсочки, цвѣтущіе луга и рощицы, посѣщаетъ всѣ бесѣдки, сѣни и рощицы. Слезящіе взгляды ея какъ бы испрашиваютъ стремленіемъ своимъ у всѣхъ неодушевленныхъ существъ своего любезнаго. По часту останавляется она съ трепетомъ при каждомъ шумѣ отъ листовъ, при всякомъ мановеніи тѣни вѣтвей древесныхъ. Напослѣдокъ, обративъ взоры сквозь отверстіе одной рощицы, освѣщаемой лучами мѣсяца, она чаетъ видѣть предметъ своихъ исканій. Она видитъ его, и онъ ее взаимно; пламенные взоры ихъ встрѣчаются. Она спѣшитъ къ нему, и въ робостномъ восторгѣ, волнуемая стыдомъ и любовію, останавляется неподвижна. Но возлюбленный ея бѣжитъ къ ней съ разпростертыми объятіями. Она желаетъ убѣжать, но колѣна ея не гнутся, едва можетъ она

 скрыть-

скрыться за дерево. - И въ семъ пріятномъ смятеніи прерывается сонъ ея. Сколь охотно желала бы она возвратить его! Она досадуетъ на себя и на ненавистное дерево, способствовавшее ей сокрыться. Тщетно сводитъ она опять глаза свои; сонъ ей не повинуется.

Солнце совершило уже треть дневнаго своего теченія, но у *Реціи* была еще ночь; столько утѣшало ее желаніе продолжить пріятное сновидѣніе, уже проснувшись. Но таковое необычайное опочиваніе принудило *Фатиму* подступить къ златой кровати и отдернуть шелковые занавѣсы. Она со изумленіемъ видитъ *Рецію*, уже не спящую и очень веселую. - О *Фатима*! я опять его видѣла! кричитъ *Реція*: я опять его видѣла! поздравь меня! - „Не вправду ли!„ отвѣчаетъ сія, и окидываетъ любопытными взорами, какъ бы ожидая увидѣть онаго на постелѣ. - Ахъ! какъ ты не догадлива, отвѣчаетъ *Реція* усмѣхнувшись: можно бы подумать, что видѣла я его только во снѣ. Однакожъ сонъ таковой не даромъ; безъ сомнѣнія онъ въ близости отсюда. Такъ мнѣ кажется, и ты пожалуй не спорь противъ сего, естьли меня любишь! - „Ну, такъ я

„ ста-

„ стану молчать! „ — Чтожъ бы ты думала? По чему щитать надежду мою суетною? Скажи, по чему не льзя мнѣ оной питать? — Кормилица вмѣсто отвѣту на оное вздохнула; а *Рецїя* продолжала: что можетъ превозмочь всесильную власть любви? Укротившій львовъ, запрягшій оныхъ въ колесницу, меня защищаетъ, и конечно избавитъ меня, хотя и не понимаю я какимъ образомъ. . . . Ты молчишь? . . . вздыхаешь? . . . Ахъ, любезная *Фатима*! разумѣю я, что значитъ твое молчаніе! ты не ожидаешь никакой пользы для моего пламени? Я помогу себѣ, когда не останется инаго утѣшенія. Часъ приближается; уже звѣнятъ мои оковы, и погибель моя неизбѣжна. Только одно чудо можетъ избавить меня; въ противномъ случаѣ вотъ. . . . сіе! — Съ словомъ тѣмъ очи ея наполняются огнемъ, и она извлекаетъ сокровенной при себѣ кинжалъ. — Смотри! вотъ что меня ободряетъ! вотъ моя надежда! — При взглядѣ на смертоносное желѣзо *Фатима* блѣднѣетъ и трепещетъ. Избавь, небо! что вы предпріемлете? говоритъ она, проливши слезы. *Рецїя* умягчается, простираетъ ей поцѣловать свою руку, и спрятавъ кин-

жалѣ, продолжаетъ: ты вѣдаешь, любезная *Фатима*! сколько ненавистенъ мнѣ Князь Друзовъ! Пусть прежде ядовитой драконъ растерзаетъ меня своими острыми зубами, нежели я ему достанусь! Естьли возлюбленной мой не поспѣшитъ меня избавить, что осталось мнѣ, кромѣ смерти? Но молчи –

При произнесеніи сю сего послѣдняго слова послышанъ былъ стукъ въ маленькія дверцы, находившіяся изъ опочивальни въ Фатиминъ покой. *Фатима* выходитъ освѣдомиться, и чрезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ обратно почти безъ души, и радость блистаетъ во всемъ лицѣ ея. – Ахъ, сударыня! . . кричитъ она прерывающимся голосомъ. . . радуйтесь! . . . Рыцарь нашъ сыскался! – *Реція* въ одномъ спальномъ платьѣ, менѣе нежели туманъ покрывающемъ ея тѣло, вспрыгиваетъ съ постели и бросается кормилицѣ своей на шею: нашолся онъ? Гдѣ? гдѣ? вопіетъ она: о сонъ! ты не обманулъ меня! – Кормилица внѣ себя отъ радости едва могла вспомнить то, чтобъ прикрыть наготу своей питомицы. По томъ призывается старуха, ея мать, принесшая вѣсть сію, для подтвержденія оной изустно. Добрая старушка разска-

зы-

зываетъ подробно, какъ что было, не пропуская ни малѣйшаго обстоятельства. Ни одной черты, ни одного слова сказаннаго ея гостемъ не было забыто. — Это онъ! точно онъ! кричитъ *Фатима*: ничего не можетъ быть сходственнѣе! мы нашли его! — Потомъ старушка снова распрашивается; должна была она до нѣсколька разъ повторять, что онъ дѣлалъ, что говорилъ и чего не говорилъ; должна была снова описывать его съ головы до ногъ, всѣ черты, каковы свѣтлы и длинны русые его волосы, какъ велики и голубы прекрасные глаза его, и прочее, о чемъ только могло на умъ имъ вспасть. — Между тѣмъ, какъ старушка продолжала свое многорѣчіе, локаны прелестныхъ волосовъ *Рецiчныхъ* завивались подъ руками *Фатимиными*; жемчугъ переплетался по онымъ, придавая новое сіяніе сизотою своею чернымъ волосамъ ея; уши, шея и поясъ, украшались блестящими драгоцѣнными камнями въ золотѣ, такъ что при лучахъ солнечныхъ, по онымъ скользящимъ, ослѣпляло зрѣніе. Наконецъ сопровождаемая своими дѣвицами Султанская дочь является въ полномъ украшеніи, пристойномъ для торжества брачнаго. Самыя дѣвицы не могли взирать на нее, не плѣ-

нясь

нясь любовію; одной ей только не извѣстно было производимое ею впечатлѣніе. Огнь, блистающій во очахъ, нетерпѣливой видъ, желанія, оживляющія лице ея розовымъ румянцомъ, приводятъ фрейлинъ ея во изумленіе. Сія ли то сопротивляющаяся невѣста (шептали оныя другъ другу), которая столько грустила вчерась о наступленіи нынѣшняго дня?

Между тѣмъ Эмиры и Визири собираются въ великолѣпномъ одѣяніи въ пышный залъ, опредѣленный къ торжеству брачному. Царское пиршество стоитъ уготовано, и при звукѣ трубъ выходитъ въ златыя двери освященныхъ палатъ Калифъ съ сѣдою своею бородою, сопровождаемый множествомъ невольниковъ всѣхъ родовъ. Князь Друзовъ, хотя блѣденъ въ лицѣ отъ прошедшаго страха, выступаетъ за нимъ важно, такъ какъ женихъ. Изъ сопротивныхъ дверей сераля, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, вступаетъ невѣста прекраснѣе всѣхъ неувядающихъ дѣвъ, обѣщанныхъ Магометомъ въ раю его. Хотя фата, подобно сребровидному облаку, скрываетъ прелестное лице ея; но со всемъ тѣмъ при входѣ ея оное разпростираетъ какъ бы нѣкое сверьхъестественное сіяніе во всемъ залѣ. Сердце Князя

Дру-

Друзскаго попеременно то надымается, то стесняется, взирая на красоту ему назначенной; онъ ищетъ во очахъ ея желаемаго, но находитъ только жесточайшее презрѣніе. Однако суетность, его ослѣпляющая, увѣряетъ его, что холодность съ стороны *Реціи* одно только притворство. – Не много ли онъ на себя надѣялся, вскорѣ будетъ видимо.

Кажется, что нѣтъ нужды описывать подробности того, какъ *Иманъ* читалъ молитву, и какъ при звукѣ трубъ и литавръ за столъ сѣли, вопервыхъ Его Султанское Величество, потомъ съ правой руки дочь его, а съ лѣвой женихъ, и наконецъ всѣ присутствующіе гости. Мы обратимся къ *Гіону*.

Онъ, какъ уже сказано, не очень спокойно препровелъ ночь на соломенной постелѣ, бывъ мучимъ нетерпѣливостію и предчувствованіями; но когда розовая рука Авроры отверзла врата дню къ теченію златаго пути его, сонъ разпростеръ надъ нимъ маковые и лилейные пары свои. Онъ свелъ глаза, и спалъ крѣпко до тѣхъ поръ, какъ колесница солнцева совершила половину бѣгу своего. *Шерасминъ*, между тѣмъ проснувшись, пошелъ высмотрѣть положеніе дворца и города,

рода, чтобъ способнѣе расположить намѣренное похищеніе; а старушка, занимающаяся приуготовленіемъ обѣда гостямъ своимъ, ворчала между тѣмъ, что онъ такъ долго не пробуждается. Она подкрадывается къ дверямъ, чтобъ посмотрѣть въ скважину, что дѣлается, и заглядываетъ во оную въ самое то время, какъ *Гіонъ* только разкрылъ глаза свои. Онъ приподнимается такъ прекрасенъ, какъ весна, и разсматриваетъ первый предметъ, впадшій въ глаза ему: Былъ то кафтанъ того роду, каковые носятъ главные Эмиры, появляясь въ торжественные дни ко двору, богато вышитой жемчугомъ по золотой парчѣ; оный лежалъ блестя предъ нимъ на стулѣ, а сверьхъ онаго турбанъ, какъ бы изъ снѣгу вытканный, и сабля съ поясомъ, усаженныя алмазами столь богато, что блескъ оныхъ глаза ослѣплялъ. Не забыто было ни о малѣйшей вещи, касающейся до наряду, даже о сапогахъ изъ раззолоченой кожи, и о алмазной головкѣ съ перьями на турбанѣ. Рыцарь чаетъ все сіе видѣть еще во снѣ. Откуда бы таковое убранство прислано къ нему, размышляетъ онъ. Старуха, равномѣрно изумленная, возкликиваетъ: это все произхо-

ходитъ чрезъ волшебство! я уже догадывалась! — Это дѣло Оберoново, шепталъ про себя *Шеразминъ*. Рыцарь самъ былъ того же мнѣнія, и уповаетъ въ семъ нарядѣ свободно пройти до зала, въ коемъ торжествовался бракъ. Онъ одѣвается поспѣшно; старуха входитъ и помогаетъ ему въ томъ съ *Шеразминомъ*. Турбанъ дѣлалъ не большее затрудненіе, въ разсужденіи длинныхъ свѣтлорусыхъ его волосовъ; однако оные подъ чалму умѣстились. По окончаніи убранства, *Гіонова* красота еще больше умножилась; онъ уподобляется Султану. По томъ вручаетъ старухѣ кошелекъ червонныхъ за ея угощеніе, и прощается до свиданія.

Благодѣяніе невидимаго его покровителя простиралось до всѣхъ подробностей. У воротъ стоялъ въ богатомъ уборѣ конь, и приономъ два прекрасныхъ невольника, въ одѣяніи изъ серебреной парчи, держащихъ коня за златотканные повода. *Гіонъ* садится на коня; невольники ведутъ онаго съ обоихъ сторонъ по улицамъ, по берегу Евфрата, чрезъ цвѣтущіе сады до самаго дворца. Онъ проѣзжаетъ первый дворъ, во второмъ сходитъ съ коня, и шествуетъ пѣшъ чрезъ третій. Всѣ щитаютъ его первѣйшею

шею особою изъ гостей, даютъ дорогу, и караульные пропускаютъ безъ задержанія. Онъ выступаетъ величественно, и приближается ко вратамъ изъ гебенова дерева. Двенатцать Араповъ, исполинскаго росту, стоятъ съ обнаженными саблями для возпрещенія входа незнакомымъ. Однако царственный видъ и одѣяніе Рыцаря принуждаетъ ихъ разступиться на обѣ стороны; они наклоняютъ головы свои, и затворы дверей съ стукомъ растворяются. Рыцарское *Гіонопо* сердце трепещетъ отъ радости при таковомъ успѣхѣ; онъ проходитъ колоннаду и двери изъ позолоченной мѣди. Великая примыкающаяся къ брачному залу галлерея наполнена была евнухами разныхъ цвѣтовъ кожи; оные видѣвъ особу Эмирскаго достоинства, зажимаютъ глаза, и приложивъ руки къ грудямъ, едва осмѣливаются посмотрѣть въ слѣдъ за нимъ.

Уже звоны цымбалъ, флейтъ, барабановъ и другихъ орудій, смѣшавшись съ пѣніемъ, приносятся ему во уши; уже Султанская голова, нагруженная винными парами, возбуждаетъ веселіе, и женихъ предается совершенной радости. Одна только невѣста не соотвѣтствуетъ восторгу, являющемуся во очахъ своего

обруч-

обручника; она сидитъ, опустивъ взоры свои, и не видитъ того, что *Гіонъ* отважно вступаетъ въ залъ. Онъ приближается къ столу, и всѣ брови приподнимаются для обозрѣнія незнакомаго; одна прекрасная *Реція* его не видитъ; также и Калифъ, занятый опоражниваніемъ кубка. *Бабеканъ*, не ожидающій близкаго своего паденія, гордо поворачиваетъ свою шею. Тотчасъ Рыцарь познаетъ въ немъ вчерашняго Срацина, дерзавшаго хулить Бога Христіянскаго; онъ былъ сидящій на золотомъ стулѣ по лѣвую руку у Султана, и какъ бы нарочно для казни понагнулъ свою голову. Въ мгновеніе ока сабля *Гіонопа* сверькаетъ какъ молнія; голова язычника летитъ съ плечь долой, и кровь брызнувшая, обагряетъ столъ и сидящихъ близь него. Подобно какъ страшная глава Горгоны, держимая въ рукѣ Персея, лишаетъ жизни воззрѣвшихъ на нее измѣнниковъ, хотя тщетно противъ его ополчаются во множествѣ, но противу поставленная Персеемъ голова, тѣла противниковъ со взмахнутыми кинжалами превращаетъ въ камень: такъ всѣ бывшіе отъ дерзостнаго поступка *Гіонопа* чувствуютъ кровь свою оледѣнѣвшею въ жилахъ. Всѣ прыгаютъ

съ мѣстъ своихъ поблѣднѣвши, и хватаются за оружіе; но кинжалы валятся изъ слабѣющихъ отъ ужасу рукъ ихъ. Калифъ лишается памяти, и безмолвно упадаетъ на спину своихъ креселъ; яростные взоры его одни только доказываютъ его смятеніе. Возмущеніе, во всемъ залѣ произшедшее, возбуждаетъ *Рецію* изъ ея задумчивости; она оглядывается для познанія причины на сторону, гдѣ стоялъ *Гіонъ*. Что стало съ нимъ когда онъ ее увидѣлъ? Это она! это она! вопіетъ онъ, и бросившись въ восторгѣ, роняетъ окровавленную саблю и турбанъ съ головы. По длиннымъ разсыпавшимся кудрямъ его *Рецiя* узнаетъ его взаимно: это онъ! это онъ! кричитъ она — но стыдливость останавливаетъ слова на розовыхъ устахъ ея. Какъ затрепетало ея сердце, когда онъ, при видѣ всего круглаго стола приближившись страстно, взялъ ее въ свои объятія, и нѣжно поцѣловалъ! Она противится ему посреди любви и смущенія, но слабо: то блѣднѣетъ, то розовый румянецъ выступаетъ на лицѣ ея. Уже второй поцѣлуй совершился; но гдѣ взять кольца для обрученія? По щастію было у него на рукѣ снятое съ исполина въ желѣзной башнѣ.

Онъ

Онъ надѣваетъ важное кольцо то на ея руку, и совершивши третій поцѣлуй, возглашаетъ: чрезъ сіе торжественно объявляю тебя возлюбленною моею невѣстою! – А! воскликнулъ Султанъ, пѣнясь отъ ярости, своимъ вельможамъ: вы сносите, что Христіянинъ столь наглое причиняетъ мнѣ поруганіе? Возьмите его! Да возтрепещетъ измѣнникъ! да прольется тысячею ранъ поганая кровь его!

Вдругъ нѣсколько сотъ кинжаловъ и мечей заблистало предъ глазами *Гіона*, бросаются на него тѣснясь, такъ что едва могъ онъ успѣть подхватить брошенный мечь свой. Грозная рука его противопоставляетъ оный нападающимъ; но прекрасная *Реція*, побуждаемая любовію и страхомъ, бросается къ нему, объемлетъ его одною рукою, а другою вырываетъ мечь у него, и защищая его своею грудью, кричитъ: прочь, дерзскіе! вы не можете пронзить его инако, какъ сквозь грудь мою! Отступите! повторяетъ она Эмирамъ. – О родитель мой! пощади его! и ты, назначенный мнѣ судьбою въ супруга! пощади кровь мою сохраненіемъ его и твоей жизни! – Тщетно было таковое убѣжденіе. Гнѣвъ овладѣлъ Султаномъ; онъ продолжаетъ свое

 по-

повелѣніе, и язычники наступаютъ на *Гіона.* Безплодно Рыцарь старается обороняться: *Реція* въ страхѣ удерживаетъ мечь его. *Ужасъ* ея съ другой стороны пронзаетъ его сердце. Что осталось, опричь призванія на помощь рога изъ слоновой кости. Онъ приставляетъ оный къ губамъ своимъ, и тихимъ позывомъ начинаетъ трубить.

Въ то мгновеніе ока сверькающее оружіе упадаетъ изъ каждой руки на полъ; порожжія руки Эмировъ схватываются, и начинается веселой танецъ. Гей! поднимай ребята! „Разносится буянской вопль по сводамъ зала, и всякая тварь, имѣющая ноги, заплясала; одна только *Реція* была не подвержена дѣйствію волшебнаго рога, и стояла близъ *Гіона* въ радостномъ изумленіи, взирая на происходящее. Весь Калифовъ Диванъ завертѣлся въ круговую; старые Паши запрыгали въ присядку, Муфти съ Иманами забили въ треноги, самъ Султанъ не могъ удержаться; онъ съ радостью схватилъ великаго Везиря своего за бороду, и началъ учить старика сего прыгать козачка. Неслыханной шумъ призываетъ изъ ближнихъ комнатъ сначала евнуховъ, по томъ женщинъ изъ Сераля, и наконецъ

нецЪ всѣхЪ часовыхЪ. Веселое бѣшенство объемлетЪ всѣхЪ: хороводЪ сЪ часу на часЪ прибавляется, всякЪ подхватываетЪ себѣ пару, и вскользаетЪ вЪ кругЪ. Вскорѣ увидѣли поваровЪ и садовниковЪ, вЪ ихЪ занавѣскахЪ прыгающихЪ дружески сЪ Султаншами.

Реція, неувѣряющаяся глазамЪ своимЪ, стоитЪ во изумленіи. Какое чудо! вопіетЪ она: и вЪ самое то время, когда ничто уже обоихЪ насЪ спасти не могло! – ДухЪ, покровитель нашЪ, сЪ нами, отвѣтствуетЪ *ГіонЪ*. Между тѣмЪ сквозь толпу пляшущихЪ продирается вѣрной *ШеразминЪ* сЪ *Фатимою*. Ступайте, милостивой Государь! говоритЪ онЪ задыхаясь: ступайте! намЪ нѣкогда смотрѣть на танцы. Лошади стоятЪ готовы. Весь городЪ взбѣсился, всѣ вороты растворены и безЪ караула; чего мѣшкать? Госпожа *Фатима* встрѣтилась со мною совсѣмЪ навьючена кЪ походу. – Погоди! отвѣчаетЪ Рыцарь: не время еще помышлять о томЪ; главное дѣло не сдѣлано. Прекрасная *Реція* блѣднѣетЪ при словѣ семЪ; ея робкіе взоры являютЪ какЪ бы просьбу и какЪ бы выговариваютЪ: за чемЪ медлить? за чемЪ медлить, стоявЪ на краю погибели? Удалимся,

ся, пока непріятели наши не опомнились изъ своего сумазбродства. Но *Гіонъ* стоитъ неподвиженъ, утѣшаетъ ее любовными взглядами, и прижимая руку ея къ своему сердцу.

Между тѣмъ дѣйствіе рога ослабѣваетъ; у всѣхъ головы закружились, отъ поту не осталось ни на комъ сухой нитки, ноги подломились, и души готовы были летѣть изъ зыблющихся грудей въ разинутые рты. Самъ Калифъ мокрехонекъ, какъ бы вышедшій только изъ баньки, едва доползъ къ своему отоману, и растянулся. Съ каждымъ мгновеніемъ ока падалъ гдѣ ни попало танцовщикъ за танцовщикомъ безъ разбору, Эмиръ съ невольникомъ, или съ Серальскою богинею, и вскорѣ увидѣли лежащихъ на однихъ тюфякахъ наперсницъ Султанскихъ съ конюхами и поварами. – *Гіонъ* пользуется тишиною, наставшею во всемъ залѣ, оставляетъ свою возлюбленную близь дверей, подъ защитою вѣрнаго *Шеразмина*, коему подтвердивъ объ осторожности, вручаетъ на всякой случай очарованной рогъ, а самъ приближается къ Калифу, возвратившемуся съ бала на мягкой Диванъ, въ великомъ изнеможеніи. Весь народъ, растянувшись по всѣмъ мѣ-

стамъ

стамъ зала, въ безмолвіи ожидаетъ слѣдствій; всякъ какъ бы послѣ сна протираетъ глаза и смотритъ на незнакомаго, приближающагося безоружна съ покорнымъ видомъ и тихими шагами, для прозьбы къ Калифу. Что-то выдетъ? думаютъ всѣ. *Гіонъ* по томъ становится предъ невѣрнымъ Монархомъ на колѣна, и съ хладокровіемъ Героя, но кроткимъ голосомъ, начинаетъ: – „Великій *Карлъ*, коего слугу я составляю, желаетъ здравія Повелителю восточныхъ странъ, и проситъ. . . извини меня, Государь! жестока прозьба, кою донесть имѣю, но рабъ долженъ исполнять повелѣнное господиномъ. . . . онъ проситъ тебя о четырехъ коренныхъ зубахъ твоихъ и о горсти волосовъ изъ твоей сѣдой бороды.„ – Сказавъ то, замолчалъ, и ожидаетъ Калифова отвѣту. Не можно изобразить свирѣпства, въ каковое приведенъ былъ Калифъ таковымъ требованіемъ. Черты лица его превращаются въ безобразіе, носъ надувается, глаза пучутся вонъ, и жилы напрягаются возкипѣвшею кровію; онъ въ ярости прыгаетъ, оглядывается вокругъ, хочетъ клясть, но ярость остановляетъ слова его на посинѣвшихъ и покрывшихся пѣною

 гу-

губахъ его. Наконецъ онъ кричитъ страшнымъ голосомъ: вставайте, мои невольники! вырвите сердце изъ проклятой груди его, растерзайте оное на часточки! выпустите изъ него всю кровь иглами по капелькѣ! въ огонь его! развѣйте прахъ его по вѣтру! а Императора *Карла* да пожретъ земля! . . Какъ? Такое требованіе? Мнѣ? Посреди дворца моего? . . . Но что это за *Карлъ*, который на меня нападаетъ? Для чего онъ не пришелъ самъ вырвать мои зубы и клокъ бороды, когда ему такъ ихъ захотѣлось? Онъ съ ума сошелъ! продолжалъ старой Калифъ: таковыя требованія хорошо начинать, предводительствуя тремя стами тысячь войска. – Калифъ Багдатскій! вѣщаетъ Рыцарь съ благородною гордостію: вели всѣмъ замолчать, и выслушай меня! давно уже возложеніе *Карлово* и данное къ тому честное мое слово, обременяютъ грудь мою. Судьба твоя жестокая; но нѣтъ на земли власти, удобной перемѣнить оную, равно и волю моего Государя. Надлежитъ вытерпѣть; повелѣніе его должно исполниться. Я здѣсь одинъ предъ тобою, такой же смертной, какъ и вы, Государь! но смертной, вознамѣрившійся исполнить повелѣнное,

ное, не взирая на всѣхъ твоихъ стражей, и не щадя моей жизни. Однако великодушіе побуждаетъ меня перемѣнить обстоятельство на нѣкоторомъ условіи: рѣшись отступить отъ Магомета, воздвигни святые кресты, знаки добродѣтельнаго Христіянства, въ Вавилонѣ, прими истинную вѣру: то сдѣлаешь больше, нежели чего требуетъ *Карлъ*. Я уже на себя снимаю, и своею головою отвѣчаю за избавленіе тебя отъ первыхъ условій! ты, видѣвъ меня одного предъ собою, столь молода, но съ таковымъ смѣлымъ требованіемъ, можешь легко разумѣть, что есть нѣкто со мною, противъ котораго не могутъ стоять всѣ твои войска. Избирай, не теряя времени, что угодно!

Между тѣмъ, какъ прекрасный посолъ совершалъ свою должность, пренебрегая мужественно всѣ грозящіе ему мечи и копія, прелестная *Реція*, наклонивъ голову, взираетъ на него съ пылающимъ отъ любви лицемъ, и трепеща во ожиданіи, чѣмъ развяжется чудный узелъ сего необычайнаго произшествія.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Едва *Гіонъ* изрекъ послѣднее слово, Калифъ начинаетъ кричать и топать ногами, какъ бѣснующійся, и выходитъ совсѣмъ изъ разсудка. Всѣ язычники (*) вскакиваютъ въ ожесточеніи, и кипя гнѣвомъ, нападаютъ съ саблями и копьями со всѣхъ сторонъ на врага Магометова. *Гіонъ*, прежде нежели могли оные къ нему достигнуть, вырываетъ у одного стража дубину, и успѣваетъ схватить съ стола золотую чашу для употребленія вмѣсто щита. Онъ прислоняется спиною къ стѣнѣ, и начинаетъ дубиною отмахивать столь исправно, что первые смѣльчаки изъ приближившихся валялись уже по полу охая.

Доброй *Шеразминъ*, стоящій вдали для охраненія *Реціи*, уповаетъ видѣть въ семъ подвигѣ сражающагося прежняго покойника, господина своего, и предается радостному восторгу о его храбрости; но

(*) Древніе Рыцари Магометанъ разумѣли идолопоклонниками.

но вскорѣ сіе удовольствіе его пресѣкается робкимъ крикомъ *Реціи*; внимаетъ онъ превосходящую силу нападающихъ, щитаетъ Рыцаря въ опасности, и надуваетъ очарованный рогъ съ таковымъ усиліемъ, какъ бы приказано ему было возбудить всѣхъ покойниковъ изъ смертнаго сна.

Весь дворецъ отъ звуку сего поколебался, страшная ночь пожрала мгновенно свѣтъ дневный и разпростерла всюду мрачность; привидѣнія начали показываться сверькающія какъ молніи, и отъ громовыхъ ударовъ задрожали основанія дворца. Сердца язычниковъ оледѣнѣли; они, лишась слуху и зрѣнія, колеблются, роняютъ оружіе изъ ослабшихъ рукъ, и падаютъ оглушенны другъ на друга. Калифъ, изумленный отъ толикихъ чудесъ, находится ни живъ, ни мертвъ; едва переводитъ онъ тяжелое дыханіе, пульсъ его біется слабо, и наконецъ остановляется. Между тѣмъ буря и громъ вдругъ утихаютъ; пріятно вѣющіе зефиры наполняютъ весь залъ свѣжимъ благовоніемъ отъ лилей и розъ: *Оберонъ*, подобный безсмертному, является въ залѣ сидящій на облакѣ.

Рецiя изпускаетъ громкое восклицанiе отъ робости и радости; она познаетъ виденнаго во снѣ, и исполняется надежды. Нечувствительно очутилась она близь своего возлюбленнаго, и стояла сложивъ руки съ дѣвичьею стыдливостiю, не смѣя поднять глазъ своихъ.

Изрядно *Гiонъ*! рекъ Царь волшебниковъ: ты сдержалъ честное слово; я тобою доволенъ. Въ награжденiе опредѣляется тебѣ сiя прекрасная супруга. Но прежде удаленiя отсюда помысли, *Рецiя*! къ чему вознамѣриваешься, дабы послѣ не раскаяваться? Остаться, или слѣдовать, судьба оставляетъ волѣ твоего выбора. Отречься отъ толикаго величества, оставить престолъ, для коего ты рождена, и осмѣлиться на неизвѣстное плаванiе по пространному Океану для супруга; жить только для него, сносить съ нимъ щастiе и злополучiе, и можетъ быть (что не рѣдко случается) получить несносной ударъ отъ собственной руки его! конечно заслуживаетъ посовѣтовать напередъ съ своимъ сердцемъ. Теперь еще, *Рецiя*! въ твоей волѣ отказаться отъ любви твоей, естьли выборъ покажется для тебя страшенъ; отецъ твой и всѣ спятъ теперь смертнымъ

сномъ,

сномъ, но отъ прикосновенія жезла моего тотчасъ оживутъ. Калифъ на вѣрное проститъ тебѣ произшедшее, что бы ни претерпѣлъ при томъ; а *Реція* узритъ себя по прежнему обожаему отъ всего свѣта.

Оберонъ умолкъ, сказавъ сіе; а *Гіонъ* поблѣднѣвъ ожидалъ приговору своего, къ которому подалъ случай жестокой Царь волшебниковъ. Пламень щекъ его обратился въ пеплъ, гордясь можетъ быть убѣждать сердце своей возлюбленной какимъ нибудь знакомъ, скрывалъ онъ опасность сердца своего, потупивъ взоры въ землю; но *Реція*, воспламененная первымъ его поцѣлуемъ, не требовала подкрѣпленія своему жару. Сколь мало кажется ей все то, что можетъ оставить она для *Гіона*! Она краснѣетъ отъ любви и стыда, скрываетъ оныя съ текущими слезами, прикрываясь руками; и прижимая грудь свою съ біющимся сердцемъ къ своему возлюбленному, изъявляетъ безмолвно свое намѣреніе. *Оберонъ* съ благосклонностію простираетъ къ ней лилейной жезлъ свой въ знакъ сочетанія сердецъ ихъ, и капля слезъ упадаетъ изъ глазъ его на чело любовниковъ. – И такъ спѣши, возлюбленная чета! говоритъ онъ: спѣши

на

на крылахъ нѣжной страсти! колесница моя для васъ готова донести васъ, прежде нежели ночь настанетъ, на берегъ моря во Аскалонъ. – Звукъ послѣдняго слова сего былъ еще на устахъ его, какъ изчезъ онъ предъ ихъ очами.

Прекрасная невѣста *Гіонопа*, подобно какъ бы отъ сна пробудясь, ощущаетъ благовоніе, разпростершееся по воздуху. По томъ возводитъ взоръ на отца своего, лежащаго еще безъ чувствъ; она вздыхаетъ, и огорченіе мѣшается съ щастіемъ въ ея сердцѣ. Желая утаить то, надѣваетъ она свое покрывало. *Гіонъ*, коего чувства любовь изощряла, примѣшивъ, что печаль начинаетъ смущать прелестныя ея очи, понуждаетъ ее, обнявъ правою рукою, изъ залы выступить. – Пойдемъ, говорилъ онъ, удалимся, пока не настигла ночь, и не очнулись здѣсь усыпленные очарованнымъ сномъ отъ нашего покровителя; удалимся, пока новой какой нибудь врагъ не преградилъ пути нашего; впрочемъ не безпокойся о твоемъ родителѣ, благодѣтель нашъ возстановитъ его, какъ скоро мы будемъ внѣ опасности. Говоря это, сноситъ онъ ее съ марморнаго крыльца до колесницы, приготовленной къ побѣгу ихъ отъ *Оберона*, и

и столь сладкаго бремени не нашивалъ еще на себѣ ни одинъ мущина. Во всемъ городѣ владычествуетъ страшная тишина, всѣ спятъ какъ бы мертвые, и самые стражи валяются безъ чувствъ; ничто не препятствуетъ бѣгству любящихся; они входятъ въ колесницу, но дѣвица не смѣетъ ввѣрить себя одну Рыцарю, за *Шеразминомъ* садится съ ними ея *Фатима*. Не можно описать изумленія сей женщины при видѣ столькихъ чудесъ. Но сколь прибавилось ея смятеніе, когда она оглянувшись видитъ четырехъ лебедей, вмѣсто лошадей впряженныхъ, и управляемыхъ младенцемъ! Подумайте о ея мнѣніи, когда ощутила она себя несомую по воздуху! Она не постигаетъ, какъ таковое бремя можетъ держаться на жидкой стихіи, и колесница, какъ бы лодка на волнахъ, плыветъ на легкихъ облакахъ.

Когда въ семъ путешествіи настала ночь, любовь наконецъ учинилась не столько стыдливою, и *Фатима* прилегла къ *Шеразмину*, какъ бы отягченная сномъ къ подушкѣ. Можетъ быть древній сей конюшій и расположенъ былъ къ тому; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ нерѣдко замѣшивается въ игру сердце: однако служитъ то въ честь твердому ста-

старику, что онъ изъ сего искушенія вышелъ чистъ, какъ золото изъ огня. Иное обстоятельство было съ любящеюся четою, которыхъ колесницею управлялъ самъ богъ любви, и погонялъ лебедей своей родительницы. Они не примѣчали того, по гладкому, или по дикому пути везла ихъ волшебная колесница; по землѣ ли оная катилась, или плыла по воздуху, на лебедяхъ, или на лошадяхъ. Новое усыпленіе любви, блаженное райское восхищеніе, объемлетъ ихъ въ семъ состояніи; они взираютъ другъ на друга безмолвными и ненасытимыми взорами, прижимаютъ взаимно руки свои къ сердцу; и когда уже несло ихъ по высотѣ воздуха, начали они вопрошать другъ друга: „ Въ явѣ ли, или спимъ мы еще? Въ самомъ ли дѣлѣ находимся мы въ колесницѣ? И такъ было не пустое сномечтаніе (говорили они взаимно), что я видѣлъ тебя, это ты была *Реція*? Это ты былъ *Гіонъ*? Мы нашли другъ друга! Ты мой! . . Ты моя! . . . Ктобъ могъ ожидать сего? Мы соединяемся такъ чудно, чтобъ во вѣки не разлучаться!„ Говоря сіе, они снова взираютъ другъ на друга, цѣлуютъ руки, и прижимаютъ оныя къ сердцу. Тщетно сокрываетъ ночь

кругъ

кругъ воздушный въ своихъ мрачныхъ объятіяхъ, не препятствуетъ то зрѣнію очей любви; въ глазахъ ихъ сіяетъ небесный лучь, посредствомъ коего души ихъ видятъ себя взаимно. Ночь не есть больше ночь для нихъ; рай ихъ окружаетъ, солнце разливается между ими, и каждая минута раждаетъ для нихъ новыя чувства. Мало по малу упоеніе любовное повергаетъ ихъ въ очарованное усыпленіе; глаза ихъ сжимаются, чувства слабѣютъ, и души какъ бы отъ тѣлъ разлучаются; они засыпаютъ въ объятіяхъ другъ друга.

Едва Аврора начала прогонять мраки и розовою рукою своею отверзать врата дню, остановилась везущая ихъ колесница на берегу моря близь Аскалона въ тѣни высокихъ пальмовыхъ древесъ. Тихое потрясеніе возбудило нашихъ путешественниковъ отъ сна. Пріятное смятеніе объемлетъ дочь Калифову, когда при утреннихъ лучахъ впервые воззрѣла она на поверьхность безпредѣльнаго Океана. Удивленные взоры ея, пробѣгающіе по пространству неизмѣримости, повергаютъ ее въ ужасъ. Гдѣ я? вопіетъ она. Между тѣмъ *Гіонъ*, стоящій у колесницы, и готовый съ распростертыми руками для отнесенія ея на мураву,

 при-

приводитъ смятенный духъ ея въ себя. Вскорѣ появляются при нихъ *Шеразминъ* съ *Фатимою*, вознамѣрившiяся служить имъ до послѣдняго издыханiя. Но лишь только *Шеразминъ* занялъ мѣсто на муравѣ близь своего господина, а *Фатима* у ногъ *Рецiи*, какъ скорѣе парящаго воображенiя приближился къ нимъ по воздуху *Оберонъ*. Во очахъ его, сквозь неизвѣстную скорбь, сiяла дружеская благосклонность; а въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коробочку, усаженную дорогими блестящими какъ золото камнями. – Другъ мой, *Гiонъ*! сказалъ Царь волшебниковъ: прими это изъ рукъ моихъ. Хотя *Карлъ* не обязалъ тебя къ подробному выполненiю; но когда увидишься съ нимъ, послужитъ это въ доказательство, что ты точно совершилъ его требованiе. Ты можешь разумѣть (хотя бы въ присутствiи *Рецiи* не благопристойно рыло объявить), что здѣсь лежатъ зубы Калифовы и лѣвой усъ его, завернутые въ хлопчатой бумагѣ. – Оные во время продолженiя Калифова обмороку искусно вынуты были рукою одного изъ невидимыхъ *Обероновыхъ* спутниковъ. – Спѣшите! продолжалъ *Оберонъ*: пока не отправилъ Султанъ за вами погоню! Въ пристани на-

находится готовъ корабль, имѣющій отвезти васъ до Лепанта безъ всякихъ препятствій въ шесть, или семь дней; а тамъ найдете вы также готовый корабль, которой доставитъ васъ до Салерны: оттуда поспѣшайте вы прямо въ Римъ. О *Гіонъ*! напечатлѣй твердо въ своей памяти, чтобъ до тѣхъ поръ, какъ дядя твой, смиренный Папа Силвестръ, не сочетаетъ сердецъ вашихъ священнымъ благословеніемъ, обращаться тебѣ съ своею возлюбленною не инако, какъ брату съ сестрою. Опасайтесь вкусить сладкаго заповѣданнаго плода прежде времени; ибо вѣдайте, что впрочемъ *Оберонъ* на вѣки будетъ разлученъ отъ васъ. – Сказавъ сіе, онъ воздохнулъ, и сострадание съ тайною печалію возобновилось во очахъ его. Онъ повелѣваетъ имъ подступить, цѣлуетъ ихъ въ чело, и подобно облаку разсыпается и сокрывается въ ихъ взорахъ.

Тогда златой день спряталъ лице свое; печально, подобно воздохамъ, провѣваетъ воздухъ сквозь пальмовыя древеса; земля и море, казалось, что страдаютъ покрывшися мрачнымъ туманомъ. Горесть, тайной ужасъ, объемлютъ чету любящихся; они взираютъ другъ на друга

та поблѣднѣвъ; въ растворяемыхъ устахъ ихъ слова изчезаютъ; они желаютъ обнять другъ друга, но страхъ удерживаетъ руки ихъ. Но вскорѣ мракъ разсыпается, позлащенные лучи солнца начинаютъ сіять по прежнему, равно бодрствіе и радость возвращаются въ сердца ихъ.

Они спѣшатъ въ пристань, и съ радостію находятъ тамъ корабль, готовый поднять парусы, и снабженный всемъ нужнымъ къ путешествію по милости ихъ защитника. Попутной вѣтръ начинаетъ подувать, якорь извлекается, матросы поднимаютъ радостныя восклицанія, и судно на полныхъ парусахъ двинулось разсѣкать синія струи Океановы. Воздухъ былъ тогда чистъ, и поверьхность водъ уподоблялась чистому зеркалу. Подобно гордому лебедю плыветъ корабль тихимъ колебаніемъ легко, и едва оставляя по себѣ струю въ быстромъ бѣгѣ, ко удивленію всѣхъ жителей всемірнаго моря. Такъ не плавалъ еще ни одинъ смертный, вопіютъ они. Рыцарь съ своею красавицею стоятъ на декѣ корабля, схватившись за руки, и осматриваютъ предметы, глазамъ ихъ появляющіеся, и каждое явленіе служитъ ко усыпленію

лю-

любовнаго ихъ безпокойства. Наконецъ взирая по безпредѣльной поверьхности къ краю, гдѣ воздухъ кажется соединяющимся съ синевомъ волнъ морскихъ, начинаетъ *Гіонъ* говорить о своемъ отечествѣ: какъ во ономъ все прекрасно, какъ весело живутъ люди, и какъ отъ востока до запада нигдѣ солнце не сіяетъ благосклоннѣе, такъ какъ на брегахъ Гароны. *Шеразминъ* подтверждаетъ слова своего Государя; ибо у него всегда прыгало сердце съ радости, когда приходили ему на умъ веселыя Гасконскія пѣсенки. Прекрасная *Реція* слушаетъ ихъ со вниманіемъ, хотя многія слова ей были не вразумительны; но она не сомнѣвается въ томъ, чего не понимаетъ: сердце ея довольно разумѣетъ то, о чемъ говорятъ взоры *Гіоновы*. Тихое пожиманіе руки, вздохъ, освобождающій сердечное бремя, цѣломудренной поцѣлуй въ розовую щеку, и взоръ, орошенный влагою любви, занимаютъ промежки ихъ разговоровъ. Иногда для перемѣны времени провожденія уходили они въ свою каюту, и стояли подъ окномъ, или сидѣли на софѣ. Но имъ никогда не удавалось быть во уединеніи; по крайней мѣрѣ *Фатима* была отъ нихъ неразлучна:

на: *Гіонъ* самъ просилъ ее о томъ. Ужасной звукъ словъ *Оберонопыхъ* „опасайтесь вкусить „ гремѣлъ еще во ушахъ его; страшно было для него утратить покровителя своего, Царя волшебниковъ. Онъ будетъ разлученъ отъ насъ на вѣки! говорилъ *Оберонъ* (думаетъ Рыцарь), и тайной смыслъ сопровождалъ сіи слова его; глаза его возпріимали важность и печаль при оныхъ, и наполнялись слезами. Это что нибудь предзнаменуетъ! такъ размыщлялъ онъ, недовѣрялъ самъ себѣ; и самыя невинныя любовныя щутки возбуждали въ немъ робость, чтобъ не заслужили оныя осужденія отъ *Оберона*. Между тѣмъ пламень сердца его внѣдрялся отъ часу глубже. Вдыхаемый имъ воздухъ былъ для него воздухъ очарованный, потому что *Рецїя* съ нимъ оный раздѣляла; дыханіе ея оный колебало, тѣнь ея по оному плавала, и вмѣсто всѣхъ предметовъ служили ея очи. Но что еще сказать о собственномъ ея видѣ? Сей блисталъ предъ нимъ среди яснаго дня, при вечерней зарѣ, и при лунномъ сіяніи. Покрывало, скрывающее прелести ея отъ глазъ посторонныхъ, спадаетъ во время удаленія въ каюту, и позволяетъ робкимъ взо-

ромъ,

ромѣ, такѣ какѣ пчеламѣ вѣ цвѣтахѣ, сосать прелести на шеѣ. *Гіонѣ* ощущаетѣ свою опасность: О моя красавица! говорилѣ онѣ почасту: естьли надлежитѣ имѣть терпѣніе до Рима, такѣ сокрой себя седмью покрывалами! спрячь каждую твою прелесть подѣ тысячею складокѣ одѣянія! заверни бѣлыя свои руки до самыхѣ ногтей длинными рукавами, и со всемѣ тѣмѣ... О другѣ *Оберонѣ*! потребно тебѣ превратить сердце мое вѣ камень!

Однако Рыцарь нашѣ имѣлѣ твердое намѣреніе остаться побѣдителемѣ таковаго искушенія. Онѣ поставлялѣ за славу и добродѣтель храбро выдержать опытѣ своего постоянства; но можно ли укротить таковаго непріятеля, которой тѣмѣ больше укрѣпляется, чѣмѣ жесточѣе сѣ нимѣ сражаешься? Нѣтѣ ничего опаснѣе, какѣ находясь близь обожаемой красавицы, предаваться вѣ молчаніи своимѣ чувствованіямѣ. По щастію *Гіонѣ* вспомнилѣ о должности по обычаю Рыцарскому, состоящей во обращеніи Калифовой дочери на путь истинной вѣры; ибо оная находилась еще вѣ язычествѣ и вѣрила вѣ Магомета, сама не вѣдая для чего. Онѣ толкуетѣ ей, сколько могѣ, догматы

машы Христіянства. Онъ въ ревности не уступалъ Проповѣднику, въ законѣ былъ твердъ, но слабъ въ Богословіи; все его законознаніе заключалось въ памятованіи наизусть Сумвола вѣры и нѣкоторыхъ молитвахъ; но чего не доставало къ просвѣщенію и основанію въ наставленіяхъ, дополнялъ то жаръ его сердца. *Гіонъ*, необыкшій въ словопрѣніяхъ, утверждалъ однако ревностно то, чему вѣрилъ, и готовъ былъ доказывать противу всѣхъ язычниковъ на сушѣ и на морѣ мечемъ своимъ. Но сила истинны и безъ того велика бываетъ во устахъ любовника; сердце, состоящее съ нимъ въ соединеніи, внимаетъ наставленія его съ веселіемъ и прилѣжаніемъ. Что лучше любви можетъ убѣждать? Нѣжной взглядъ подтверждаетъ основанія ея вѣры. Красавица, не входя въ вопросы, вѣритъ всему толкованію *Гіонопу*, и вскорѣ начинаетъ правильно изображать на себѣ крестное знаменіе. Не оставалось совершить святое крещеніе никакого препятствія; промедленіе въ томъ казалось самой ей ненавистно. Нѣкоторый монахъ Базиліянскій, случившійся съ ними въ кораблѣ, былъ призванъ и совершилъ оное. Прекрасная *Реція*, названная во Христіянствѣ

ствѣ *Амансою*, не токмо пріобрѣла право на вѣчное блаженство, но учинилась еще почтеннѣе. Однако казалось, что съ того часа покровительствующій *Гіону* духъ оставилъ его. Сердце его начало жесточѣе предаваться восхищенію. Тщетно старался *Шеразминъ* мѣшать ему; безплодно пеклась и *Фатима* не отходить ни на пядь: *Паладинъ* забываетъ опасность въ нарушеніи завѣщанія *Оберонова*. Сколько ни кивалъ головою доброй старой слуга *Шеразминъ*, *Гіонъ* не переставалъ ласкать и выходить изъ себя при называніи ея своею милою *Амансою*. Равно и *Реція*, принявъ оное новое именованіе, щитаетъ себя разрѣшенною отъ принужденія; преставъ называться *Реціею*, забываетъ она Калифа, отца своего, и достоинство своей природы. Она какъ бы переродилась для *Гіона*, отдала все что имѣла, и отдала бы весь свѣтъ для любви къ нему, и во объятіяхъ его не щитала ничего за потерю.

Бодрствующій *Шеразминъ*, видя чету любовниковъ въ таковомъ согласіи, ужасается на нихъ глядя; онъ примѣчаетъ въ ихъ взорахъ нѣчто склонное къ сорванію заповѣданнаго плода. Онъ видитъ, что присутствіе свидѣтелей ихъ

угнѣтаетъ; что они цѣлуются, какъ скоро онъ отворотится къ нимъ спиною, и цѣлуются поспѣшно, чтобъ ихъ не примѣтили; и что оба краснѣютъ, когда другіе то замѣтятъ. Онъ видитъ въ нихъ ясно то, чего они сами въ себѣ не видятъ; видитъ, что они, подобно ночнымъ насѣкомымъ, влекутся какъ бы на пламень свѣчной нѣжною страстію; что бы въ обмануты своею невинностію, вертятся около огня, и неминуемо обожгутъ свои крылья. Въ семъ опасномъ обстоятельствѣ вѣрной *Шеразминъ*, согласясь тайно съ *Фатимою*, не пропускаютъ ничего, чѣмъ бы можно сохранить цѣломудріе Рыцарево, по крайней мѣрѣ хотя до прибытія въ Римъ; имъ вспадаетъ различное въ мысли, чѣмъ бы можно ихъ занять, или помѣшать. Наконецъ *Шеразминъ*, зря всѣ средства безуспѣшными, начинаетъ имъ разсказывать сказку. Такъ назвалъ онъ нѣкоторое приключеніе, хотя оное было истинное, а не басня. Онъ слышалъ оное отъ Календера въ Базрѣ, когда по смерти господина своего странствовалъ до водворенія своего въ пещерѣ горы Ливанской: тогда кстатѣ пришло ему оное на мысль, чтобъ съ благопристойностію по ночамъ отправлять званіе караульщика. ОБЕ-

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Тако начинаетъ *Шеразминъ* свою повѣсть: – *Лѣтъ* за сто предъ симъ живалъ на берегу Тесины дворянинъ, молодъ умомъ, хотя уже былъ сѣдъ волосами, посѣщаемый ежедневно почти подагрою и судорогами, оными поздными горестными плодами невоздержности въ роскошахъ; впрочемъ человѣкъ придворной, щеголеватой, и довольно искусной въ военной наукѣ любви. Проведши свѣжіе свои годы въ порочныхъ забавахъ, и не рѣдко бывая причиною безпокойства особъ женатыхъ, вознамѣрился онъ напослѣдокъ, уже приступая къ краю жизни, принять на себя спокойное иго законнаго брака. Со многимъ вкусомъ и съ порядочно охладѣвшею кровію выбралъ онъ себѣ дитя такое, которое нужно ему казалось имѣть товарищемъ для веселія и дружества, и притомъ для безопасности своего покоя. Жребій сей палъ на невинную дѣвушку, благонравную, смирную, цѣломудренную, какъ луна, и по всѣмъ признакамъ удаленную отъ суетности.

Ста-

Старой дворянинъ, при покупкѣ столь прекраснаго товару, забылъ только о своихъ шестидесяти пяти годахъ, и что голова его давно уже усыпана была снѣгомъ, хотя онъ при брачномъ договорѣ не пропустилъ подробно условиться, чтобъ быть ей для него только ласковой, горячей, и во всемъ собственно лишь для него; а для всѣхъ другихъ весьма холодной. Но кто могъ за все это ручаться? *Розета* (имя новобрачной) все это утверждала; но *Розета* была ребенокъ, взростшій въ деревенской жизни, подобно цвѣтку, развернувшемуся въ тѣни, была ласкова и легковѣрна, и въ будущемъ супругѣ своемъ видѣла только мущину, имѣющаго учинить ее знатною госпожею, доставлять ей богатое платье и тысячу другихъ вещей, могущихъ утѣшать подобныхъ ей младенцовъ; а о другомъ сердце ея еще не помышляло. Напослѣдокъ свадьба ихъ съ великимъ торжествомъ совершилась. Старикъ храбрился сколько могъ, и укралъ лѣтъ съ дватцать изъ своей жизни. Народъ сбѣгался смотрѣть великолѣпнаго вѣнчанья, и всюду по оному разносились слова: вотъ Генварь съ Маіемъ стоятъ вмѣстѣ. *Розетина* невинность какъ то обыкновенно принуждала гордить-

ся

ся стараго *Гантольфа* (имя дворянина сего); однако после того началъ онъ изнемогать, припадки, соединяющіеся съ седою любовію, начали во изобиліи появляться; чемъ горячее *Розета* становилась, темъ больше старикъ хладелъ. Между темъ старался онъ другими опытами доказывать свою нежность: дарилъ ее ежедневно товарами изъ модныхъ лавокъ, какъ то нарядами, дорогими камнями, и всемъ другимъ, что ослепляло глаза ея. Онъ не щадилъ на то кошелька своего; не требовалъ опричь одного только поцелуя, и словомъ сказать, игралъ роль стараго мужа.

Розета, по невинности довольная своею участью, не щадила угожденій, пріятныхъ для пожилыхъ молодцовъ; она сидела у него на коленахъ, сколько ему было угодно, качалась на оныхъ, брала его за подбородокъ, ласкала всячески, и наконецъ позволяла ему класть тяжелую его голову на грудь себе, когда склонялъ его сонъ. Въ таковомъ согласіи жили они несколько летъ, въ верности какъ горлицы, и взаимной другъ къ другу доверенности. Доброй старичокъ при ея ласкахъ забывалъ о своей подагре и ломе въ поясниці; а молодая супруга сожалела

ла лишь о томъ, что ему минуло семь десятковъ. Но последовало еще худшее: *Гангольфъ* лишился последней утехи въ жизни, коя доставляла ему зреніе. Престалъ уже видеть онъ въ очахъ ея солнце, и ту полную овальность, съ коей живописцы заимствуютъ подобія для безсмертныхъ. Чемъ бы бедному слепцу можно было разделять скучное время, когдабъ не было у него *Розеты*? Чтобъ было съ нимъ, естьлибъ она не поставляла за должность быть отъ него неотлучною день и ночь, подавать ему руку помощи, и служить вместо глазъ, читать и писать вместо его, спрашивать чего онъ хочетъ, и при нападеніи судорогъ разтирать ему ноги и колена своею мягкою ручкою? Сострадательная *Розета* была всегда благонравна, услужлива, и безъ роптанія платила таковую дань супружеству, хотя и негодовала иногда на его брюзгливость, но всегда старалась предупреждать его желанія. Однако по нещастію, не взирая на похвальныя ея разположенія, появилось въ немъ злейшее изъ всехъ его безпокойствъ. Жесточайшій врагъ, изшедшій изъ ада къ мученію смертныхъ, ревнивость овладела старикомъ, и начала его ужасно терзать. Бывъ

слабъ

слабЪ и слѣпЪ, воображалЪ онЪ себѣ, что *Розета*, сколь ни добродѣтельна, но со всемЪ тѣмЪ женщина. КакЪ можно избѣгать ей отЪ искушеній? Весь свѣтЪ отверзтЪ предЪ ея очами; а глаза, могущіе предохранять ее, были слѣпы! Столь молода, прекрасна, и сотворена изЪ одного любовнаго жару, могла ли она являться кому нибудь, не возжегши страсти? Гдѣ скоро можно было сыскать таковыя пылающія розами щеки, такЪ блистающіе взоры и столько лиліямЪ подобныя круглыя руки? Хотя она добродѣтельна, хотя не пропуститЪ она убѣгать, но вЪ бѣгствѣ семЪ можетЪ скользнуться. Дно, по коему ходитЪ молодая женщина, уподобляется вылощеной стали; а падшая единожды уже упадаетЪ навсегда. Самыя ея добродѣтели, ея услужливое благонравіе, веселое сложеніе и легкомысліе, что прежде были ему вЪ ней милы, равно стыдливость, сЪ каковою его прежде она обнимала, и всѣ прелести, обнаженныя безЪ хитрости, служили лишь ко умноженію его подозрѣнія, и разЪѣдали глубокую язву вЪ его сердцѣ. Не можно ни сЪ чемЪ сравнить рабства, вЪ коемЪ содержана была сЪ того времени добрая сія женщина; она принуждена была, какЪ прико-

кованная, денно и ночно держаться за его измозженное тѣло. Робѣющій отъ недовѣрчивости ко всякому тихо произнесенному слову перенесъ онъ глаза свои въ концы перстовъ, и безпрестанно ощупывался, не уходитъ ли она отъ него куда нибудь.

Сколь ни благонравна была *Розета*, но таковое поведеніе обременило ея сердце. Хотя происходило оное отъ любви, однако побудило ее вмѣсто безплодныхъ жалобъ къ размышленіямъ. Жизнь, провождаемая съ седьмидесятилѣтнимъ супругомъ, мучимымъ подагрою и каменною болѣзнію, при несправедливыхъ подозрѣніяхъ, показалась ей жестокимъ бремянемъ. Съ того часа многое, на что взирала она до того съ терпѣніемъ, начало представляться ей несноснымъ. Ласки его стали для ней огорчительны, шутки и поцѣлуи гнусны. Въ цвѣтущей молодости съ такою красотою, безъ пользы для него, надлежало ей отрекаться отъ самой себя. Чтожъ могло ей замѣнять все сіе? Городское общество, танцы, позорищи и прочія забавы, составляли для ней заповѣданный плодъ. Древній ихъ замокъ запертъ былъ для всякихъ посѣщеній; всякъ убѣгалъ онаго,

равно

равно какъ бы обитали въ немъ нечистые духи. Великой садъ, окруженный высокими и крѣпкими каменными стѣнами, содержалъ единственую отраду бродить въ ономъ, какъ бы въ клѣткѣ. Можно было сѣсть въ тѣни подъ деревомъ; однакожъ державши за руку своего слѣпаго. Молодой дворянинъ, воспитанной по сиротству въ *Гангольфовомъ* домѣ, и опредѣленный надзирателемъ къ его конюшнѣ, показался ей тогда впервые разсмотрѣнія достойнымъ. Хотя оной издавна уже не пропускалъ взирать на нее нѣжными очами, и осмѣлился открывать чувство своего къ ней сердца; но она не пропускала обезоруживать его и возбуждать къ почтенію. Въ теперешнемъ же обстоятельствѣ, когда грусть и досада начали ее мучить, не удивительно, что начала она взирать на него другими глазами. Ей показалось жестокостію къ самой себѣ то, чтобъ отрекаться отъ жизненнаго утѣшенія; и *Валтеръ*, сей пригожій конюшій, ободренный ея взглядами, сталъ неутомимъ, занявъ должность ея супруга. Ревность его возрастала, чѣмъ больше получалъ онъ удобностей. Она убѣгала, противилась; но нечувствительно утвердилось между ими

согласіе, коему глаза служили переводчиками, для того что *Гангольфъ* не былъ слѣпъ ушами, и могъ оныя употреблять вмѣсто ста глазъ. Отъ замѣчанія его не уходило и то, когда зашумитъ какая нибудь складка на ея платьѣ. Принужденіе таковое сократило обряды сопротивленія, и *Валтеръ* съ *Розетою* въ короткомъ времени достигли до того, что остался только вопросъ, какъ бы другъ къ другу приближиться. Но какой способъ можно было выдумать молодой женщинѣ, стрегомой денно и ночно своимъ дракономъ, и которому кашель не позволялъ заснуть ни на минуту? Однако нужда изощряетъ разумъ. По многихъ размышленіяхъ, избираніяхъ, опроверженіяхъ и затрудненіяхъ, вспадаетъ ей на умъ въ саду грушевое дерево съ подобнымъ искусствомъ, сдѣланнымъ ступнями, находящееся близь мраморомъ выстланнаго источника, и тѣнію своею заслоняющаго дерновую софу, окруженную миртовыми кустами. Въ это пріятное мѣсто, провѣваемое прохладными вѣтерками, обыкъ старикъ въ лѣтнее время почасту ходить съ своею молодою женою, и лежать по нѣскольку часовъ на краю источника, положивъ голо-

ву

ву на ея колѣна. Однакожъ ключь отъ саду носилъ онъ всегда въ своемъ карманѣ, и кромѣ ихъ двухъ ни чья нога въ оной не входила. Ключь потребенъ былъ необходимо для предпріятія любовниковъ. Оной вынутъ былъ при раздѣваніи изъ кармана, и во время отправленія старикомъ молитвъ на сонъ грядущимъ, вытисненъ съ онаго на воску отпечатокъ, и въ слѣдующее утро врученъ *Валтеру* съ предписаніемъ объ сказанномъ деревѣ и прочемъ, служащемъ въ наставленіе. Вотъ что за тѣмъ послѣдовало:

Въ одинъ прекрасной жаркой день въ концѣ Августа лучи солнечные понудили старика удалиться къ отдохновенію подъ грушевымъ деревомъ, любимымъ его мѣстечкомъ. Пойдемъ, моя голубушка! сказалъ своей половинѣ сивой сей голубь: пойдемъ, *Розетушка*! поведи меня подъ ту тѣнь, гдѣ богъ брака съ начала нашего соединенія почасту зрѣлъ насъ во взаимныхъ обьятіяхъ. *Розета* даетъ знакъ, и *Валтеръ* вскользаетъ напередъ въ садъ; двери потихоньку отперты, и опять замыкаются; онъ нейдетъ, а летитъ къ источнику, и взлезаетъ на грушевое дерево, избравъ пологое и широкое мѣсто въ наклонѣ толстаго пня его.

Между шѣмъ сшарикъ приближаешся шуда же, опираясь на плечо своей вѣрной горлицы. Какъ посреди многихъ припадковъ и недосшашковъ шѣла осшался ему шолько языкъ, шо началъ онъ по обыкновенію своему увѣряшь ее въ любви, и разпросшраняшь разговоры о сладосшяхъ брачной жизни. Къ лучшему убѣжденію ее въ исшиннѣ словъ своихъ примѣшалъ онъ многія красошы изъ лучшихъ сшихошворцевъ, и включилъ изрядную часшь пропoвѣди. По сему напѣву продолжали они маршъ свой, и благополучно прибыли къ исшочнику, при кошоромъ *Гангольфъ* пошрепавъ жену по щечкѣ, насказалъ еще много нѣжныхъ словъ, не взирая, что кашель жесшоко мѣшалъ выраженію оныхъ, и продолжалъ свою пропoвѣдь, не взирая на шо, что слушашельница худо разположена была ко вниманію, въ разсужденіи сидящаго на грушевомъ деревѣ. Есшь ли что – говорилъ онъ, сѣвши въ шѣни, положа голову къ ней въ колѣни, и поглаживая мягкія и подобныя ашласнымъ ея руки – есшь ли что невиннѣе нашей забавы, спокойсшва, сладкаго ушѣшенія сего, коему усшупаюшъ всякія радосши, имѣшь щасшіе бышь любиму, и бышь удосшовѣрену въ любви сей? Словомъ сказашь, можешь

ли

ли шы любовь мою равнять съ чемъ ни есть на свѣшѣ? Говори, милая моя! – продолжалъ старикъ еще нѣжнѣе, поглаживая руки – говори смѣло безъ всякаго пришворства, вѣдь никто этова не слышишъ! Можешь ли швой слѣпой и нѣжной *Гангольфъ* ласкашь себя взаимною швоею любовію? Все ли онъ для шебя на свѣшѣ составляешъ? Все ли швое сердце занимаешъ, шакъ какъ шы его? –

Не взирая на изреченія древнихъ, не можно не простишь мужу, полагающему все свое сердце и довѣренность въ супругѣ, хошя давно уже научали насъ о прошивномъ изъ бочки и престола глупой *Діогенъ* и премудрой *Соломонъ*, что сердце жены бездна неисповѣдимая, и что лесть ея уподобляешся ея легкомыслію. Не въ однихъ только свѣтскихъ приключеніяхъ видимъ мы то: самое Священное Писаніе насъ поощряешъ къ недовѣрчивости къ вашимъ сестрамъ. Праведный Лошъ обманушъ былъ своими дочерями; сынове Божіи въ началѣ міра соблазнены были дщерьми человѣческими. Однако сколько ни есть примѣровъ о порочныхъ женщинахъ, я совершенно полагаюсь на мою возлюбленную *Розету*, не сомнѣваюсь въ ея вѣрности, и ставлю

ее за образецъ въ нѣжномъ полѣ. Твой *Гингольфъ*, столь вѣрно и чистосердечно тебя любящій, конечно никогда не будетъ огорченъ тобою.

Къ чему такое предисловіе? -- отвѣтствуетъ съ жаромъ молодая его супруга, отнявши тотчасъ прочь руку, которою его обнимала - чѣмъ я въ жизни подала тебѣ причину? Могла ли я надѣяться, чтобъ твое сердце въ вѣрности моего хотя на минуту могло усомниться? . . . О нещастная! вотъ все награжденіе за любовь мою! вотъ кому предалась я на вѣки! Скажи, кто получилъ отъ меня первый невинный поцѣлуй? Не ты ли? . . . Но нѣжность мою къ тебѣ составляетъ мое преступленіе! тебѣ подозрительно сердце, незнающее никого опричь тебя, и только для одного тебя біющееся! Гордой человѣкъ! ты не доволенъ сею своею побѣдою? Тебѣ ли надлежитъ меня мучить? Это безчеловѣчно! - Сказавъ сіе, прерываетъ она свой голосъ, какъ бы горесть стѣснила грудь ея. Старикъ зарыдалъ, и съ разкаяніемъ прижалъ къ сердцу вѣрную и обиженную супругу. Ахъ! не плачь, моя милая! говорилъ онъ: прости погрѣшность, отъ любви произходящую! я не имѣлъ намѣренія

ренія огорчишь тебя; пожалуй прости, и поцѣлуй меня! Клянусь, что я не сомнѣваюсь въ вѣрности моей *Розеты*. – Вы всѣ таковы мущины, сказала *Розета*, отвернувшись отъ его поцѣлуя: сперва вы лестью заманиваете насъ въ свои сѣти, а овладѣвши нами, кровь ваша тотчасъ превращается къ намъ желчью. Неприятно женщинамъ исполнять излишнія прихоти своихъ мужей. Самое пламя, которое вы же съ прилѣжаніемъ раздуваете, подаетъ вамъ причину къ подозрѣніямъ. – Доброй старикъ пришелъ въ смятеніе, уговаривалъ вѣрную свою горлицу успокоиться, и клялся, что и малѣйшая тѣнь подозрѣнія весьма удалена отъ него. Наконецъ заключенъ миръ, и съ обѣихъ сторонъ утвержденъ поцѣлуемъ. Чета супруговъ отъ пустоты, или отъ великой полности чувствованій сердечныхъ, какъ вамъ угодно, сидѣла въ глубокомъ молчаніи. *Розета* погодя начала вздыхать. Старикъ вопрошалъ: о чемъ? Такъ, отвѣчала она, еще вздохнувъ, и продолжала безмолвіе. Онъ началъ приставать. „Не заботься, душа моя! отвѣчала она: это маленькая прихоть, и можетъ быть пройдетъ.„ – Ахъ! что ты говоришь! прихоть? Не брюхата

ша ли ты? Сколько обрадуешь ты мою старость! – Она молчит и продолжает воздыхать. Слава Богу! продолжал *Ганхольфъ* радостно: это сделала наша холодная ванна. Но скажи, душенька! может быть это вредъ сделаетъ, ежели ты станешь перемогать прихоти. – Ну! сказала она: на груши, которыя на семъ деревѣ висятъ какъ золотыя, и совсѣмъ поспѣлыя, я не могу смотрѣть; у меня слюны текутъ. Какъ вѣтви не обломятся! столько ихъ. Я боялась сказать, чтобъ ты не разсердился; но . . . Я дала бы себѣ глазъ выколоть за одну грушу! – О! я знаю это дерево, подхватилъ старикъ: во всей округѣ нѣтъ столь вкуснаго плода; но какъ же достать? Нѣтъ ни одного человѣка, всѣ въ полѣ нынѣ жнутъ. Дерево высоко; а я слабъ и слѣпъ. . . . Ежели бы былъ дома дурачина, *Вittерь*! – Послушай, душенька! сказала *Розета*: мнѣ вспало на мысль, и мы обойдемся безъ посторонней помощи. Потрудись на минуту! стань на четвереренькахъ къ пню грушевому, я съ твоей спины достану сукъ, и легко доберусь до вѣтвей; я съ младенчества навыкла прыгать и лазить – конечно намъ удастся. Сердечно радъ, отвѣчалъ слѣпой: однакожъ

кожъ смотри, матушка! не убейся. Ежели вѣтвь переломится, какую могу подать тебѣ я помочь? Не лучше ли подождать? – Я сказывала уже, что ждать не могу! Я вижу, что ты стыдишься таковой услуги; ни изъ чего на свѣтѣ не хочу я тебѣ быть въ тягость! Но вѣдь никто не увидитъ, душенька! мы здѣсь одни.

Что оставалось дѣлать? Онъ вообразилъ, что оказываетъ тѣмъ помощь въ жизни мнимому своему наслѣднику, и убѣжденъ былъ согласиться. Онъ становится на четвереньках, *Розета* ступаетъ старому глупцу на шею, прыгаетъ съ оной на вѣтвь и достигаетъ мѣста, гдѣ ожидали ее любовныя утѣхи.

Во время сего произшествія *Оберонъ* съ своею возлюбленною *Титаніею*, Царицею волшебницъ, имѣли полдневное отдохновеніе невидимо напротивъ самаго слѣпаго *Гангольфа*; все, зефирамъ подобное, послѣдующее за ними войско духовъ, находилось разсыпавшись по всему саду, и спало подъ кустами цвѣтовъ во ожиданіи мѣсячнаго восхода. Царь съ Царицею волшебниковъ слышали все, произходящее между мужа съ женою. По нещастію примѣтили они и явленіе, произходящее на грушевомъ деревѣ. Повелителю

духовъ нанесло оное великое неудовольствіе. Вотъ, сказалъ онъ *Титаніи*: посмотри, что справедливо изреченное всѣми знатоками: нѣтъ такого худа, на которое бы не отважилась женщина. Истинно возглашалъ языкъ Премудраго Соломона: „Добраго мужа найти не чудно; но пройди весь обширный свѣтъ, то рѣдко найдешь прямо добродѣтельную жену.„ Взгляни, *Титанія*! въ гущину грушеваго дерева, и увидишь, какъ невѣрная жена ругается надъ слѣпымъ супругомъ. Она въ темнотѣ, покрывающей глаза его, щитаетъ себя столькожъ безопасною, какъ въ глубочайшемъ Плутоновомъ гротѣ. Но клянусь моимъ престоломъ, симъ лилейнымъ жезломъ, и моею страшною властію, данною мнѣ симъ скиптромъ надъ всемъ царствомъ духовъ, что не защититъ ее лукавство, ни его слѣпота! Не порадуется она, совершая предъ глазами *Оберона* таковую измѣну! Я отниму слѣпоту отъ глазъ *Гангольфовыхъ*, и помогу ему все увидѣть! – Какъ! Ты хочешь это сдѣлать? подхватила Царица волшебницъ, возпламенясь отъ досады: я присоединю и мои клятвы къ твоимъ! Я клянусь также, такъ какъ я Царица волшебницъ и твоя супруга, что *Розета* сы-

сыщетъ себѣ оправданіе! Развѣ *Гангольфъ* правъ? Развѣ вольность только вашъ жребій, а нашъ терпѣніе? – Однако *Оберонъ*, не взирая на гнѣвъ ся, сдѣлалъ то, въ чемъ клялся. Слѣпота *Гангольфова* изчезла отъ прикосновенія лилейнаго скиптра. Старикъ сей, изумленный и обрадованный, началъ оглядываться и протирать глаза, такъ какъ набилось во оные цѣлое стадо мошекъ. Онъ видитъ, о небо! можно ли вѣрить! свою цѣломудренную *Розету* во объятіяхъ мущины. Не можетъ статься! думаетъ онъ: я не разсмотрѣлъ, и глаза мои, отвыкшіе отъ зрѣнія, меня обманули. Онъ разсматриваетъ прилѣжнѣе. . . Тотъ же предметъ пронзаетъ его сердце. А! вскричалъ онъ, какъ бѣснующійся: измѣнница! сирена! адское изчадіе! ты не стыдишься предъ моими глазами столь безчестно забывать честь и вѣрность свою? *Розета*, подобно громомъ пораженная, оправляется между тѣмъ, какъ невидимая рука волшебнымъ покрываломъ скрываетъ поблѣднѣвшаго ся любовника. Какое чудное приключеніе! думаетъ она: можно ли проглянуть, и такъ не кстати моему старому бѣсу? Но по внушенію Царицы волшебницъ впадаетъ ей въ мысль хитрость для увертки;

ки. Что тебѣ сдѣлалось, душа моя! кричитъ она ему съ дерева: отъ чего ты такъ разсердился? – Ты еще спрашиваешь, безстыдница „! – О бѣдная! вскричала она: ты опять началъ подозрѣвать меня? Вотъ чѣмъ ты платишь мнѣ за то, что я, сжалившись надъ твоимъ состоянiемъ, принуждена была прибѣгнуть къ чародѣйной помощи, и сражаться для возвращенiя зрѣнiя твоего съ злымъ духомъ, принявшимъ образъ мущины! Онъ мнѣ выломилъ руку! То, чѣмъ ждала я заслужить отъ тебя благодарность, обращаешь ты мнѣ въ вину, и не стыдишься такъ жестоко клеветать меня? – О! вскричалъ *Гангольфъ*: съ тобою и праведникъ потеряетъ терпѣнiе! ты называешь борьбою, или сраженiемъ видѣнное мною? Я желалъ бы никогда не видать дневнаго свѣта. Прежде ты погибнешь, вѣроломная женщина! нежели я могу что нибудь всклепать! – Какъ? продолжала она кричать: возможно ли, чтобъ мой *Гангольфъ* говорилъ это! О бѣдная я женщина! конечно въ моемъ волхвованiи есть какой нибудь недостатокъ, и зрѣнiе твое не совсѣмъ еще очистилось! Какъ бы могъ ты впрочемъ столь жестокими словами убивать вѣрную твою супругу? Ты ви-

дѣлъ

дѣлѣ не ясно: какое нибудь неправильное преломленіе лучей тому причиною. – О! естьлибъ можно было мнѣ самому себя обманывать, отвѣчалъ *Ганголъфъ*: щастливъ тотъ, коего мучитъ пустое подозрѣніе! Я, нещастной! ясно видѣлъ мое злополучіе! – Свидѣтельствуюсь небомъ, что не бывало на свѣтѣ женщины меня нещастнѣе! кричала измѣнница, проливая слезы. Ахъ! могу ли я пережить мою горесть! мой бѣдной мужъ ума рехнулся! Не можно, чтобъ слезы, текущія изъ прекрасныхъ очей, и тяжкія рыданія, не тронули добродушнаго человѣка! Старикъ не могъ далѣе сомнѣваться; онъ закричалъ: успокойся, матушка! не плачь, жизнь моя! я ошибся, глаза меня обманули. Проси нѣжнаго *Ганголъфа* и сойди съ дерева въ его объятія. Это очень ясно, что глаза меня обманули!

Слышишь ли? сказалъ Царь волшебниковъ *Титаніи*: что онъ своими глазами видѣлъ, смываютъ то лукавыя слезы! это твоя работа, торжествуй! но я клянусь всемъ, что ни есть свято! Я уповалъ, что меня любятъ, и находилъ въ томъ мое благополучіе; но это была мечта. – Благодарю тебя, что ты освободила меня отъ очарованія. Не надѣйся, чтобъ

чтобъ смягчили меня слезы; съ сего часа мы разлучимся! нигдѣ не встрѣтимся мы другъ съ другомъ, ни въ водѣ ни на воздухѣ, ни въ цвѣтущихъ рощицахъ, гдѣ вѣтви кропятъ ароматнымъ дождемъ, ни въ пропастяхъ, гдѣ среди вѣчной ночи Грифы хранятъ волшебныя сокровищи. Меня будетъ давить тотъ воздухъ, коимъ будешь ты дыхать; удались! Горе измѣнническому роду твоего пола! горе робкимъ рабамъ любви, носящимъ его цѣпи. . . я ненавижу всѣхъ васъ! Когда мущина въ сѣтяхъ женщины будетъ пойманъ подобно глупому тетереву на таковищѣ, и будетъ сосать обманчивой ядъ съ роскошныхъ ея взглядовъ; когда онъ возпламенится любовію къ ней, будетъ слушаться коварствъ улыбающейся таковой сирены, повѣритъ ея клятвамъ и обманчивымъ слезамъ, да будетъ тотъ осужденъ ко всѣмъ бѣдствіямъ и ко всѣмъ мукамъ! Да утвердится сія клятва моя страшнымъ тѣмъ словомъ, которое неисповѣдимо для самыхъ духовъ, что не будетъ оная нарушена, равно какъ и твердое мое вознамѣреніе, пока сыщется въ свѣтѣ вѣрная чета, сопряженная самою судьбою и чистѣйшей любви пламенемъ, и утвердитъ оную опытами, какъ

въ

въ щастіи, такъ и напастяхъ, естьли сердца ихъ ничто разлучить не можетъ. Пусть порокъ вѣроломства загладится ихъ цѣломудріемъ; и когда сія благородная чета невинныхъ чистыхъ душъ любви всемъ пожертвуетъ, и подъ каждымъ ударомъ строгой судьбы пребудетъ вѣрна первой любви своей, рѣшится прежде избрать смерть и пламень, чѣмъ чрезъ невѣрность возвыситься на престолъ: тогда *Титанія* мы увидимся и соединимся съ тобою!

Сказавъ это, Царь волшебниковъ изчезъ въ глазахъ ея. Тщетно возвращала она его нѣжнымъ и убѣдительнымъ воплемъ въ свои объятія: ничто не могло перемѣнить скоропостижно сказанныхъ въ досадѣ словъ, кои послѣ онъ самъ оплакивалъ; ничто не могло разрѣшить его отъ клятвы. Не возможно кажется сыскаться на свѣтѣ столь отличнымъ любовникамъ. Съ того времени до нашихъ дней никогда *Оберонъ* не является въ собственномъ своемъ видѣ, и какъ сказываютъ, избираетъ своимъ убѣжищемъ горы, дремучіе лѣса и пустыни, въ которыхъ старается гнать и мучить любящихся, такъ что покровительство его, вамъ оказанное, надлежитъ щитать за чудо. —

Та-

Таковымъ образомъ *Шеразминъ* окончилъ свою повѣсть; а *Гіонъ*, взявъ за руку свою возлюбленную *Амансу*, сказалъ: естьли покой *Оберона* съ *Титаніею* зависитъ отъ двухъ вѣрнолюбящихся душъ, судьба ихъ достигаетъ своего предопредѣленія. Не самъ ли онъ столь чуднымъ образомъ соединилъ насъ? Онъ, бывъ врагъ любви, принялъ насъ въ свое защищеніе! что надлежитъ до опытовъ . . . О! пусть онъ ихъ посылаетъ! - Красавица вмѣсто отвѣту прижимаетъ *Гіонову* руку къ своему сердцу съ пламенными взорами. Но что бы и сказать ей, которая всемъ для него пожертвовала? Наставшій за тѣмъ восторгъ произвелъ явленіе, которое угрожало усердному *Шеразмину*, что вся его выдумка, весь плодъ прекрасной сказки, не взирая на киваніе головою его, въ минуту погибнетъ. Хотя невинность скрывала своимъ цѣломудріемъ отъ возрастающей опасности любовниковъ; но нѣжность ихъ изливалась тѣмъ свободнѣе, чѣмъ чище былъ оныя источникъ. Не видано еще на свѣтѣ четы молодыхъ людей, столь новыхъ въ любовныхъ дѣлахъ, каковы были *Гіонъ* съ *Амансою*; однакожъ отъ самаго того участь ихъ на одномъ

шоль-

только волоскѣ висѣла. Потребна была только одна минута, могущая на вѣки разрушить ихъ благополучїе.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

По прошествїи седьми ясныхъ дней попутный вѣтръ любовниковъ, покровительствуемыхъ *Оберономъ*, приноситъ къ берегу Лепанта. Тамъ находились двѣ пинасы, готовыя къ отплытїю, одна въ Марсилїю, а другая въ Наполи. Между тѣмъ юный Рыцарь, скучающїй бодрствїемъ и Манторскимъ лицемъ стараго *Шеразмина*, желаетъ поскорѣе удалить его отъ себя. Другъ мой! говоритъ онъ ему: можетъ быть еще годъ пройдетъ, пока могу я появиться въ Парижѣ; тебѣ извѣстно, что я обязанъ прежде побывать въ Римѣ, и предъ сею должностїю всякая другая замолчать должна; но мнѣ хочется дать знать Императору, что я сдержалъ мое слово. Вѣдь ты мой подданной: исполни за меня то, чего самъ я не въ состоянїи совершить. Садись на

 пи-

пинасу, отходящую въ Марсилію; оттуда спѣши ко двору, и для примиренія со мною Императора вручи ему коробочку съ зубами и усомъ Калифовыми, и разскажи, что ты самъ видѣлъ своими глазами; также и о томъ, что я, взявъ благословеніе отъ Святаго Отца въ Римѣ, не взирая ни на что, явлюсь самъ представить предъ его престоломъ дочь Калифову. Шествуй, мой вѣрной другъ! вѣтръ тебѣ благосклоненъ, якорь вынимаютъ; желаю тебѣ щастливаго пути. Исполнивъ же повелѣнное, возвратись ко мнѣ въ Римъ, и ищи меня въ Латеранѣ; можетъ быть мы и вмѣстѣ туда пріѣдемъ.

Вѣрной старикъ посмотрѣлъ ему въ глаза, покачалъ головою, и едва удержался, чтобъ не упрекнуть своего Государя за выдуманную хитрость. Коробочка (думалъ онъ) могла бы безъ нарушенія благопристойности помедлить до тѣхъ поръ, какъ *Гіону* можно бы самому, представъ Императору, дать ему во всемъ отчетъ. Между тѣмъ однако не льзя было противиться ему волѣ своего Государя и друга. Онъ съ слезящими очами цѣлуетъ руку у *Амансы* и *Гіона*, капли слезъ катятся по сѣдой бородѣ его,

его, и прощаясь говоритъ: дай, небо! всякое вамъ благополучіе, и чтобъ мы скорѣе въ радости могли увидѣться.

Рыцарь одумался, и сердце его затрепетало, когда уже *Шеразминъ* далеко отплылъ въ море. Что сдѣлалъ я (разсуждалъ онъ)? Къ чему привела меня поспѣшность? Имѣлъ ли господинъ вѣрнѣйшаго слугу, какъ я въ *Шеразминѣ*? Сколько прилѣпленъ онъ былъ ко мнѣ въ опасностяхъ! Поздно я одумался! Кто поможетъ мнѣ совѣтомъ и дѣйствіемъ? Кто предостережетъ меня впредь отъ самаго себя? Такъ говорилъ онъ въ самомъ себѣ, и клялся *Оберону* (коего невидимое присутствіе съ собою завсегда полагалъ) употребить всю крайность, чтобъ сохранить честь и должность въ сраженіи любовномъ. Рачительно старался онъ удаляться отъ *Амансы*, и препровождалъ время свое днемъ, взирая на пространное море, а ночью на полярную звѣзду. Принцесса, отдавшаяся безъ изъятія своему любовнику, не знаетъ къ чему приписать примѣчаемую въ немъ перемѣну. Она взираетъ на него съ жалостію, но стараясь сокрывать печаль, происходящую отъ нѣжности, а не отъ оскорбленной гордости. Между тѣмъ грусть ея съ часу

на часъ умножается, и лишаетъ ее во дни и ночи покоя.

Нѣкогда въ тотъ часъ, когда уже съ блистающаго звѣздами неба ясный Арктуръ опустился на лоно Фетисы; когда умолкъ шумъ на бортѣ корабельномъ, Океанъ, подобно нивѣ провѣваемой зефирами, почти не колебался; а матросы, упившіеся виномъ, просыпали пары онаго, вступившіе въ ихъ головы, и самъ бодрствующій кормчій задремалъ, оперщись на кормило; *Фатима* также заснула у ногъ Государыни своей; когда вся Природа покоилась: тогда только отъ очей *Гіонопыхъ* и возлюбленной его убѣгалъ сонъ. Ядъ любовный томилъ ихъ души. Сколь неукротимо возпламенялъ онъ кровь ихъ! И одна лишь тонкая стѣна ихъ разлучала. Казалось имъ, что они другъ друга касаются, и ни одинъ вздохъ не пропадалъ безъ взаимнаго вниманія. Рыцарь, коему принужденіе обратилось въ несносное мученіе, и каждая слеза, изторгаемая суровымъ его обхожденіемъ изъ очей *Амансиныхъ*, жгла сердце, вздыхалъ столь тяжело и громко, какъ бы разставался онъ съ жизнію. *Аманса*, больше часа сражавшись съ стыдомъ и любовію, не въ силахъ уже была отказать

зашь себѣ въ отрадѣ той, чтобъ узнать причину его страданія, и подать ему утѣшеніе. Она входитъ въ каюту его, подобна божеству, въ бѣломъ спальномъ одѣяніи, нѣжное сострадание появляется въ цѣломудренныхъ ея взорахъ, и робѣющія руки ея простираются къ нему съ обьятіями. Ему кажется, что самое небо предъ нимъ развeрзается.

Но вдругъ небо померкаетъ, угасаютъ всѣ звѣзды; упоенные любовники ничего сего не примѣчаютъ. Разрѣшенное суровыхъ вѣтровъ стадо шумитъ издалека на крылахъ, обремененныхъ бурею; они сего не слышатъ. Оболченный гнѣвомъ *Оберонъ* пролетаетъ почти мимо глазъ ихъ; они не видятъ. Уже трeтично раздавался грозящій гласъ грому; они ничего не слышатъ. Напослѣдокъ неслыханная буря съ страшнымъ свистомъ нападаетъ со всѣхъ сторонъ; ось земная трещитъ, черное нѣдро тучь разливаетъ огненныя рѣки, море начинаетъ шумѣть, пѣнящіяся волны вздымаются какъ горы. Пинка несется не извѣстно куда; тщетно кричитъ кормчій во оглушенныя громомъ уши, и по всему судну разносится лишь болѣзненное восклицаніе: горе намъ! мы погибаемъ! — Ярость необузданныхъ вѣтровъ

ровъ превращаетъ весь горизонтъ въ адскія челюсти; неугасающая молнія, безпрестанный трескъ судна и мачтъ, то погружающихся въ пропасть, то возносимаго подъ облака, моглибы устрашить и мертваго, и привели наконецъ любовниковъ нашихъ въ память. Ужаснувшаяся *Аманса* изторгается изъ объятій своего любовника; она вопіетъ: о небо! что мы предъ тобою учинили? Виновникъ всего безплодно призываетъ къ милосердію и помощи своего покровителя, по крайней мѣрѣ для *Амансы*; но оной неумолимъ пребываетъ въ опредѣленномъ имъ наказаніи. Очарованный рогъ и сосудъ, залоги его милости, изчезаютъ; онъ не слышитъ и не избавляетъ.

Между тѣмъ Капитанъ судна созываетъ весь народъ. Вы видите, говоритъ онъ, бѣдствіе, всеобщую погибель! съ каждымъ мгновеніемъ ока вода, вѣтръ и небесный пламень, грозятъ намъ потопленіемъ. Никогда еще не видывалъ я подобной бури! Кажется, что небо опредѣляетъ насъ къ смерти: за одного виновнаго, за преступленіе одного дерзскаго, надлежитъ ли намъ всѣмъ пропасть? Вопросимъ небо чрезъ жребій, кого оное требуетъ отъ насъ въ жертву? Не ужъ

ли

ли кто нибудь на сіе не отважится? Когда всѣ умираютъ, тамъ никому щадить нечего. – Всѣ соглашаются на его предложеніе. Священникъ беретъ сосудъ; кладутъ въ оной жребіи, ставъ на колѣна вокругъ его; онъ прочитываетъ молитву, и приказываетъ всѣмъ вынимать жребіи. Съ робостнымъ предчувствованіемъ, но съ рѣшительнымъ видомъ приступаетъ *Гіонъ*, устремляя нѣжные взоры на свою любезную, коя стоитъ поблѣднѣвъ какъ окаменѣлая. Онъ извлекаетъ. . . о судьба! о Царь волшебниковъ! . . . онъ извлекаетъ дрожащею рукою свой смертный жребій. Все множество взираетъ на него въ безмолвіи; онъ читаетъ, хладѣетъ, и безъ сопротивленія предается строгой своей участи. – Твое это дѣло! вопіетъ онъ къ *Оберону*: я чувствую твое присутствіе, хотя не зрю тебя, о духъ раздраженной! горе мнѣ! ты казнишь меня, ты предвѣщалъ сіе, и судъ твой праведенъ! Я не прошу пощады, кромѣ для одной *Амансы*; она невинна! прости ей! одного меня обременяй всемъ твоимъ гнѣвомъ, я снесу оной терпѣливо. О вы, продолжалъ онъ, коихъ смерть моя спасаетъ! оплачьте человѣка, впадшаго

подъ гнѣвъ небесный! Хотя не безъ вины я умираю, но жизнь моя была основана на правилахъ чести; на одну только минуту, упоенный сладостною отравою, забылъ я не одумавшись учиненную клятву. Поздно загремѣло въ слухъ мой раскаяніе! общій то жребій человѣчества быть подверженну слабостямъ; и въ томъ лишь мое преступленіе! Жестока казнь моя, но сношу оную безъ сѣтованія! я не раскаяваюсь въ пріятнѣйщемъ преступленіи. Естьли любить и порокъ составляетъ, небо проститъ меня! мое умирающее сердце не знаетъ никакой другой должности. О ты, пожертвовавшая мнѣ всемъ изъ любви! чѣмъ я могу воздать тебѣ, опричь той же любви? Нѣтъ! сей священной жаръ не можетъ угасить гробъ, опредѣленный мнѣ въ волнахъ морскихъ! безсмертно будетъ оный обитать въ тѣни *Гіонопой*. - При словѣ семъ сердце его умягчается; онъ зажимаетъ глаза поблекшею рукою, и умолкаетъ. Всѣ, стоящіе въ кругу, нѣмѣютъ; не было никого, чья бы душа не пронзилась жалостію. Но оная была лишь молнія, съ рожденіемъ своимъ изчезающая; въ смерти его состояла безопасность, жизнь для всѣхъ; и когда самое небо опредѣлило

ло его жертвою, кто может, говорили они, небесам противиться? Буря, начавшая утихать с смертным приговором *Гіоновым*, возревѣла с новым свирѣпством; она сломила мачту и раздробила в щепы кормило. Да умрет преступник! закричали всѣ бывшіе на суднѣ. Капитан онаго приближается к Рыцарю. Юноша! говорит он ему: ты видишь, что промедленіе избавить тебя не может, умирай, когда должно, и избавляй нас от погибели! *Гіон* неустрашимо шествует на край судна. Тогда *Аманса*, стоявшая как бы бездушной марморной истукан, прорывается к нему, подобно сумазбродной, сквозь толпу людей; вихрь взвѣвает растрепанные ея волосы; грудь ея вздымается, но очи не слезят; она охватывает *Гіона* крѣпко своими объятіями, и повергается с ним в море.

Отчаянная *Фатима* бѣжит броситься за ними; но ее удерживают. Она видит чету вѣрных любовников сцѣпившихся, быстро волнами уносимых, и слабо волнам сопротивляющихся. Вскорѣ изчезают оные из виду ея, и болѣзненный вопль ея наполняет все судно. Кто может наградить ей урон

 ея?

ся? Съ Государынею ея погибаетъ на вѣки вся надежда ея, и все, что она любила.

Между тѣмъ, лишь только голова Рыцарева коснулась раздраженныхъ волнъ, свирѣпство бури утихаетъ, громъ умолкаетъ, улетаетъ столпище вѣтровъ; море превращается въ чистое зеркало; корабль продолжаетъ на греблѣ путь свой, и чрезъ два дни достигаетъ въ пристанище.

Но что произходитъ съ тобою, безподобная чета любовниковъ! безъ всякой надежды носимая въ открытомъ морѣ? Силы ваши истощенны; чувства, слухъ и зрѣніе васъ оставили; одно только ощущеніе любви сжимаетъ ваши обътія; тѣла ваши какъ бы сраслися, грудь съ грудью, и уста ко устамъ, и дышете вы только другъ въ друга! Не ужъ ли ты, *Оберонъ*! можешь безъ жалости умертвить ихъ? Ты, бывшій нѣкогда ихъ другомъ, ихъ защитникомъ, какъ можешь взирать на ихъ погибель? Ты зришь ихъ, оплакиваешь, и не смягчаешься? Онъ отвращается и убѣгаетъ.... Они погибли! Не опасайся, читатель мой! очарованное кольцо спасетъ ихъ отъ потопленія; они безвредно достигнутъ ближняго берега; ихъ

защи-

защитит кольцо, полученное *Амансою* съ руки *Гіонопой*. Владѣющій симъ кольцомъ, со изображеніемъ печати Великаго Соломона, не можетъ понесть вреда ни отъ какой стихіи; онъ пойдетъ сквозь огонь безъ опаленія. Естьли будетъ запертъ въ темницѣ, запоры и замки разрушатся отъ его прикосновенія; и естьли пожелаетъ, въ одно мгновеніе изъ какого города очутится въ городѣ, далеко разстоящемъ, то кольцо доставитъ ему крылья: нѣтъ ничего, что бы владѣющій симъ талисманомъ и знающій его силу чрезъ него исполнить не могъ. Онъ можетъ мѣсяцъ содвинуть съ мѣста; на открытой площади въ ясныя полдни закроетъ его, коль скоро пожелаетъ, туманъ, непроницаемый для зрѣнія и самыхъ духовъ. Естьли кого призвать пожелаетъ, нужно только подавить кольцо, и въ минуту предстанетъ съ повиновеніемъ, кого похочетъ, человѣкъ ли, звѣрь ли, тѣнь, или духъ. Всѣ духи въ землѣ, воздухѣ, водѣ и огнѣ, подчинены ему; взглядъ его ужасаетъ и укрощаетъ чудовищъ. Сверьхъ того никакая на свѣтѣ власть не можетъ отнять кольца сего у того, кто лишь не получилъ его чрезъ похищеніе. Совершенная сила, заключаемая

мая въ немъ, защищаетъ сама себя и руку, оное на себѣ носящую. Сіе-то кольцо спасаетъ тебя, *Аманса*! и человѣка, узами любви и крѣпостію рукъ твоихъ прикованнаго къ груди твоей.

Они очутились на берегу нѣкотораго острова, сами не вѣдая какъ, хотя впрочемъ случай оказалъ имъ худую услугу; ибо островъ сей представлялъ развалины огнедыхавщей горы, и нигдѣ на ономъ не видно было ни одного зеленаго листочка. Но все сіе не трогаетъ въ первыя минуты упоенныхъ любовію. Избавиться отъ потопленія такъ неожидаемо, такъ чудно, нечаянно очутиться на сухомъ берегу и неразлучно другъ съ другомъ, таковое великое щастіе затмѣваетъ въ очахъ ихъ все прочее. Но вскорѣ состояніе ихъ приводитъ ихъ въ себя. Одежды ихъ были мокры; надлежало оныя просушить. Солнце стояло на полдняхъ, и островъ былъ пустъ. Они раздѣлись. Однакожъ солнечной жаръ, осущающій развѣшенное на камняхъ ихъ платье, поражаетъ нѣжную *Амансину* кожу; песокъ опаляетъ ноги; нѣтъ мѣста, на которомъ бы сѣсть; камни разкалены, и во всей округѣ ни куста, ни дерева. Заботливое *Гіонопо* око открываетъ наконецъ пещеру. Онъ беретъ

ретъ *Амансу* въ объятія, и относитъ въ оную; набираетъ поспѣшно тростнику и стараго моху для постели, укладываетъ свою возлюбленную на семъ бѣдномъ ложѣ, и повергается близъ оной. Взираютъ они другъ на друга вздыхая, и сосутъ изъ очей своихъ взаимное утѣшеніе для настоящаго и предбудущаго бѣдственнаго своего состоянія. О любовь, сладостная отрада всѣхъ страждущихъ смертныхъ, нѣжное упоеніе душъ соединенныхъ! . . . Но какая страшная перемѣна, какой быстрой переходъ въ судьбѣ обоихъ сихъ любовниковъ! бывъ наперсниками щастія, повержены съ престола, едва возмогши жизнь спасти, лишенны необходимостей въ жизни, и со всемъ тѣмъ участь ваша зависти достойна! Великолѣпный залъ во дворцѣ, украшенный Царскою пышностію, не имѣетъ прелестнаго для тебя, *Аманса*! предъ сею дикою пещерою. – Полусогнившій мохъ, на коемъ они покоются, служитъ для нихъ богатѣйшею постелею, и пахнетъ пріятнѣе жасминныхъ и розовыхъ благовоній. Въ таковомъ восторгѣ протекаютъ непримѣтно два часа; но природа требуетъ иной пищи. Кто можетъ оказать имъ въ томъ помощь? Въ необитаемомъ и изсохшемъ островѣ

нѣтъ ничего, служащаго къ утоленію глада, и раздраженная *Оберонопа* рука похитила сосудъ, могшій прохладить ихъ жажду!

Младой супругъ неутомимыми ногами всходитъ на высокія скалы горъ, осматриваетъ окрестности; но зритъ лишь ужасную смѣсь утесовъ и пропастей. Ни откуда не привлекаетъ алчныхъ взглядовъ его, никакая зелень цвѣтущихъ травъ, ни дерево, обремененное плодами! только терніе кой-гдѣ прикрываетъ обнаженные камни. И такъ, вопіетъ онъ, возвращусь я къ ней съ пустыми руками; къ ней, для которой жизнь мою единственно щиталъ сбереженія достойною! Я, единая ея подпора, я, съ каждымъ движеніемъ сердца ей надлежащій. . . . возможно ли, что я на одинъ только день могу быть ей полезенъ! узрю тебя, изнемогающую отъ глада предъ моими глазами; тебя, совершенную красоту, чудо Природы! тебя, единственно для меня повергшуюся въ сіе бѣдство, которая для меня оставила престолъ! величайшій жребій на свѣтѣ предопредѣленъ тебѣ былъ, доколь не повергласъ ты въ мои объятія; и тебѣ (продолжалъ онъ съ отчаяннымъ стенаніемъ)

ніемъ) не достаетъ того, чтобъ не умереть съ голоду! - Вопль его съ несказаннымъ страданіемъ разливался по пустынѣ; онъ упадаетъ, и лежитъ въ трепетномъ молчаніи. Наконецъ лучь вѣры касается его сердца; онъ слагаетъ съ себя мрачной покровъ печали, ободряется, и съ новою ревностію начинаетъ исканіе. Долго было оное безуспѣшно! уже Океянъ позлащался отъ приближающагося солнца. - Вдругъ, о восхищеніе! предстаетъ жаднымъ очамі его прекрасной плодъ. Онъ видитъ нѣчто, въ полъ закрытое листами, подобное дынямъ; пріятной запахъ и видъ его увѣряетъ въ томъ. Сколь награжденнымъ щитаетъ онъ себя за всѣ труды свои! онъ бѣжитъ, срываетъ оныя; блистающія очи его благодарятъ небо, и радость ускоряетъ бѣгъ его возвращающагося.

Аманса, проведшая три смертельно длинныхъ часа на пустомъ берегу, гдѣ все лишь ужасъ возбуждаетъ, гдѣ всякой звукъ угрожаетъ, и гдѣ самая тишина наводитъ страхъ; *Аманса*, находясь столь долго безъ того, кто все для ней составляетъ, занимаетъ себя, таская не пріобыкшею рукою морскую траву, тростникъ и мохъ въ пещеру, употре-

бляетъ

бляетъ остатокъ своихъ расточенныхъ силъ; но напослѣдокъ колѣна ея подламываются, уста запекаются, и она упадаетъ на пескѣ. Она упадаетъ, терзаемая гладомъ и жаждою, въ столь дикомъ мѣстѣ. Сколь ужасенъ ея жребій! Гдѣ *Гіонъ* замедлился? Не приключилось ли какого нещастія? Можетъ быть лютой звѣрь. . . . одно воображеніе о семъ удобно похитить остатки ея дыханія! Все возможное изъ ужаснѣйшаго представляютъ ей мысли въ живѣйшихъ красках. Тщетно старается она сражаться съ своимъ страхомъ; удареніе волнъ приводитъ ее въ трепетъ, возвѣщая нещастіе. Наконецъ, сколь ни изнеможенна, возводитъ она взоръ на вершину горы, всползаетъ на оную, оглядывается на всѣ стороны, и съ послѣднимъ лучемъ солнца зритъ возвращающагося любовника своего! и онъ видитъ ее, простирающую къ нему руки; онъ показываетъ ей издали найденные плоды. Прельстившія во младенчествѣ міра Праотцевъ нашихъ не казались онымъ столько прекрасны. Онъ приподнимаетъ ихъ, какъ бы торжествуя, къ верьху, и лучи заходящаго солнца освѣщаютъ пламеннымъ цвѣтомъ гладкую оныхъ кожу. *Аманса*

едва

едва вѣритъ обрадованнымъ глазамъ своимъ. И такъ небо сжалилось надъ нашею бѣдностію, кричитъ она, проливая слезы; но капли оныхъ не оставили еще прекраснаго своего жилища, какъ была она уже во объятіяхъ *Гіона*. Ослабшій ея голосъ и увядающія чувства понуждаютъ *Гіона* поспѣшить доведеніемъ ея въ пещеру; они садятся, и не имѣя другаго орудія, раздѣляютъ кинжаломъ красивый принесенный плодъ.

На семъ мѣстѣ, почтенный читатель! упадаетъ перо изъ руки моей. . . . Можешь ли ты еще, суровый Царь волшебниковъ! въ столь жалостномъ состояніи ругаться ихъ бѣдностію, и обманывать въ надеждѣ? Красивая наружность плода содержала согнившую и прогорьклую внутренность. . . . Поблѣднѣвъ и подобясь умирающимъ, зритъ обманувшаяся чета изчезающую свою надежду. Потокъ горестныхъ слезъ проливается изъ очей *Гіоновыхъ*; тѣхъ страшныхъ слезъ, кои изъ застывающей крови выжимаетъ отчаяніе при горящихъ глазахъ, судорожномъ сжиманіи устенъ и лютомъ дрожаніи щелкающихъ зубовъ. У спокойнѣйшей *Амансы* голосъ прерывается, очи померкаютъ, щеки увядаютъ, и изтре-

скавшіяся уста едва произносятЪ: оставь меня умереть! . . . МнѢ и умереть сЪ твоимЪ сердцемЪ сладостно; благодарю нашего гонителя, которой вЪ своемЪ свирѢпствѢ могЪ оставить мнѢ сіе утѢшеніе! – Изрекши, опускается на грудь его. ТакЪ нагибаетЪ сломленная вихремЪ лилія умирающій верьхЪ свой. Разстроенный ужасомЪ и любовію *ГіонЪ* бросается ей на помощь. АхЪ! хотя бы каплю воды только, правосудный Боже! кричитЪ онЪ, выбѢгая изЪ пещеры сЪ торопостію. . . . Я одинЪ всему виною! меня одного постигни гнѢвЪ твой! пусть будетЪ мнѢ вся окружающая Природа гробомЪ, отверстымЪ адомЪ, лишь ее пощади! приведи кЪ источнику вЪ темнотѢ мои ноги! Одна горсть воды можетЪ возвратить ее кЪ жизни!

ОнЪ шествуетЪ кЪ новому исканію, и клянется умереть сЪ голоду и жажды самЪ, естьли возвратится сЪ пустыми руками вЪ пещеру. ТотЪ, вопіетЪ онЪ рыдая, который младыхЪ птенцовЪ крикЪ внемлетЪ сЪ милосердіемЪ, можетЪ ли ненавидѢть лучшее свое твореніе? Конечно не допуститЪ ОнЪ погибнуть ее истомленіемЪ! – Едва изрекЪ онЪ то, журчаніе источника вблизи приносится вЪ

слухЪ

слухъ его. Въ восторгѣ благодаритъ онъ небо, и обыскивая въ темнотѣ, открываетъ ключь воды. Тотчасъ зачерпнувъ въ раковину, онъ возвращается и прохлаждаетъ почти безчувственную *Амансу*. Но чтобъ болѣе возстановить, относитъ онъ ее къ источнику. Была въ немъ только вода, . . . но умирающимъ устамъ представляется оная жизненнымъ духомъ, и вкуснѣйшимъ вина, млека и меду. Но въ самомъ дѣлѣ вода сія имѣла силу утолять гладъ, жажду, и приводить въ забвеніе всѣ скорби. Укрѣпясь и прохладясь, приносятъ они теплое моленіе къ избавившему ихъ вторично отъ смерти; они объемлются, и испивъ еще воды, сладкій сонъ, сей утѣшитель злощастныхъ, нечувствительно простираетъ ихъ на влажной муравѣ при источникѣ; они предаются пріятнѣйшему успокоенію.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Едва только утренній свѣтъ началъ озарять чело *Гіонопо*, встаетъ онъ и спѣ-

спѣшитъ для новыхъ поисковъ; отваживается прыгать чрезъ глубокія разсѣлины горъ; разсматриваетъ всякой уголокъ, и замѣчаетъ, чтобъ не потерять пути при возвращеніи къ *Амансѣ*. Онъ бродитъ по острову въ горести, видя оный необитаемымъ отъ звѣрей и человѣковъ. Шествуя отъ пещеры на полуднѣ, востокъ, приводитъ его изкривленная стезя въ малой заливъ и лѣсокъ, окружающій подошву горы: тамо находитъ онъ финиковое дерево, обремененное зрѣлыми плодами. Столь же быстро, какъ бы душа, вырвавшаяся изъ мученія чистилищнаго, возлетаетъ на небо, взлѣзаетъ онъ на дерево, щиплетъ плоды, наполняетъ карманы, сколько въ оные вмѣститься могло, сходитъ, и бѣжитъ быстрѣе серны, чтобъ обрадовать свою любезную *Амансу* при ея пробужденіи отъ сна. Онъ стоитъ восхищенный пріятнымъ разсматриваніемъ, подобно Сильфу надъ прекрасною пастушкою; разсматриваетъ наклонясь съ страстнымъ движеніемъ богинѣ подобный образъ, и открываетъ въ ономъ новыя прелести; онъ разсматриваетъ пренебрегшую изъ любви къ нему все счастіе, и пожертвовавшую для него всемъ, что есть на свѣтѣ священнаго и драгоцѣннаго.

„Лю-

„Любовь лишила тебя престола! мыслитъ онъ, и ахъ! для чего? Ты, воспитанная на мягкомъ лонѣ пышной Азіятской роскоши, лежишь на твердомъ камнѣ; вмѣсто богатаго балдахина постелю твою составляетъ кучка моху; предоставлена ты суровостямъ погоды, и радуешься еще, когда нѣсколько тернія служитъ тебѣ защитою, и когда дикіе плоды могутъ утолить твой голодъ! а я. . . . предопредѣленный отъ строгой судьбы въ несчастіе, заражатъ бѣдствіемъ все ко мнѣ приближающееся. . . вмѣсто того, чтобъ защищать тебя отъ напастей, самъ вовлекъ тебя въ таковую нищету! Вотъ чѣмъ награждаю я тебя за все, что ты мнѣ отдала, на что для меня отважилась? Я только несчастный все для тебя на свѣтѣ составляю; но что могу я сдѣлать? Мнѣ самому ничего не позволено, кромѣ сей бѣдственной жизни!„ — Таковыя болѣзненныя размышленія нечувствительно обращаются въ громкія восклицанія, и пробуждаютъ отъ сна прелестную *Амансу*.

Первый предметъ, представшій взорамъ ея, былъ *Гіонъ*, скрывающій глубокую печаль свою въ радостныхъ и упоенныхъ любовію взглядахъ, и сыплющій въ

колѣна ея плодъ финиковый. Голодная пища, съ зачерпнутою въ раковину водою, кажется имъ пиршествомъ боговъ. . . . Какъ? пиршествомъ боговъ? Такъ: не покоится ли голова ея на груди *Гіонопсй*? Не онъ ли нарвалъ сіи вкусные плоды? Не онъ ли себя сна лишалъ, и изъ любви къ ней лазилъ по стремнинамъ? Такъ уважаетъ все то любовь ея; она считаетъ еще, что весьма мало для него сдѣлала; и для разогнанія грусти, окружающей чело его, прекрасныя очи ея блистаютъ къ нему радостію. *Гіонъ* ощущаетъ, что онъ превозможенъ любовію и великодушіемъ нѣжнаго ея поведенія; онъ съ слезящими очами и пылающимъ отъ чувствительности лицемъ упадаетъ въ ея объятія. Не долженъ ли я (вопіетъ онъ) ненавидѣть самъ себя, не долженъ ли я проклинать созвѣздіе, сіявшее въ ту ночь, когда я родился, и проклинать день, освѣтившій меня на рукахъ моей родительницы? Видѣть тебя, о примѣръ твоего пола! моимъ преступленіемъ сверженну съ толикаго благоденствія, кое слѣдовало за тобою въ Вавилонѣ, и лишенну того счастія, кое уповалъ я составить тебѣ въ моемъ отечествѣ! зрѣть . . . тебя. . . въ таковой нищетѣ! и видѣть,

дѣть, что сносишь оную безъ роптанія! . . сего много! я не въ силахъ то выдержать! – *Аманса* устремляетъ къ нему взоръ, въ коемъ представляется ему разверстое небо: не допускай меня, *Гіонъ*, (говоритъ она) слышать изъ твоихъ любезныхъ устъ то, чего ненавидитъ душа моя! Не обвиняй себя и того, что послано на насъ не для казни, но для опыту! Любящій насъ отечески только испытываетъ тѣхъ, коихъ любитъ. Все случившееся съ нами съ начала нашей любви не есть ли тому доказательствомъ? Называй, какъ хочешь, причинителя нашей склонности, провидѣніе, судьбу или *Оберона*: довольно того, что мы другъ другу досталися чрезъ чудо! Какъ чуденъ нашъ союзъ, столькожъ чудна и жизнь наша: кто вывелъ насъ невредимыхъ изъ Вавилона? Кто сохранилъ насъ отъ потопленія? И когда мы столь неожидаемо избавились отъ смерти, кто промышлялъ объ насъ доселѣ, кромѣ невидимой силы, насъ защищающей? Изъ рукъ ея вода показалась мнѣ питательнымъ млекомъ, и возвратила меня къ жизни: равно и сія пища припасена для насъ тою же благодѣтельствующею рукою. Когда бы погибель наша была предопредѣлена,

 къ

къ чему бы все сіе совершалось? Мнѣ сказываетъ то мое сердце, я вѣрю, и чувствую, чему вѣрю; рука, ведущая насъ сквозь сію мрачность, не оставитъ насъ добычею бѣдствія. Когда и надежду мы утратимъ, останемся при семъ вѣрованіи, и минута одна можетъ все перемѣнить! Но положимъ, что случится самое худшее: пусть покровительствующая насъ рука отвратится, мы проживемъ безъ помощи нѣсколько лѣтъ, и твоя вѣрная *Аманса* получитъ гробъ свой на семъ берегу; но не раскается никогда въ томъ, что для тебя сдѣлала! И естьли вновь будетъ предстоять какой нибудь выборъ, радостно послѣдую я за тобою въ бѣдствія. Мнѣ ничего не стоитъ забыть то, что я имѣла; мое сердце и любовь твоя все замѣняютъ; и сколько бы ни низвергло меня щастіе, но останься лишь ты для меня, не позавидую тогда обладающимъ златомъ и порфирами. Одна только твоя горесть составляетъ *Амансино* страданіе; печальной взоръ, одинъ вздохъ твой составляетъ напасть мою. Не упоминай о томъ, что я для тебя оставила, что для тебя сдѣлала! Я учинила то, что повелѣвало мнѣ мое сердце, и сдѣлала для самой себя; десяти-

краш-

кратная смерть легче для меня, чѣмъ жизнь безъ тебя. Участь нашу сносить способствуетъ мнѣ любовь твоя ко мнѣ, и моя къ тебѣ; сколь ни тяжка бы оная была, вотъ. . . рука моя, что я снесу оную съ радостiю. Съ каждымъ восхожденiемъ и закатомъ солнца труды мои съ твоими соединятся: руки мои сильны; они не утомятся, помогая тебѣ во всѣхъ работахъ; любовь, ихъ поощряющая, умножитъ ихъ крѣпость, и совершитъ съ бодростiю самую низкую работу. Доколь могу я служить тебѣ утѣшенiемъ, составлять твое щастiе, не промѣняю жребiй мой ни съ чемъ. - Такъ говорила сiя рѣдкая женщина, и запечатлѣла слова свои поцѣлуемъ цѣломудренныхъ устъ въ губы своего возлюбленнаго. Съ совершенiемъ сего поцѣлуя превращаются окрестъ *Гiона* каменныя горы, пустыня представляется ему раемъ, разточаются врознь виды нищеты; берегъ кажется ему усыпаннымъ жемчугомъ, а пещера позлащеннымъ чертогомъ. *Гiонъ* ощущаетъ себя новою бодростiю укрѣпленна. Съ упояющею чистѣйшею любовiю прижимаетъ онъ свое сердце къ груди ея, призываетъ море и землю, и тебя, всевидящее солнце! во свидѣтельство своей клятвы: „ Я клянусь,

 гово-

говоритъ онъ, клянусь на сей груди, священномъ семъ алтарѣ невинности и вѣрности, да погибну я, естьли престану обожать сіе сердце! Когда сіе сердце, гдѣ пламенными чертами изображено твое имя, измѣнитъ добродѣтели, и забудетъ твою цѣну; естьли во все время насланнаго на насъ искушенія будетъ мучить тебя малодушіемъ, или обезчеститъ робостію; когда упуститъ для тебя, дражайшая супруга! подвергаться крайнѣйшимъ страданіямъ: тогда солнце вооружи на меня молніи, а море и земля откажите мнѣ на себѣ прибѣжище." – Онъ изрекъ сіе, и награждается отъ прекрасной супруги новымъ поцѣлуемъ. Они радуются взаимно о любви своей, и утверждаются въ вознамѣреніи, чему бы Господь судебъ ни подвергалъ ихъ добродѣтель, сносить безъ унынія съ желѣзнымъ терпѣніемъ, и слѣпо предаваться на власть всемогущаго милосердія, отъ коего столь много разъ получали защиту.

Оба они шествуютъ въ тотъ же день къ заливу, гдѣ найдено финиковое дерево, и находятъ еще нѣсколько таковыхъ же древесъ, обремененныхъ плодами. Обрадованная чета предается дѣтскому восторгу, и малымъ тѣмъ сокровищемъ

ща-

щитаетъ себя безмѣрно обогащенныхъ; въ сладостныхъ забавахъ и веселомъ прогуливаніи въ пальмовой долинѣ протекаютъ непримѣтно дни ихъ. Однакожъ наконецъ запасъ сей изшелъ; другому году, шествующему свинцовыми ногами, слѣдовало оный возобновить; но, ахъ! каждый день требовалъ онаго вновь. Любовь въ бѣдности при маломъ можетъ щитать себя щастливою, когдабъ только была необходимая пища для продолженія жизни; но естьли и того недостаетъ, тогда разрушается и сильнѣйшее очарованіе чувствъ. Они принуждены были нѣсколько дней питаться кореньями, кои только голодъ учиняетъ съѣдомыми. Почасту утомленный исканіями супругъ возвращался къ ночи въ пещеру съ горстью ягодъ, или съ яйцомъ чайки птицы, полученнымъ на крутой каменной скалѣ, либо съ половино - пожранною рыбою, отнятою у скопы; всю таковую бѣдную добычь дѣлитъ онъ съ своею *Амансою*. Но не одна сія нищета ихъ утѣсняетъ: денно и ночно чувствуютъ они недостатокъ въ тысячѣ мѣлочахъ, о коихъ и въ голову не входитъ, когда оныя есть, но безъ нихъ оказывается ихъ важность. Сверьхъ того одѣтыя столь на легкую руку, какъ

можно было сносить имъ дождь, бури, вѣтры и суровости погодъ, также перенесть зимнюю стужу? Уже въ поздное время лѣта древеса обнажаются отъ своего укращенія, уже холодные вѣтры играютъ, свисця сквозь засохшіе листы ихъ, и сѣрые туманы лищаютъ лучи солнечные дѣйствія, мѣшаютъ море съ воздухомъ, и волны морскія жесточѣе шумятъ, ударяясь о брега, ярость оныхъ возноситъ пѣну ихъ на верьхи утесовъ горныхъ. Нужда изгоняетъ чету нашихъ любовниковъ изъ тихаго залива въ горы. Однако куда они ни обращаются, всюду окружаетъ образъ безплодія и глада, и оставляетъ бѣгство ихъ. Къ тому присовокупляется обстоятельство, наполняющее чувства ихъ въ семъ бѣдномъ состояніи то радостію, то ужасомъ . . . *Аманса* уже три мѣсяцаноситъ залогъ любви *Гіонопой* подъ своимъ сердцемъ. Почасту стоящая предъ своимъ супругомъ, прижимаетъ она молча руку его къ груди своей, и при усмѣшкѣ очи ея наполняются слезами. Новый нѣжнѣйшій союзъ сплетается между ими. Она ощущаетъ спокойное трепетаніе новой склонности, разпространяющей ея утробу; нѣчто горячнѣйшее въ темномъ предчувствованіи роди-

родительской склонности воспламеняетъ, проницаетъ и освящаетъ любовь ея. Сей сладостный залогъ любви служитъ имъ увѣреніемъ того, что не будутъ они оставлены тѣмъ, который все созидаемое въ своемъ великомъ царствѣ такъ какъ отецъ любитъ: *Аманса* охотно сноситъ отягощенія сего необычнаго ей состоянія, скрываетъ оныя рачительно отъ *Гіоновыхъ* взоровъ, не показываетъ ему своей скорби, но только надежду въ ясныхъ очахъ своихъ, и питаетъ въ груди своей довѣренность.

Хотя *Гіонъ* не позабылъ важной клятвы, которою обязался предъ небомъ и *Амансою*; но тѣмъ тяжелѣе угнѣтало лежащее на немъ бремя, и забота усугубляла его должность. Но могъ ли кинжалъ жесточае пронзать сердце его, нежели жалкое сіе позорище? Естьли въ краткомъ времени не предстанетъ уповаемая помощь, надлежитъ ему съ супругою и младенцемъ погибнуть. Чрезъ нѣсколько недѣль не пропускалъ онъ дня, въ который бы разъ до двадцати не выходилъ онъ смотрѣть на море, отъ коего ожидалъ послѣдняго утѣшенія! Но тщетно взоры его пробѣгають по пространству Океянову: не видно на ономъ ни малаго

судна;

судна; солнце восходило, солнце уклонялось, но море пусто было повсегда. Одно еще осталось для *Гіона*, хотя казалось и невозможнымъ; но что можетъ быть не возможно для сражающагося со всемъ за любезную? Хотя бы каждой волосъ на головѣ его обратился въ смерть, и тогда бы не погасло его мужество. Одна сторона тѣхъ горъ, на кои изгналъ ихъ *Оберонъ*, была ему совсѣмъ не извѣстна. Страшная смѣсь невосходимыхъ утесовъ и развалинъ горныхъ заграждала ему оную. Но днесь, когда уже нужда утѣсняла душу его, являются ему оныя пологими холмами; но пусть былибъ то утесы Алпійскіе, любовь имѣетъ крылья. Онъ уповаетъ, что можетъ быть успѣетъ въ семъ отважномъ покушеніи, и преодолѣвъ сію дикую преграду естества, достигнетъ къ подобнымъ себѣ сострадательнымъ существамъ. Открываетъ онъ объ отлучкѣ таковой *Амандѣ*, но таитъ отъ ней опасности, коимъ подвергается для взаимнаго ихъ спасенія. Она сама скрываетъ печаль о томъ; и разставаясь, не сказано между ими опричь слова: прости! Столько стѣсненны были сердца ихъ; а очи *Гіоны* являли ей надежду въ успѣхъ, прорывающуюся подобно

добно лучу солнечному сквозь мракъ ихъ печали.

И такъ *Гіонъ* стоитъ уже при подошвѣ того горнаго полисада. Развалины горъ являются ему, подобны огорѣвшимъ частямъ міра во всеобщемъ хаосѣ, въ кои превратилась разрушившаяся огнемъ дыхавшая гора. Смѣсь оскалившихся крутыхъ скалъ и пропастей представляетъ страшное позорище то мрачной вѣчной ночи, то высотъ, касающихся облаковъ. Одно только отчаяніе пролагаетъ путь чрезъ оныя: иногда надлежитъ карабкаться руками, иногда прыгать чрезъ неизмѣримыя пропасти; но *Гіонъ* подобно козерогу простираетъ путь по невосходимостямъ. Иногда сузившіяся ущелія заграждаютъ ему путь, и онъ при всей усталости принужденъ назадъ возвратиться; иногда спасаетъ его одинъ только кустъ, за который хватаясь, удерживается отъ паденія, какъ бы съ стѣны. Когда силы его совсѣмъ хотятъ его оставить, тогда *Амансинъ* образъ созываетъ разлетѣвшіеся жизненные духи. Съ тяжкимъ дыханіемъ онъ останoвляется, помышляетъ объ ней, и находитъ себя ободренна новою крѣпостію. Не остается однако безъ награжденія истинно геройское его сердце:

ходъ

ходъ непримѣтно становится ровнѣе подъ его шагами, и остатокъ въ сравненіи совершеннаго уже ничего не значитъ. Возшедши на первую высоту горы, появляется предъ нимъ подобно храминѣ, окруженной высокими стѣнами, и накрытой вмѣсто свода вершинами древнихъ сосенъ, долина. Ужасъ объемлетъ утомленнаго странственника при вступленіи въ сіе мрачное святилище уединенія; ему кажется, что входитъ онъ въ царство тѣней. Вскорѣ приводитъ его изгибающаяся стезя къ узкому мосточку. Подъ глубиною онаго упадаетъ съ стремнины бѣлѣющійся отъ пѣны потокъ. *Гіонъ* неустрашимо спускается съ горы на мостъ, и непримѣтно зритъ себя какъ бы заперта въ горахъ, не находя выходу. Стезя, по которой онъ шелъ, какъ бы чрезъ волшебство, пропадаетъ въ глазахъ его. Стѣсненный безмолвнымъ ужасомъ, бродитъ онъ, искавъ оную, и наконецъ находитъ сквозь кусты въ разсѣлинѣ отверстіе; но путь изъ онаго идетъ по узкой и весьма скользкой дорожкѣ, почти висящей надъ пропастью, болѣе нежели на сто шаговъ длиною. Едва совершилъ онъ по ней послѣдній шагъ, представляется райское мѣсто глазамъ его, и стоящій

щій предъ нимъ мужъ важнаго и благороднаго виду, съ длинною бѣлою бородою, и сребровидными волосами на головѣ. Широкій поясъ смыкаетъ темное платье его; по сему виду не трудно было узнать, кто таковъ онъ былъ. Но *Гіонъ*, ослабѣвшій отъ глада и утомленія, не видѣвшій въ сихъ дикихъ горахъ столь давно человѣческаго вида, а теперь посреди пустыни и густыхъ древесъ, наклонявшихъ съ горъ верьхи свои, нечаянно встрѣтивъ съ нимъ, впадаетъ въ пріятный страхъ; онъ чаетъ видѣть мечту, и упадаетъ на землю. Пустынникъ, не меньше изумленный отступаетъ назадъ, но скоро ободрясь, вѣщаетъ къ нему: естьли можно еще надѣяться, какъ заключаю я по твоему виду, избавленія отъ мукъ твоихъ, то скажи мнѣ, страждущая душа! что могу я для тебя сдѣлать, какое могу учинить за тебя покаяніе, дабы отверзлись для тебя врата вѣчнаго покоя?

Столь блѣденъ и изнуренъ, каковъ казался *Гіонъ* при окружающей видъ его печали, легко могъ привести въ ошибку, въ каковую впалъ пустынникъ. Но когда они прилѣжнѣе другъ друга разсмотрѣли, и когда старикъ узналъ отъ *Гіона* о

 при-

приведшей сюда его причинѣ, объемлетъ его какъ сына, и съ чистосердіемъ приводитъ въ свою келью, но прежде къ чистому источнику, близь оной изъ горы текущему. Между тѣмъ, какъ *Гіонъ* отдыхаетъ и утоляетъ свою жажду, спѣшитъ онъ въ маленькой свой садъ, набираетъ лучшихъ овощей, кои въ награжденіе трудовъ его изобильно низпосылало ему небо. Предлагая оныя *Гіону*, оказываетъ онъ свое удивленіе, какъ можно было, не имѣвъ крылъ, перебраться чрезъ тѣ горы, въ коихъ онъ уже тритцать лѣтъ обитаетъ столькожъ уединенно, какъ бы въ гробѣ. Явной то знакъ, продолжаетъ онъ, что васъ хранитъ Ангелъ; но должно намъ помыслить о томъ, какъ бы младой супругѣ вашей подать помощь. Свободная стезя, не всякому примѣтная, можетъ насъ въ половину времени, сколько употребили вы онаго на достиженіе сюда, къ ней довести, и возвратно. Что имѣетъ моя хижина, мой маленькой рай для васъ полезнаго, съ радостію отъ меня предлагается. Повѣрьте мнѣ, что успокоеніе для невинности и на терніи сладостно, а кровь чище возобновляется отъ одной капусты и бобовъ.

Гіонъ

Тіонъ благодаритъ пустынника, пріемлющаго въ руку жезлъ свой для показанія дороги, и чтобъ не сбились съ оной при возвращеніи, идучи замѣчаетъ онъ путь сосновыми свѣжими вѣточками. Златое солнце не погрузилось еще въ Западное море, какъ достигли они со вздыхающею *Амансою* обратно въ жилище пустынниково. Она чаетъ себя быть преселенну въ очарованную страну волшебницъ; ни небо столь чистымъ, ни земля съ древами покрыта таковою свѣжею зеленью нигдѣ ей не казались. Ибо тутъ въ защитѣ высокихъ горъ, окружающихъ веселое сіе мѣсто, предлагала осень на зло сѣвернымъ вѣтрамъ спѣющіе фиги и апельсины. Съ подобострастіемъ, равно какъ предъ духомъ хранителемъ священнаго мѣста, упадаетъ *Аманса* предъ пустынникомъ, и съ почтеніемъ лобзаетъ его сморщившуюся съ дружескимъ привѣтствіемъ простертую руку. Неожидаемымъ наклоненіемъ сердце ея вмѣняетъ его за отца. Страхъ ея, родившійся при первомъ взглядѣ, изчезаетъ, и она начинаетъ обходиться съ нимъ какъ бы со знакомымъ съ начала жизни. Видъ его имѣлъ врожденное достоинство, котораго не могутъ сокры-

вать и самыя рубищи; чистосердечный взоръ являлъ въ немъ друга всѣхъ существъ, и что оный, не смотря на согбенную лѣтами твердость хребта своего, привыкъ смотрѣть на небо; внутренній миръ покоился на зѣницахъ его, и подобно горѣ, возвышающейся надъ облаками, чистое чело его возносилося надъ суетою и страстями земными. Естьли бы валилась къ нему корона, и слѣдовало бы лишь схватить оную для полученія, онъ не простеръ бы руки своей. Обуздатель желаній, не колеблемый страхомъ ни горестями, отверзалъ онъ просвѣщенную душу свою токмо къ истиннѣ, токмо къ природѣ, и совершенно оной сообразовался. — *Алфонзо* назывался онъ, произведенъ щастіемъ для всѣхъ житейскихъ благъ, и былъ уроженецъ королевства Леонскаго. Воспитанъ при дворѣ, шествовалъ онъ съ тысячью прочихъ, бывъ обманутъ блескомъ, за слѣпотою, его окружавшею, за тѣмъ обманчивымъ привидѣніемъ, кое изчезаетъ при осязаніи, безпрестанно требуетъ новой жертвы, и водитъ ложною надеждою смертныхъ какъ глупцовъ. Проведши лучшее время жизни своей въ службѣ Королевской, и расточивъ имѣніе и кровь

свою

свою съ пламенною ревностію и вѣрностію, никогда не замѣченною, усмотрѣлъ онъ себя посреди лучшаго (по мнѣнію его) состоянія своей фортуны, нечаянно освобожденна отъ оныхъ оковъ незаслуженнымъ паденіемъ; онъ счелъ еще довольно себя щастливымъ, что при семъ кораблеразбитіи спасъ жизнь свою. Во время той бури, все у него похитившей, осталось еще у него сокровище, коимъ уповалъ онъ себя награжденна быть за всю трату; остались ему еще вѣрная супруга, другъ и хижина. Онъ просилъ небо только о сохраненіи сихъ, и спокойное его сердце иныхъ моленій не производило. На десять лѣтъ дано ему было то, чего онъ требовалъ; но участь его опредѣляла ему и то пережить. Три сына, составлявшіе подобіе его прошедшихъ лѣтъ и надежду въ старости, въ цвѣтущей молодости похищены были повѣтріемъ; а печаль вскорѣ за оными повергла въ гробъ и родительницу ихъ. Онъ живъ остался! и никто не оплакивалъ его; ибо и единый другъ его оставилъ. Онъ находился въ свѣтѣ одинъ какъ бы въ гробѣ, его окружающемъ. Онъ стоялъ одинъ подобенъ дереву, обнаженному отъ листвія жестокимъ вихремъ, и

 источ-

источники радостей его изсякли. Могла ли ему не ужасною казаться оставщаяся хижина, въ коей бывалъ онъ щастливъ? Что былъ для него свѣтъ? токмо обширная пустота, въ которой играющему щастію свободно было вертѣть колесо свое; за чемъ было медлить въ ономъ? Остальная подпора его подломилась, нечего было ему искать, опричь гроба. Онъ убѣжалъ въ необитаемой островъ, убѣжалъ съ расточенными чувствами въ горы, и нащелъ въ оныхъ болѣе, нежели искалъ, сначала спокойство, а съ теченіемъ времени удовольствіе. Престарѣлый служитель, нехотѣвшій съ нимъ разстаться, составлялъ одну вѣрную душу, оставшуюся ему въ нещастіи; оный последовалъ за нимъ, и обиталъ съ нимъ въ горной пещерѣ. Непримѣтно сердце его вознеслось надъ мрачными волнами грусти; трезвость, тишина, чистой воздухъ, освѣжили кровь его, освободили отъ мрака его чувства, и оживили крѣпость; онъ ощущилъ, что отъ вѣчнаго источника жизни проліялся бальсамъ на его раны. Не рѣдко очаровывающій видъ солнца вдругъ извлекалъ его изъ пропасти унынія. Нашедши наконецъ сіе райское мѣстечко, огражденное стѣнами горъ

и

и лѣсомъ, и насажденное всѣми потребностями, какъ бы нарочно для него рукою благодѣющаго духа, нашелъ онъ себя совсѣмъ освобожденна отъ печалей; проснулся онъ какъ бы изъ страшнаго бреда горячки къ свѣту вѣчнаго дня. Здѣсь, воскликнулъ онъ къ своему другу, восхищенный красотою мѣста: здѣсь построимъ мы себѣ хижину! Оная была состроена, и въ теченіи времени разпространено въ ней изобиліе, потребное для премудраго старца, который меньше желаетъ, нежели нужно. *Алфонзо*, предпріимая свое удаленіе, запасся вещами и орудіями, нужными въ пустынножительствѣ; а прочее всякому предлагаетъ природа. Такъ проживалъ онъ въ трудахъ и наслажденіи поздные дни осени своея жизни, обработывалъ садъ свой, источникъ бѣднаго своего изобилія. Бывъ забвенъ отъ свѣта, и возпоминая о прошедшихъ бѣдствіяхъ, какъ бы о игрѣ своего дѣтства, одушевлялъ онъ часы свои здоровьемъ, невинностію, спокойствомъ и чистымъ познаніемъ самаго себя. По осьмнатцати лѣтахъ умеръ добродѣтельной его спутникъ; онъ остался одинъ. Но тѣмъ тверже устремился спокойный духъ его для будущаго вѣка; ибо въономъ оби-

шали уже всѣ возлюбленные его, и самъ онъ надлежалъ больше къ оному, нежели къ здѣшнему свѣту. Не рѣдко посреди тихихъ нощей, когда тѣло, лишаясь внѣшнихъ чувствъ, какъ бы въ прежнее свое ничтожество превращается, ощущалъ онъ на лицѣ своемъ нѣкое безплотное прикосновеніе. Слыхалъ онъ также, преклоняясь въ дремоту, съ радостнымъ ужасомъ согласіе небеснаго пѣнія, изъ лѣсовъ во ухо его проливающееся: тогда казалась ему разрушающеюся тонкая преграда, отдѣляющая его отъ особъ возлюбленныхъ, внутреннія его разверзались, и священный пламень пылалъ изъ груди его; а душа его въ чистѣйшемъ свѣтѣ невидимаго міра зрѣла небесныя видѣнія: оныя продолжались еще и во время настающаго по томъ сна. И когда солнце восходомъ своимъ открывало вновь зрѣлище естества, прежнее согласіе въ слухѣ его еще продолжалось. Блистаніе небесной любви освѣщало предъ нимъ насквозь горы и лѣсъ, и всюду во всѣхъ тваряхъ зрѣлъ онъ образъ Несозданнаго, равно какъ въ капляхъ росы видъ солнца. Тако непримѣтнымъ образомъ сліялись въ душѣ его во едино небо и земля. Внутренность его возбудилась. Въ сей долинѣ,

уда-

удаленной отъ шуму страстей; въ сей священной нощи, его окружающей, возбудилась чистѣйшая изъ всѣхъ мыслей. . . . Но. . . . какая невидимая рука печатлѣетъ дерзскія уста мои, дабы не излетѣло изъ оныхъ ненарицаемое? Я онѣмѣвъ остановляюсь на краю сей бездны. — Таковъ былъ сей старецъ, предъ коимъ съ дѣтскою склонностію поверглась *Аманса*. Однако и онъ, столь издавна отвыкшій видѣть то, къ чему сердце въ тайнѣ влечется. . . . образъ человѣческій! . . . утѣшается воззрѣніемъ неожиданнаго и трогающаго сердце вида, и родительски пожимаетъ руку кроткой сей дщери, объемлетъ вторично новаго своего сына, и безмолвно возноситъ благодареніе къ пославшему ему оныхъ. Не мѣшкавъ вводитъ ихъ въ свое покоище, къ своему источнику, въ сѣнь своего сада, покрытаго овощами и багряными виноградными гроздами, и учиняетъ ихъ властителями всего своего имѣнія. Естество, вѣщаетъ онъ, требуетъ гораздо меньше, нежели мы чаемъ; кого малое не удовлетворяетъ, того не насытитъ никакое богатство; вамъ во все время, опредѣленное для вашего опыта, не будетъ недостатка ни въ чемъ, желанія достой-

 номъ.

номъ. Онъ изрекъ сіе для того, что первый на *Гіона* взоръ открылъ ему, о чемъ онъ умолчитъ, а самъ не вопроситъ у него; для того, не смотря на то, что хотя бѣдность много увядила цвѣтъ лица ихъ, но видъ и образъ мыслей открылъ ему, что они когда не отъ Королевской врови произходятъ, такъ навѣрно имѣютъ въ себѣ достоинство, у коего самовластіе щастія ничѣмъ похитить не можетъ внутренней врожденной доброты.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Уже троекратно перемѣнялъ день свой осенній свѣтъ, какъ *Гіона* и *Амансу* убѣжище *Алфонзопо* въ себѣ водворяло; оба они не могутъ истребить родившагося въ нихъ мнѣнія, что пустынникъ, столь дружественно ихъ пріемшій, не есть настоящій старикъ, но духъ хранитель, и можетъ быть самъ *Оберонъ*, оставившій ихъ, но по томъ сочетшій, что они уже довольно наказаны, возна-

мѣ-

мѣрился возвратить ихъ къ щастїю. Однако мало по малу изчезаетъ сїе заблужденїе, и съ онымъ умираетъ питаемая ими надежда; и сердца ихъ прилѣпляются къ сердцу смертнаго. Сердце добраго пустынника было столь кротко, столь нѣжно въ сострадании, и внутренность онаго такъ чиста, что не могли они и на недѣлю скрывать отъ него свою тайну. *Гїонъ*, бывъ стѣсненъ благодарностїю и довѣренностїю, хотя *Алфонзо* и не вопрощалъ его, открываетъ ему смѣло о своемъ имени, природѣ, и обо всемъ, что случилось съ нимъ до днесь со дня, въ который при Монтлери убилъ онъ Императорскаго сына: какимъ возложенїемъ искалъ *Карлъ* подвергнуть его смерти, и какъ удачно съ помощїю *Оберономою* онъ исполнилъ то; какъ во сновидѣнїи началась любовь его, соединившая съ первымъ взглядомъ его съ *Рецїею*; какъ ушелъ онъ изъ Вавилона, и о заповѣди, возложенной на него его безсмертнымъ другомъ, и какъ по нарушенїи оной въ любовномъ восторгѣ вся природа на нихъ вооружилась, и щедроты ихъ покровителя обратились въ мщенїе.

Благо, рекъ старикъ: благо сносящему участь свою съ великодушїемъ, и ко-

коего малѣйшіе проступки не оставляются безъ строгаго наказанія! Благо ему! ибо безъ сомнѣнія чистѣйшія блага земныя его ожидаютъ. На сердца, подобныя вашимъ, *Оберонъ* не можетъ гнѣваться вѣчно. Повѣрь мнѣ, чадо мое! око его невидимо слѣдуетъ за тобою; заслужи милость его, то оная возобновится! — Но чѣмъ заслужу я оную? Какою жертвою умирю гнѣвъ его? вопрошаетъ *Гіонъ* стремительно старца: я готовъ ко всему, сколь ни тяжко бы оное было; что могу я сдѣлать? — Добровольно удержаться, отвѣтствовалъ *Алфонзо*: въ чемъ ты погрѣшилъ, въ томъ и воздержися. — Младой любовникъ блѣднѣетъ. Я разумѣю тебя, продолжаетъ старикъ, нѣсколько застыдившись: но я знаю, отъ кого сего требую. — Благородное познаніе самаго себя объемлетъ *Гіона*. „Вотъ рука моя!„ . . . Больше не сказано ни слова. И благо тому, кто болѣе, нежели послѣ ста недѣль, можетъ увѣрять самъ себя, что онъ не нарушилъ своего обѣта! Побѣда, пріобрѣтенная *Гіономъ*, была прекраснѣйшая. Однакожъ не рѣдкобъ принужденъ былъ онъ предъ старикомъ краснѣться, естьли бы твердость *Амансы* его не подкрѣпляла.

Ни-

Ничто такъ не содержитъ чувства въ мірѣ съ должностію (увѣрялъ его пустынникъ), какъ рачительное утомленіе оныхъ трудами; ничто не побуждаетъ оныхъ столько къ поползновенію, какъ праздномысліе. Для предупрежденія сего отъ нынѣ съ началомъ дня да берется въ руки острый топоръ для рубки въ лѣсу древъ до самаго вечера. Потребно еще состроить хижину для *Амансы*, стѣны и потолокъ въ оной хорошенько умазать глиною съ мохомъ; по томъ сдѣлать каминъ, которой бы пылалъ безпрестанно; а для очага запасти довольно мѣлко исколотыхъ сосновыхъ дровъ въ костры. Сіе доставитъ моему Князю довольно работы; но за то по ночамъ будетъ онъ спать покойнѣе, хотя сначала не удастся ему по желанію взмахивать такъ топоромъ, какъ бы мечемъ браннымъ. Непривыкшей рукѣ все кажется тяжко, и не сдѣлаетъ ни въ полы противъ работника; но навычка со дня на день дѣлаетъ мастеромъ. А естьли когда станетъ онъ ослабѣвать, да помыслитъ, что трудъ сей для *Амансы*: тогда жизненные духи его возпламенятся новымъ огнемъ.

Между тѣмъ, какъ *Гіонъ* трудится въ лѣсу по предписанію, самъ старикъ не оставлялъ работы, и бывъ осмидесяти лѣтъ, носилъ твердыми шагами тяжкія бремена; но рѣдко удалялся отъ своей хижины. Не проходило яснаго дня, въ которой бы не упражненъ онъ былъ чѣмъ нибудь въ саду своемъ. Должность же *Амансы* составляло попеченіе въ приуготовленіи кушанья. Тогда видима была (о Ангельское подобіе!) Царская дщерь съ яснымъ лицемъ, на коемъ токмо легкія заботы какъ облака плавали, занимающаяся низкою должностію во управленіи малаго сего хозяйства. Чего не знавала она, не токмо чтобъ дѣлала, перенимаетъ то съ великимъ проворствомъ и успѣхомъ! Не рѣдко является она, безъ малѣйшаго прискорбія, съ обнаженными и покрытыми мозольми прекрасными своими руками, моющая бѣлье въ корытѣ близь дверей. Удовольствіе (ея сладчайшая мзда) оказывать помощь старику, какъ отцу, и любезному супругу, возвышаетъ дѣйствіе низкаго ея упражненія. Святой пустынникъ возвращаясь съ работы, видитъ то, и благословляетъ ее: колико радость ея тогда становится чище, и чувствительнѣе трократно

почте-

почтенія, Оказыванняго ей въ Вавилонѣ! Когда же при свѣтѣ звѣздномъ въ ночи соединялись они у очага въ поварнѣ, и когда на прелестномъ *Амансиномъ* лицѣ, въ половину только освѣщаемомъ, преломленія огня отливались: тогда восхищенные взоры младаго супруга съ кротостію покоились на ономъ; душа его разпространялась, и пріятныя слезы катились внизъ по тусклымъ щекамъ его. Вожделѣнія остаются въ молчаніи! Она является ему небеснымъ существомъ, предстающимъ для утѣшенія. – Онъ довольно щастливъ и тѣмъ, что позволено ему любить ее, и въ каждой чертѣ, во всякомъ цѣломудренномъ взорѣ читать, что онъ любимъ взаимно! По часту являются они сидящи вмѣстѣ, добродѣтельный старецъ въ срединѣ; *Аманса* по правую, а *Гіонъ* по лѣвую сторону, и слушаютъ цѣлыя ночи на пролетѣ повѣствованія отрывковъ изъ долговременнаго теченія жизни *Алфонзопой*. Старикъ оживляется напоминаніемъ; а горячія младыя души, входя во участіе, поощряются къ равномѣрному, и тогда непримѣтно изъ двухъ повѣстей выходятъ три. Иногда для изгнанія духа унынія, когда луга покоятся въ глухой тишинѣ подъ снѣжными

ми облаками, оказываетъ *Гіонъ* искусство свое на арфѣ, кою нечаянно нашелъ стоящую въ углу давно безъ употребленія, разстроенну и едваль съ половиною струнъ; но дребезжащее дерево представляетъ себя оживляема душею самаго Орфея, когда присоединится къ тому пѣніе *Амансы*. Не рѣдко въ ясные зимніе дни, когда отъ жестокой стужи море вдали покрывается парами, а ослѣпляющій бѣлизною снѣгъ лежитъ густыми грядами на горахъ, и вечернее солнце покрываетъ оные багряницею: тогда привлекаетъ ихъ чудно прекрасный блескъ измыватся въ чистыхъ струяхъ холоднаго воздуха. Сколь сильно ощущаютъ они себя послѣ того укрѣпленныхъ! Сколько совсѣмъ прочищенныхъ, вновь оживленныхъ, и освобожденныхъ отъ всѣхъ скорбей!

Таковымъ образомъ нечувствительно протекло зимнее время. Земля, пробуждаясь изъ своего долгаго сна, одѣвается вновь свѣтлою зеленью; лѣсъ не является уже больше опустѣвшими развалинами, вмѣсто торчащихъ столбовъ представляетъ онъ великолѣпную лиственную наслонь съ высокими тѣнистыми переходами храма естества, и листъ къ листку

листку сжимается въ пріятномъ соединеніи. Нѣдра природы покрываются цвѣтами, развертываясь улыбаются сады и луга; по воздуху разливается пѣніе птицъ; горы стоятъ увѣнчанны; текущіе хрустали опять начинаютъ катить чистыя жемчужины къ свѣжему моху; отъ часу густѣющія рощицы при мѣсячномъ свѣтѣ прорываетъ чрезъ всѣ тихія ночи пѣснь соловья.

Аманса, коея предопредѣленное время отъ часу приближается, охотно ищетъ уединенія, избираетъ тѣнистыя и тихія стези въ рощахъ подъ сплетшимися вѣтвями. Тамъ почасту опирается она, стѣсняемая предчувствованіями, на цвѣтущее дерево, и радуясь сотканію и дѣйствованію всеобщей жизни въ своихъ нѣдрахъ, въ мысленномъ веселіи прижимаетъ какъ бы къ груди своей драгоцѣнный свой плодъ. Любезной младенецъ, коего матерняя нѣжность расточительно одарила всѣми прелестьми, предусматриваетъ оныя изъ каждой развивающейся въ немъ нѣжной склонности, услаждается уже заранѣе первою его усмѣшкою, и награждается за всѣ понесенныя для него скорби. Она утѣшается всѣми прекрасными чертами лица, въ коихъ сово-

куплено подобіе его родителя и ея собственное. Но вдругъ сіи нѣжныя воображенія утѣсняются робостію и тайною печалію, кою желаетъ скрывать и отъ *Гіона*, но едва скрыть можетъ. О *Фатима*! помышляетъ она не рѣдко съ наполненными слезъ глазами: естьлибъ была ты теперь со мною, какую оказала бы ты мнѣ помощь! – Утѣшься, о *Аманса*! судьба, тобою управляющая, давно уже предуготовила тебѣ помощь. *Титанія*, Царица волшебницъ, съ самаго того дня, когда легкомысліе нечаянно лишило ее сердца *Оберонова*, удалилась въ самыя сіи горы. Обще съ ея супругомъ, отрекшимся отъ нее клятвою, кою ни одинъ безплотный во всемъ безпредѣльномъ пространствѣ небеснаго лазореваго своду нарушить не можетъ, изчезло ея щастіе. Поздно уже начала она оплакивать безразсудный проступокъ одного мгновенія ока; она чувствовала со стыдомъ важность своего проступка, тяжкую измѣну, кою противъ него и самой себя учинила. Тщетно сражалась гордость ея противу сильнѣйшей нѣжности. Увы! она летѣла бы наконецъ свѣта повергнуться къ ногамъ его, и омыть слезами раскаянія свою погрѣш-

ность. Но какая могла быть помощь? Онъ заклялся не встрѣчаться съ нею ни въ водѣ, ни въ воздухѣ, ни тамъ, гдѣ въ цвѣтущихъ рощицахъ вѣтви кропятъ ароматный дождь, ни гдѣ худощавые грифы посреди вѣчной нощи хранятъ волшебныя сокровищи! Безплодно и самъ онъ напослѣдокъ пришелъ въ раскаяніе. Клятва, имъ совершенная, вѣчныя налагала на него узы. Удовлетворить оной всѣ врата были затворены; и чего уповать было возможно отъ единыхъ, къ тому оставшихся? Разлукѣ долженствовало быть вѣчной. Однако чета любовниковъ, коей подобной еще не бывало и не будетъ, отверзетъ для васъ врата тѣ. Отъ слабыхъ чадъ Адамовыхъ ожидать вѣрности. . . кою не поколебалъ бы никакой ударъ вихря; той вѣрности, кою никакой опытъ не ослабитъ, никакая прелесть омрачить не можетъ. . . . не удобно! . . . безнадежный взоръ ихъ, омытый слезами, понуряется въ отдаленной темнотѣ нечаемаго жребія. . . ничто не въ состояніи уменьшить ихъ бѣдствіе! Ненавистны уже имъ стали волшебныя забавы, плясанія при мѣсячномъ свѣтѣ, ненавистенъ и Май въ своемъ розовомъ одѣяніи; никакой миртовый вѣнецъ не

покрываетъ больше чела ихъ; зрѣлище каждой радости лишь разверзаетъ ихъ язвы. Она носится подобно вихрю въ безпредѣльной пустотѣ воздуха, не находя нигдѣ покоя, и съ горестнымъ взоромъ избираетъ мѣста, приличныя ихъ печали. Наконецъ въ пространномъ Океанѣ представляется ей сей островъ. Громады черныхъ чудовищныхъ развалинъ привлекаютъ своею мрачностію къ себѣ полетъ ея. Мѣсто согласуется съ ея мыслями. Она спускается съ воздуха, и повергается въ мрачную пропасть, дабы плакать въ оной безъ помѣхи, и подъ камнями горными, естьли можно будетъ, самой окаменѣть.

Уже седмидесятикратно обновлялась земля со времени, какъ *Титанія* провождала тутъ плачевную жизнь свою. Она лежала на камнѣ, подобно какъ на жертвенникѣ, во ожиданіи смерти. Дни настаютъ и изчезаютъ; щедрое солнце очаровательнымъ своимъ блескомъ освѣщаетъ горы вокругъ ея; все тщетно. Естьли бы и всѣ источники любви вдругъ на нее проліялись, сердце ея осталось бы любви не причастно. Единое, что вѣчную грусть ея услаждало тѣнію надежды, было помышленіе, что супругъ ея можетъ быть сво-

своимъ состояніемъ ей уподобляется, и может быть еще жесточѣе страждетъ. Конечно! онъ любилъ ее, и въ разсужденіи сей любви, каково должно быть его мученіе, когда самъ онъ осудилъ себя на таковое страданіе! Оное было столь несносно, что она простила бы ему за собственную въ томъ участь. Но какъ для всякой душевной раны, сколь бы ни глубока была оная, время есть великой утѣшитель: то насталъ напослѣдокъ часъ для *Титаніи*, въ который ея омраченныя чувства лишились темноты своей. Сердце ея начало страдать терпѣливѣе, и воображенія ея подобно веснѣ облеклись зеленью; она допускаетъ къ себѣ лестную надежду, и невозможности являются ужъ ей какъ утреннее сновидѣніе. Вдругъ дикая пропасть, служившая ей прежде пріятнымъ убѣжищемъ, становится ей скучною; она повелѣваетъ части горныхъ разсѣлинъ изчезнуть предъ очами ея, и цвѣтущему раю занять оныхъ мѣсто. По кроткому ея восклицанію предстаютъ къ ней три служащія ей возлюбленныя Сильфиды; сіи три сестры, разгоняющія скорби, и посвящающія себя оставленнымъ больше изъ любви, чѣмъ по должности. Райское мѣстечко, устроенное

ное Царицею волшебницъ въ сей пустынѣ, было самое то убѣжище, въ которомъ *Алфонзо* препроводилъ уже тритцать лѣтъ; но не извѣстенъ ему былъ гротъ, въ коемъ сама она царствовала, и откуда къ нему ночные вѣтры приносили пріятное Ангельскому гласу подобное пѣніе; сама-то *Титанія* проходила чрезъ него, когда ощущалъ онъ безплотное прикосновеніе къ лицу своему. Рано и чета нашихъ любовниковъ со дня, какъ волны выбросили ихъ на островъ, была сею замѣчена, и ежедневно рано и поздно сею навѣщаема. Не рѣдко присутствовала она съ ними невидимо, когда они щитали себя уединенныхъ, дабы короче узнать ихъ свойства. Видимое и слышимое сею принудило ее уповать, что можетъ быть сія-то чета есть ожидаемая отъ ней съ *Оберономъ*. Чѣмъ далѣе замѣчала она ихъ поведенія, тѣмъ больше утверждалась ея надежда. Когда *Гіонъ* съ *Амандою* не были тѣ вѣрныя и твердыя въ опытахъ души, каковыхъ требовалъ *Оберонъ*, то надлежало ей на вѣки съ нимъ разлучиться. Съ того времени хранила она ихъ, какъ зѣницу ока, и вознамѣрилась съ своими подчиненными волшебницами невидимо споспѣшествовать мла-

дой роженицѣ. Часъ сей насталъ. *Аманса*, непонятною ей робостію водимая, бродила въ рощѣ, окружающей хижину пріятною смѣсью утреннихъ благоуханій. Она шествуетъ по кривизнамъ узкой стези, и нечувствительно обрѣтаетъ себя въ гротѣ, закрываемомъ сплетеніемъ вьющихся травъ, сквозь кои проницали лучи восходящаго солнца. — *Алфонзо* не рѣдко безъ успѣха покушался войти въ оный; то же случалось и съ *Гіономъ*, когда оный испытывалъ удовлетворить своему любопытству. Они ничего не видали, и ощущали лишь странное сопротивленіе, какъ бы невидимая дверь сопротивлялась ихъ усилію. Чудный трепетъ нападалъ тогда на нихъ, и принуждая удаляться, пресѣкалъ желаніе къ повторенію удачи. Неизвѣстно, не испытывалаль сама *Аманса* того же; довольно того, что она не могла противиться желанію побывать въ ономъ первой; она слабою рукою своею приподняла сплетеніе травъ, и вошла въ гротъ.

Едва очутилась она тамъ, тайной трепетъ объемлетъ ее; она упадаетъ на мягкое ложе изъ розъ и моху: тогда ощущаетъ она скоропостижно другъ за другомъ проходящій рѣзкій боль въ ко-

стяхъ и сотрясеніе въ мозгу. Пріятное утомленіе послѣдуетъ оному. Предъ очами ея появляется какъ бы лунное сіяніе, премѣняющееся съ мракомъ, и спокойно теряясь въ самой себѣ, она засыпаетъ.

Тогда возбуждаются въ ея внутренности пріятно смѣшивающіеся виды, либо пролетающіе мимо ее, либо сливающіеся во едино. Она паетъ видѣть трехъ Ангеловъ предъ колѣнами своими, совершающихъ сокровенное таинство, и женщину, облеченную въ розовое сіяніе, стоящую близь себя, которая во время прерывающагося ея дыханія, подноситъ къ ея устамъ пучокъ розовыхъ цвѣтовъ. Въ послѣдній разъ стѣсняетъ крѣпко біющееся сердце ея краткая и тихо отпускающаяся боль; призраки изчезаютъ, и сама она лишается памяти. Но вскорѣ пробуждается отъ звона сладостнаго издали слуху ея касающагося пѣнія, она раскрываетъ очи, не видитъ прежнихъ трехъ, но только Царицу волшебницъ съ своимъ розовымъ сіяніемъ, съ кроткою улыбкою предъ нею стоящую. На рукахъ ея лежалъ новорожденный младенецъ. Она вручаетъ его *Амансѣ*, и подобно легкому вѣтерку улетаетъ изъ ея виду; одинъ только розовой запахъ на долго послѣ нее оста-

остается. Вдругъ *Аманса* пробуждается отъ своей дремоты, и простираетъ руки, желая коснуться полы богинина розоваго одѣянія; но тщетно! Она хватаетъ воздухъ, и зритъ себя одну. Проходитъ еще мгновеніе ока, и сколь неизреченно велико ея изумленіе, ея восторгъ! Едва вѣритъ она своему осязанію, едва вѣритъ своимъ взорамъ! Она находитъ себя разрѣшенну отъ бремени, и на колѣнахъ ея лежитъ колеблющійся младенецъ, прекрасный сынъ, бодрый, какъ утренняя заря, и прелестный, какъ самая любовь! Она ощущаетъ, что сердце ея стремится къ нему съ нѣжнымъ трепетаніемъ. Она чувствуетъ, что это сынъ ея! Орошенная слезами внутренняго веселія прижимаетъ она его къ своимъ щекамъ, къ устамъ, къ груди, и не можетъ насытить своего зрѣнія. Равно и младенецъ является разумѣющимъ родительницу свою, соотвѣтствуетъ наслажденію любви ея! Видимо то изъ блистанія большихъ очей его, и маленькія губы его кажутся простирающимися на встрѣчу ея лобзанію. Она внемлетъ безмолвное требованіе - сколь внятно оное матернему сердцу! - и слѣдуетъ оному безъ науки. Съ веселіемъ, коему бы позави-

довали съ горьнихъ взирающіе Ангели, естьли бы только способны были оные къ зависти, прилагаетъ она къ сосцамъ милаго младенца. Врожденное побужденіе управляетъ ею и предаетъ ее полному изліянію радостей нѣжнаго ея сердца.

Между тѣмъ *Гіонъ* въ продолженія двухъ исполненныхъ ужасу часовъ ищетъ ее всюду по рощѣ, и нигдѣ не видя, приводится робкими шагами къ гроту. Онъ приближается къ сему непроницаемому входу; ничто его не удерживаетъ, онъ входитъ. . . . Какая минута! онъ зритъ добродѣтельную супругу, держащую у грудей божка любви, углубленну, поглощенну въ ея щастіи.

О вы, коимъ природа при входѣ въ жизнь сію дала чувствительное сердце и чистыя мысли, сію превосходную замѣну всякаго прочаго щастія, сіе негибнущее сокровище, котораго не можно купить за все злато богатаго Аурензеба, сей лучшій даръ въ здѣшнемъ свѣтѣ, и споспѣдующій за вами въ будущую лучшую жизнь! . . . взгляните и зрите! — священный занавѣсъ опускается!

ОБѢ-

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ

Время уже обратиться къ *Фатимѣ*, которую оставили мы съ самаго того времени, когда *Аманса* съ *Гіономъ* бросились въ море, неутѣшну, денно и ночно оплакивающу судьбу своей Государыни и свою собственную. Но тщетенъ плачь и вопль ея; оный разносится вѣтромъ, и съ онымъ весь покой ея жизни. Какой долженствовало быть ея участи, оставшейся одной въ караблѣ среди разпутныхъ матросовъ, пренебрегающихъ ея горесть, и дерзскими очами, съ пьянства пламенѣющими, уже пожиравшими сію добычу? По щастію сжалилась надъ сею беззащитною красавицею нечаянная буря, которая въ послѣдующую ночь взволновала опять море. Пинку начало носить, замчало въ неизвѣстное море; страхъ, всѣхъ объявщій, не допускалъ оною управлять, и по седьми днямъ жестокаго штурма Капитанъ усмотрѣлъ себя прибившаго къ Тунискимъ берегамъ. Оный возхотѣлъ неблаговременно учинившійся случай употребить въ свою поль-

зу

зу, и заключилъ продашь *Фатиму* вмѣсто невольницы.

Фатима, едваль видѣвшая тридцать пять разъ Май, перемѣняющій свою цвѣтущую одежду, была изъ числа тѣхъ долго неувядающихъ лицъ, коихъ пламенные взоры и нѣкоторыя черты замѣняютъ утрату блестящей юности. Садовникъ Тунискаго Бея пришелъ нечаянно на площадь, гдѣ продавали ее за сорокъ султанинъ. Она показалась ему достойна разсмотрѣнія; онъ подступилъ, оглядѣлъ, и счелъ оную за сокровище. Не призвалъ онъ на совѣтъ свою сѣдую голову, и щиталъ, что въ его Гулистанѣ не достаетъ только таковой женщины. Золото отсчтено, и *Фатима* принуждена подвергнуться тому, чего перемѣнить не была въ состояніи.

Между тѣмъ вѣрной *Шеразминъ* съ благопоспѣшнымъ вѣтромъ совершалъ повелѣнной путь. Едва достигнувъ Масильской пристани, сѣлъ онъ на коня, и поспѣшалъ къ Императору въ Парижъ такъ рачительно, какъ бы жизнь его отъ того зависѣла. Онъ находился уже на ближнихъ горахъ къ оному, и видѣлъ сей городъ, освѣщаемой сіяніемъ утренней зари, какъ вдругъ объяло голову его сомнѣніе.

„ Стой!

„ Стой! сказалъ ему духъ его, и не понуждая коня впередъ, одумайся, чадо мое! о томъ, что ты дѣлаешь? Еще въ Аскалонѣ надлежало бы разсудить о семъ твоей буйной головушкѣ, хотя не допускалъ къ тому жестокій вѣтръ, надувшій *Гіонопы* парусы. Однако говоря съ тобою откровенно, можно сказать, что ты былъ тогда не догадливъ; между нами молвить, въ посольствѣ твоемъ нѣтъ разума. Императоръ, какъ извѣстно, къ намъ недоброжелательный, конечно чрезмѣрно раздраженъ будетъ. Пропала тогда и драгоцѣнная коробочка! ибо горсть козей шерсти, и зубы чортъ знаетъ изъ какихъ челюстей, конечно мало произведутъ впечатлѣнія въ Его Величествѣ. Иное дѣло, когда бы самъ *Гіонъ* съ пристойнымъ числомъ конныхъ спутниковъ вошелъ, ведя за руку дочь Калифову, и самъ бы началъ говорить рѣчь съ потребными для Рыцаря, Князя и Пера Французскаго гримасами, а коробочку бы поднесъ на бархатной съ золотыми кистьми подушкѣ, вотъ то бы былъ порядокъ! Тогда бы великолѣпной уборъ, торжественной входъ Калифовой дочери, выступающей съ боку гордаго ея супруга; словомъ, каждое обстоятельство по-

помогало бы дѣлу итти своимъ чередомъ: *Карлу* нечего бы говорить было. Увидѣлъ бы онъ все своими глазами, что Рыцарь сдержалъ свое слово, и въ правѣ его отказать ему не можно. Все, другъ мой *Шеразминъ*! пойдетъ на выворотъ, когда ты не умнѣе поступишь тебя пославшаго. . . . Изрядно! чтожъ дѣлать? – Всего лучше поворотить скорѣе пяты къ Парижу, и пока дѣло не пошло въ огласку, убираться съ коробочкою въ Римъ, куда безъ сомнѣнія и Государь твой уже прибылъ." Такъ вѣщалъ *Шеразмину* доброй духъ его. И когда по долгимъ размышленіямъ не нашелъ онъ чѣмъ бы то опровергнуть, поворотился къ Парижу спиною, и погналъ коня своего по пути къ Риму. Переѣхалъ Алпійскія горы, достигъ, и пошелъ прямо въ Латеранъ. Но безплодно вопрошалъ онъ о господинѣ своемъ у стрегущаго ворота швейцара; тщетно вывѣдывалъ у всѣхъ, никто ни слова не зналъ о Рыцарѣ *Гіонѣ*. Онъ понапрасну обѣгалъ въ Римѣ всѣ домы, церкви и постоялые дворы, и увидѣлъ, что всѣ труды его суетны. Шесть чрезмѣрно долгихъ недѣль провелъ онъ, льстя себя обманчивою надеждою, не давая себѣ и другимъ ни на часъ покою,

на-

навѣдываясь о прибытіи ожидаемыхъ имъ особъ, и напослѣдокъ заклялся, во что бы ни стало, искать по свѣту Рыцаря своего въ одеждѣ пилигримской. Но нечего и дѣлать ему было! деньги у него всѣ изошли; а выломить изъ коробочки камень (подарокъ *Оберонов*, имѣющій потому стократную цѣну въ очахъ *Гіоновыхъ*), казалось ему труднѣе, нежели дать содрать съ себя кожу! отъ пилигримовъ же не требуютъ нигдѣ ни золота, ни серебра; они платятъ за все молитвами.

Таковымъ образомъ слишкомъ два года бродилъ по міру вѣрной и неутомимой старикъ, проходя свѣтъ вдоль и поперегъ, и навѣдываясь во всѣхъ морскихъ пристаняхъ о своихъ господахъ. Наконецъ участь его и таинственное побужденіе привели его въ Тунисъ къ дверямъ престарѣлаго Беева садовника. Онъ сѣлъ при оныхъ на каменной лавкѣ для отдохновенія въ тѣни по долгомъ странствованіи и пощеніи; невольница вынесла ему кусокъ хлѣба и вина. Она разсматривала изумленнымъ окомъ старика въ темноцвѣтномъ пилигримскомъ плащѣ, равно и онъ ее, и наконецъ познавъ другъ друга, съ радостнымъ и съ ужасомъ смѣшаннымъ восклицаніемъ бросились съ

объ-

объятіями. – Ты ли это, *Фатима*! говорилъ *Шеразминъ*, касаясь орошеннаго слезами лица ея: возможно ли! давно уже *Шеразминъ* утратилъ надежду. . . Возможно ли, что свидѣлись мы въ Тунисѣ! Какой вѣтръ занесъ тебя во страну язычниковъ? И гдѣ *Гіонъ* съ *Амансою*? – Ахъ, *Шеразминъ*! воскликнула *Фатима*, и рыданіе пресѣкло слова ея. . . они. . . о нещастная!. . не вопрошай больше! – Что хочешь ты сказать, вскричалъ онъ. . . Защити Воже! что сдѣлалось съ ними? Говори!. . . . Ахъ, *Шеразминъ*! они. . . Больше не могла она продолжать; хладѣющая кровь стѣснила грудь ея. – Они? Что они? . . . О Боже! сказалъ *Шеразминъ*, и плакалъ какъ робенокъ, державъ *Фатиму* во объятіяхъ. . . въ своемъ цвѣтущемъ вѣкѣ! Жестокая судьба! я не предчувствовалъ добраго! *Фатима*. . . . Увы! опытъ былъ тяжекъ!

Когда она собрала силы къ разсказанію плачевной повѣсти, описала ему подробно случившееся съ ними со времени его отъѣзду, какъ въ страшную ту ночь при свѣтѣ блистающихъ молній *Аманса* съ возлюбленнымъ своимъ схватясь повергласъ въ свирѣпствующее море. По томъ сидѣли они съ часъ времени, не

мот-

могши довольно наплакаться и произнести жалобъ о участи вѣрной четы любовниковъ. Не увижу уже я подобной женщины! повторяла нѣсколько разъ *Фатима*. Ни я, говорилъ *Шеразминъ*, столь равнаго сей супруга! Наконецъ по троекратномъ повторенiи приключившагося пролiялся среди ихъ нѣкiй лучь надежды, что можетъ быть они спаслися, и они ихъ еще увидятъ. Чѣмъ больше они разсуждали, тѣмъ больше казалось имъ, что *Оберонъ* не вѣчно ихъ оставилъ; ибо изъ всего, учиненнаго отъ него, явно было нѣкоторое тайное его объ нихъ намѣренiе. Въ таковой слабо свѣтящей надеждѣ заключилъ *Шеразминъ* никогда отъ *Фатимы* не разлучаться, и ожидать развязки чудной судьбы сей въ Тунисѣ. Съ помощiю ея премѣнилъ онъ пилигримскiя одежды и жезлъ на платье невольника и заступъ, и началъ служить изъ найму въ садахъ Беевыхъ.

Между тѣмъ, какъ *Фатима* и бодрый *Шеразминъ*, воздѣлывая цвѣтники, орошали оные не рѣдко слезами, напоминая о возлюбленныхъ господахъ своихъ, *Гiонъ* не безъ огорченiя зритъ уже третью весну въ пустынѣ, въ которую изгнала искушающая его судьбина. Геройское его

сердце не можетъ забыть притяженія своего къ свѣтской жизни. Маленькій *Гіонетъ*, прекраснѣйшая смѣсь матернихъ прелестей и родительской крѣпости, конечно предопредѣленъ былъ къ иной участи, нежели рубить дрова въ пустынѣ, умножалъ грусть его. Равно и тебя, прекрасная *Аманса*! почасту зрѣлъ твой Ангелъ, провождающу въ слезахъ безпокойныя ночи. Глубоко впечатлѣно въ васъ было чувствованіе, что въ лучшемъ цвѣтѣ дней вашихъ разлука для васъ не естественна; вы ощущали силу къ благороднѣйшему дѣйствію, и что теряется великое намѣреніе безпредѣльной милости, равно какъ бы въ безпредѣльномъ кругѣ! – Тщетно стараетесь вы скрывать слезы свои отъ престарѣлаго пустынника; притворное веселіе его не обманываетъ: онъ читаетъ ясно ваши души. И хотя для него здѣшній свѣтъ уже ничего не значилъ, но онъ поставляетъ себя на ваше мѣсто, чувствуетъ, что вы утратили, что вамъ надлежало, къ чему вы рождены... Чувствуетъ вашею грудью, и щитаетъ праведными слезы, кои вы изъ любви къ нему скрываете, не укоряетъ васъ за невольное побужденіе, и только ободряетъ въ надеждѣ, пока судьба ваша восприиметъ оборотъ.

Въ

Въ нѣкоторый вечеръ, когда по совершеніи дневныхъ трудовъ всѣ они на дерновой скамьѣ сидѣли, а *Аманса* держала на колѣнахъ своего сына, и услаждались зрѣніемъ на блестящее звѣздами небо, погрузились они съ таинственнымъ ужасомъ въ сіе море чудесъ, и приносили спокойную благодарность Создавшему ихъ съ способностію на оное взирать. Тогда добродѣтельный старикъ началъ съ множайшею предъ обыкновеннымъ чувствительностію говорить о сей временной жизни какъ о сновидѣніи, и о переходѣ въ настоящее бытіе. — Казалось, что дыханіе воздуха превыспренняго ліялося къ нему и возносило его непримѣтно къ горнимъ во время разговора. *Аманса* сіе ощущаетъ; очи ея наполняются слезъ, видя его почти изчезающа. Ко мнѣ простираютъ уже руки (продолжалъ онъ) съ того берега. . . теченіе мое скоро кончится; а ваше едва только начинается. Много еще предстоитъ вамъ печалей, и много великихъ радостей (кои почасту бываютъ только подкрѣпленіемъ къ новымъ горестямъ) между тѣмъ, какъ вы непримѣтно ближитесь къ своему предопредѣленію. Все проходитъ, обращается въ сонъ, и ничто за нами не спослѣдству-

ствуетъ, опричь неоцѣненнаго сокровища, собираемаго въ наше сердце, какъ то истинны, любви, внутренняго мира, и памятованія о томъ, что ни радости, ни скорби не совратили насъ отъ должности. Онъ говорилъ еще о многомъ; и при отходѣ ихъ ко сну прижалъ ихъ, какъ казалось имъ, горячѣе къ своему сердцу, и скорымъ удаленіемъ скрылъ появившіяся слезы.

Въ самую же ту ночь *Титанія*, приведенная въ трепетъ мрачнымъ предчувствованіемъ будущаго, возводитъ взоры свои на небо. . . . и всѣ розы спадаютъ съ ланитъ ея при чтеніи и созерцаніи видимаго. Она приглашаетъ возлюбленныхъ подругъ своихъ взглянуть на произходящее въ то мгновеніе ока, и какъ обремененныя нещастіемъ черты *Амансина* созвѣздія сближаются. Облеченная густою тѣнью летитъ она быстро къ ложу, гдѣ между пальмовыхъ древесъ опочивала дочь Калифова съ своимъ маленькимъ сыномъ, и была почасту пробуждаема грозящими сновидѣніями. *Титанія* касается груди ея своею розовою вѣточкою, изгоняетъ тѣмъ безпокойство, и похищаетъ ея младенца. Она возвращается съ прекрасною своею до-

добычею, и говоритъ своимъ Грацїямъ: вы видѣли жестокую участь, предстоящую *Амансѣ*; спѣшите, спасайте младенца сего въ прелестныхъ моихъ сѣняхъ, и воспитывайте его, какъ собственнаго моего сына. По томъ вынула она изъ вѣнца, окружающаго чело ея, три розовыхъ шипка, одѣлила оными добродѣтельныхъ дѣвъ сихъ, и рекла: поспѣшайте, уже разсвѣтаетъ! Исполняйте повелѣнное и ежечасно глядайте на ваши розы. Когда всѣ оныя обратятся въ лилїи, разумѣйте изъ того, что я, съ *Оберономъ* примирясь, вновь соединилась: явитесь тогда ко мнѣ съ *Амансинымъ* сыномъ; ибо съ моимъ нещастїемъ и ваша бѣдность прекратится. Нимфы отдаютъ поклонъ и на облакѣ удаляются съ юнымъ *Гїонетомъ*.

Едва настало утро, *Аманса* съ робостнымъ безпокойствомъ ищетъ своего друга, имѣвшаго жилище свое въ горной пещерѣ во отдаленїи отъ хижины *Алфонзопой*. Она столь торопится, что (чего не случалось со времени, какъ стала матерью) забываетъ о своемъ сынѣ, и мнитъ, что оный еще опочиваетъ. Она находитъ супруга своего, ходящаго въ саду, и съ нимъ спѣшитъ, имѣя равную

 за-

заботу, въ хижину престарѣлаго пустынника. Сколь возстрепетали сердца ихъ въ приближеніи къ его ложу! Онъ лежитъ бездыханенъ, сложивъ руки къ груди своей, лице его блѣдно; но всѣ черты онаго величественны, чисты и не являютъ ни малой скорби. - Онъ только спитъ, говоритъ *Аманса*, и прилагаетъ легкимъ прикосновеніемъ руку свою къ рукѣ его, и ощутивъ оную оледенѣвшею, равно и во всемъ ни малаго знака жизни, упадаетъ въ горести на тѣло его; потокъ слезъ проливается изъ очей ея и орошаетъ лице усопшаго. Ахъ, отецъ нашъ! ты оставилъ насъ! вопіетъ она. Встаетъ по томъ, и упадаетъ на грудь *Гіону*. Оба они повергаются при хладныхъ останкахъ жилища безпорочной души, и угождаютъ болѣзненному удовольствію проливать слезы; намѣреваются отойти, отдаютъ послѣднее цѣлованіе, и остаются какъ бы очарованы неподвижно. Казалось имъ, что видятъ они на лицѣ его разсвѣтаніе новой жизни и лучи небеснаго сіянія, сплетающіеся на челѣ его, и премѣняющіе земное вещество въ духовное тѣло, а около безмолвныхъ устенъ какъ бы замыкающее послѣднее благословеніе, и вѣчную едва примѣтную

усмѣ-

усмѣшку. Не чувствуешь ли и ты со мною (говорилъ *Ігонъ* въ восхищеніи *Амансѣ*, взглянувъ къ верьху), что лучь изъ будущаго свѣта проливается въ твою душу? Не понятно еще мнѣ до нынѣ было превосходство естества человѣческаго! Непостижимо еще, что сія временная жизнь только путь есть сквозь мрачную пещеру въ царство свѣта. Не ощущалъ я еще никогда въ груди моей таковой твердости къ добрымъ дѣйствіямъ, ни таковой силы ко всякой жертвѣ, ко всякому сраженію, и бодрствія къ выдержанію всякихъ опытовъ! Снесемъ, возлюбленная! что многія печали на насъ еще вооружаются. . . онѣ приближаютъ насъ къ предопредѣленію! Да ничто не приведетъ насъ въ уныніе, ничто да не истребитъ въ насъ сей вѣры! Такъ говорилъ онъ, удаляясь съ нею отъ сего священнаго мѣста. – И судьба постигаетъ ихъ при изреченіи послѣдняго слова.

Едва вышли они изъ хижины и возвели свои взоры – Боже! какой видъ бросается въ глаза ихъ! въ какой странной міръ они преселяются! Все изчезло, нѣтъ уже раю подобнаго мѣстечка, нѣтъ рощицъ, ни цвѣтущихъ лужковъ, и ни малаго слѣду изъ всего прежде бывшаго.

 Они

Они остановляются какъ окаменѣлые на краю пропасти, окруженны страшными навислостями горныхъ обрывовъ, и не видятъ ни травки на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ садъ ихъ. Уничтожились пріятные лѣсочки, и мрачныя обители соловьевъ! Не осталось, кромѣ ужасной смѣси обнаженныхъ скалъ, пустыни, черноты и безобразія! Къ каковому новому плачевному позорищу пріуготовляетъ ихъ сіе страшное явленіе? Увы! вопіютъ они, возводя отягченные слезами и скорбію взоры, къ гробу святаго старца: „Для него только украшались горы сіи весною; для него насажденъ былъ рай сей; для него только мы онымъ наслаждались; и судьба съ природою вновь начинаютъ гнать насъ, лишь онъ скончался! Я укрѣпилась, говорила *Аманса*, удерживая вздохъ, стремящійся изъ груди ея. Нещастная! день, навлекшій всѣ таковыя бѣдствія, не оказалъ еще тебѣ ужаснѣйшаго! Она поспѣшаетъ къ сыну, о коемъ мнитъ, что оставила его спокойно спящаго; надежда сія ее питаетъ. Не можетъ быть инаго, разсуждаетъ она: премѣна въ естествѣ не можетъ коснуться до его невинности, онъ спитъ гдѣ нибудь на камнѣ, утомившись отъ бѣганья. —

Снова

Снова объискивается вся пустыня, не оставляется ни одной разсѣлины, ни одного уголка безъ обозрѣнія соколиными взорами. Безпокойство выводятъ ихъ (хотя и неожидаемо, чтобъ можно было тамъ его найти) до берега морскаго, гдѣ между грудъ набросаннаго песку и морскихъ изверженій они теряютъ другъ друга изъ виду. Вдругъ поражаетъ *Амансино* ухо необычайной звукъ: ей кажется, что слышитъ она человѣческіе голоса; но какъ оные опять умолкли, мнитъ она, что слухъ ея обманутъ шумомъ упадающаго съ горнаго утесу воднаго потока. Ей не воображается о великой опасности, всѣ помышленія ея заняты заботою о сынѣ; но лишь выходитъ она на холмъ, близь водопада находящійся, съ ужасомъ зритъ себя окруженну толпою черножелтыхъ людей и въ заливѣ стоящую на якорѣ галеру. Варвары сіи пристали къ берегу для забранія свѣжей воды, и упражнялись еще въ томъ, какъ увидѣли выбѣжавшую предъ нихъ женщину, созданную единымъ взоромъ посрамлять всѣхъ на свѣтѣ красавицъ. Изумленіе, при видѣ въ таковой пустынѣ богинѣ подобной женщины, учинило ихъ неподвижныхъ. Взоръ красоты

 умяг-

умягчаетъ впрочемъ суровыя души, и самыхъ тигровъ повергаетъ къ ногамъ своимъ; но сіи были безчувственны. Хищническіе ихъ нравы изчисляютъ лишь цѣну добычи, и съ хладнокровіемъ вмѣняютъ оную за торговую корысть. Вотъ, кричитъ атаманъ разбойниковъ: вотъ за одинъ разъ готовы десять тысячь султаниновъ. Ловите ее, робята! такое лице у насъ въ Тунисѣ стоитъ дороже двадцати богатыхъ тюковъ. Бей нашъ, какъ вамъ извѣстно, охотникъ до таковыхъ птичекъ; а эта дикая превосходитъ всѣ прелести, заключенныя въ его Гаремѣ: сама *Алманзарисъ*, наша Султанша, не годится къ ней въ служанки. Какъ возпылаетъ нашъ Государь! Случай не могъ оказать намъ лучшей услуги.

Между тѣмъ, какъ атаманъ говорилъ къ своимъ разбойникамъ, *Аманса* стояла и въ краткія минуты избирала, что ей предпріять. „ Естьли люди сіи непріятели, бѣгство спасти меня не можетъ въ таковой отъ нихъ близости: можетъ быть прозьбы и убѣжденія умягчатъ ихъ. Пойду къ нимъ, начну говорить съ ними съ довѣренностію, какъ съ друзьями, какъ съ избавителями, посланными къ намъ небомъ; можетъ быть по

щаз

щастію для насъ они сюда пристали.„ Такъ мысля, шествуетъ она смѣло къ Корсарамъ; но сіи были глухи для кроткихъ прозьбъ ея. Нарѣчіе, убѣждающее всѣ сердца, не трогало желѣзныхъ и безчеловѣчныхъ душъ. Атаманъ даетъ знакъ. Ее окружаютъ, берутъ, и спѣшатъ унести на корабль. Жалостный вопль ея, разлившійся по каменнымъ горамъ, достигаетъ до возтрепетавшаго *Гіона*; онъ бѣжитъ чрезъ всѣ стремнины на помощь къ ней. Увидѣвъ же состояніе ея, хватаетъ первый суковатый колъ, ему попавшійся, и нападаетъ на варваровъ подобно громовой стрѣлѣ, вырвавшейся изъ облака. Видъ возлюбленной его, вырывающейся изъ кровожаждущихъ лапъ сихъ хищниковъ, наполняетъ его яростію льва, и дубина разкаляется въ горящихъ рукахъ его. Удары падаютъ подобно граду на головы и плеча разбойниковъ съ опровергающею тяжестію. Онъ является выше смертнаго; изъ очей его сыплютъ искры огненныя, и семь Арановъ упало предъ ногами его. Изумленіе и стыдъ, соединенный съ досадою, видѣть себя однимъ человѣкомъ лишаемыхъ добычи, подстрѣкаетъ ихъ. Всѣ они бросаются на *Гіона*; но онъ, презирая то, обороняется и нападаетъ,

даетъ, пока въ стѣсненіи дубина вырывается изъ рукъ его; множество превозмогаетъ, и повергаетъ его на землю. *Аманса*, считающая его убитымъ, испускаетъ вопль, и упадаетъ въ обморокъ. Ее относятъ на галеру, между тѣмъ, какъ оставшіеся на берегу нападаютъ съ кипящимъ мщеніемъ на лежащаго *Іона*. Дать ему скорую смерть, кажется имъ слабымъ возмездіемъ! Нѣтъ, кричитъ атаманъ: пусть онъ останется живъ, чтобъ умереть томною смертію. Потомъ влекутъ они его далеко отъ берега въ густоту лѣса, чтобъ крикъ его не могъ быть слышанъ съ моря, и привязываютъ веревками за руки, за ноги, за шею и поперегъ, къ дереву. Нещастной взираетъ только на небо, онѣмѣвъ отъ своего бѣдствія; а варвары съ радостными восклицаніями отплываютъ въ Тунисъ съ своею добычею.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Уже день преклоняется, и сожалительная ночь плачевно простираетъ свое мрачное оболченіе вокругъ острова, гдѣ изъ глубокой тишины никакое утро не возбуждалось пѣніемъ; одинъ оставленный всѣми, что для него любезно, сноситъ терпѣливно ужаснѣйшій опытъ. *Титанія*, окруженная облакомъ, слышитъ изъ глубины лѣсу томныя его воздыханія, видитъ нещастнаго, гибнущаго въ безмолвномъ отчаяніи, оплакиваетъ его и удаляется; ибо тщетно сострадаетъ ему ея сердце. Желѣзная судьба отторгаетъ ее, желающую приближиться. Она удаляется, и обозрѣвая въ послѣдніе свой возлюбленный берегъ, зритъ очарованное кольцо, валяющееся на пескѣ. *Аманса* сронила оное съ пальца при сопротивленіи разбойникамъ. Царица волшебницъ, схвативъ оное, познаетъ талисманъ, предъ коимъ всѣ духи трепещутъ. Вскорѣ, вопіетъ она, мѣра судьбы исполнится! Вскорѣ участь примиритъ меня съ возлюбленнымъ! Сіе кольцо сочетало насъ

насъ нѣкогда; оное и вторично увѣнчаетъ его моимъ повелителемъ!

Между тѣмъ въ галерѣ лежащую въ обморокѣ *Амансу* съ великимъ трудомъ воззываютъ къ жизни. Едва возвела она свои отягченныя отчаяніемъ очи, атаманъ упадаетъ предъ нею на колѣна, и проситъ не предаваться горести: я орудіе твоего щастія, говоритъ онъ: чрезъ малые дни будешь ты нашею Государынею. Не опасайся насъ, мы состоимъ только для услугъ и защищенія тебѣ: владѣть твоею красотою достоинъ только уподобляющійся тебѣ *Алманзоръ*. Онъ при первомъ взорѣ впадетъ въ твои оковы, и повѣрь мнѣ, что ты съ удовольствіемъ увидишь его у ногъ твоихъ. Говоря сіе, подавалъ онъ ей богатое покрывало для скрытія наготы ея. Смерть тому (продолжалъ онъ голосомъ и видомъ всѣхъ приведшими въ трепетъ), смерть дерзающему коснуться до сего покрывала! Щитайте ее съ сего мгновенія вещью, *Алманзору* принадлежащею. Сказавъ сіе, удалился онъ съ колѣнопреклоненіемъ, дабы дать ей свободу успокоиться. *Аманса*, не внемля словъ разбойника, сидѣла оглушенна своимъ нещастіемъ, опершись руками на колѣна и под-

поддерживая оными голову, съ угасшими и неспособными къ плачу глазами. Горесть ея выше описанія, и твердое сердце ея слабо къ снесенію оной. Сего только последняго удара выдержать она была не въ состояніи. Она упадаетъ, не произнося жалобъ. Она ищетъ себѣ утѣшенія и не находитъ никакого. . . Пусто, безнадежно и мрачно было все, окружающее ее, подобно какъ душа ея; весь свѣтъ для нее превратился въ вертепъ разбойничій. Она взираетъ на небо, и тамъ нѣтъ утѣшенія; не зритъ въ ономъ Ангеловъ. Въ пропасти отчаянія плавающей, предстоитъ лишь смерть къ ея отрадѣ. Сей вѣрнѣйшій другъ страждущихъ простираетъ къ ней свою изсохлую руку. Она низходитъ съ нимъ въ безмолвную страну тѣней, гдѣ всякое воздыханіе, всякая скорбь изчезаетъ; гдѣ никакія узы не обременяютъ свободную душу, гдѣ явленія здѣшняго свѣта изчезаютъ подобно младенческимъ сновидѣніямъ, и ничего изъ насъ намъ, опричь сердца нашего, не остается: тамъ чаетъ найти она все свое любезное! Подобно невинному закланному агнцу лежитъ она въ кроткомъ страданіи, и посылаетъ вздохи последнему мгновенію жизни на встрѣ-

чу;

чу; но *Титанія* въ темнотѣ ночной приближается, неся ей отраду. Невидимый дождь дремотоносныхъ паровъ укрѣпляетъ слабо біющееся сердце прекрасной страдательницы, и усыпляетъ ее нечувствительно: тогда во сновидѣніи предстаетъ ей Царица волшебницъ въ своемъ розовомъ сіяніи. Ободрись! вѣщаетъ она ей: ободрись! супругъ и сынъ твой еще живы, и не погибли у тебя. Познай меня! Когда ты третично меня увидишь, тогда сила клятвы *Оберонової* совершилась уже чрезъ вашу вѣрность. Вы окончите наши мученія; и сколь будемъ мы благополучны, столько будете и вы. – По семъ словѣ изчезаетъ богиня въ глазахъ ея; но розовый запахъ остается на мѣстѣ, гдѣ она стояла. *Аманса* пробуждается, познаетъ по розовому запаху и меркнущему сіянію ту божественную женщину, оказавшую ей помощь въ гротѣ. Тронутое таковымъ новымъ опытомъ покровительства сердце ея пріемлетъ съ благодарнымъ трепетаніемъ доводъ о жизни супруга и сына своего, и пренебрегаетъ всѣ прочія гоненія судьбы. О! естьли бы вѣдала она, что по щастію отъ нее было скрыто, въ какомъ отчаяніи провелъ ночь сію нещастный,

при-

привязанный къ дубу семью веревками *Гіонъ*! какъ бы терзалось ея сердце! — Но тотъ, отъ коего молніеподобныхъ взоровъ нѣтъ непроницаемаго, добрый духъ защитникъ гдѣ медлитъ? Онъ стоитъ при источникѣ Нила на верьху горы, никогда не покрывающейся облаками, и раздѣляющей чистѣйшій воздухъ. Важный взоръ его обращается на островъ, гдѣ *Гіонъ* страждетъ; тихое стенаніе его приносится изъ глубокой отдаленности, и повелитель духовъ оное слышитъ. . . . Онъ взираетъ на утреннюю звѣзду, и скрывается воздохнувши. Тогда приближается къ нему одинъ духъ изъ войска, всегда за нимъ послѣдующаго и его окружающаго, духъ наперсникъ его. Поблѣднѣвъ, и лишась сіянія, Сильфъ сей приближается, взираетъ на него молча, и взоры его вопрошаютъ о скорби, утѣсняющей его Государя; ибо подобострастіе не позволяетъ ему осмѣлиться къ произнесенію слова: воззри! вѣщаетъ *Сверонъ*. И съ словомъ тѣмъ показывается въ мимолетящемъ облакѣ изумленному духу какъ въ зеркалѣ образъ *Гіонопъ*. Погруженный въ крайнѣйшее бѣдствіе, съ кровоточащею язвою въ сердцѣ стоитъ оный, оставленъ привязанный въ дикомъ лѣсу,

и умираетъ томительною смертiю. Въ безнадежномъ таковомъ состоянiи возноситъ душа его ропотное чувствованiе: „Заслужилъ ли я это? Заслужила ли „*Аманса*? Не ужъ ли бѣдство наше только игра Всевышняго? Все, окружающее „меня, спокойно, и не участвуетъ въ „страшномъ моемъ страданiи! Никакое „существо не сочувствуетъ со мною; „ни одно зернушко изъ песку морскаго „не движется изъ своего мѣста; ни одинъ „листокъ въ семъ лѣсу не спадаетъ меня ради. Одного остраго кремня до„вольно бы для прерѣзанiя узъ моихъ... „Увы! во всемъ пространствѣ времени „не сыскивается руки, могущей привести „оный въ движенiе! Но естьли бы угод„но было отвратить мое бѣдствiе те„бѣ, о ты, избавлявшiй меня столь ча„сто и неожидаемо отъ смерти! всѣ „бы вѣтви лѣса сего обратились въ ру„ки по твоему мановенiю!„ – Въ ту минуту священный трепетъ проницаетъ кости его небеснымъ пламенемъ; веревки разрѣшаются; онъ упадаетъ колеблясь въ невидимыя руки, его поддерживающiя. Былъ то духъ, коему показалъ *Оберонъ* приключенiе любовниковъ нашихъ въ облакѣ, оказавшiй ему сiю нечаянную услугу.

лугу. Сынъ свѣта пораженъ былъ жалкимъ видѣніемъ. Ахъ! возопилъ онъ съ внутреннею горестію, и повергшись къ ногамъ своего повелителя: сколько ни достоинъ онъ наказанія, можешь ли ты, любившій его! замкнуть предъ нимъ въ таковомъ бѣдствіи великое твое сердце? Чада земли слѣпы для предбудущаго! отвѣтствуетъ *Оберонъ*: мы сами, какъ извѣстно тебѣ, только служители судьбины. Въ священной темнотѣ превыше насъ шествуетъ сокрытый путь ея; и волею, или неволею, влечетъ насъ тайное понужденіе слѣдовать оному въ мрачности. Въ пропасти, раздѣляющей меня съ *Гіономъ*, позволено мнѣ лишь сіе для него сдѣлать. Лети къ нему, освободи его, и отнеси такова, какъ застанешь, въ Тунисъ къ порогу престарѣлаго Ибрагима, имѣющаго въ надзираніи своемъ сады Серальскіе. Тамъ положи его на каменную лавку, близь часовой будки находящуюся, и удаляйся; но берегись предстать ему въ своемъ видѣ, или говорить съ нимъ. Соверши сіе скоро. Сильфъ летитъ быстрѣе стрѣлы, пущенной изъ лука, достигаетъ *Гіона*, разрѣшаетъ его узы, подхватываетъ и несетъ его по воздуху чрезъ моря и земли до дверей престарѣла-

го Ибрагима и полагаетъ на лавку такъ тихо, какъ бы на мягкую перину.

Рыцарю представляется все то сновидѣніемъ. Онъ озирается кругомъ, дабы удостовѣриться, не спитъ ли онъ; но все подтверждаетъ лишь его изумленіе. Гдѣ я? вопрошаетъ онъ самъ себя, и опасается пробудиться. Между тѣмъ въ близости отъ него начинаетъ пѣтухъ кричать, а по томъ повторяютъ то же другіе въ сосѣдствѣ. Наконецъ тишина убѣгаетъ, златыя небесныя врата отверзаются, богъ дня появляется, и все оживляясь, начинаетъ двигаться окрестъ его. Вдругъ двери заскрипѣли; высокой старикъ съ сѣдою бородою, но бодрый и румяный, выходитъ изъ дому съ заступомъ въ рукѣ: оба они противу всякаго вѣроятія усматриваютъ вдругъ, *Гіонъ* своего вѣрнаго старика въ невольничьемъ платьѣ, - а *Шеразминъ* своего Государя, коего щиталъ мертвымъ, въ уборѣ, не предвѣщающемъ щастливаго приключенія. Возможно ли! вопіютъ они вдругъ оба. . . . мой возлюбленный Государь! . . . мой другъ! мы здѣсь находимъ другъ друга? . . . . И внѣ себя отъ радости обьемлетъ онъ колѣна *Гіонопы*, орошая руки его слезами. *Гіонъ* подьемлетъ его,

за-

заключаетъ въ объятіяхъ, и цѣлуетъ его въ щеки. Слава Богу! кричалъ *Шеразминъ*: теперь увѣренъ я, что вы живы! Какой добрый вѣтръ занесъ васъ къ сему порогу? Но не мѣсто здѣсь для разсказыванія; войдите, Государь! въ мою хижину, пока не увидѣли насъ здѣсь вмѣстѣ. Для всякаго случая называйтесь вы Гасаномъ, моимъ племянникомъ, молодымъ купцомъ изъ Алепа, пожелавшимъ путешествовать, и едва спасшимъ жизнь при кораблесокрушеніи. — Увы! отвѣчалъ *Гіонъ* вздохнувъ: въ самомъ дѣлѣ мнѣ не осталось опричь жизни, которую не щитаю за благодѣяніе! — Молчите, сказалъ *Шеразминъ*: все поворотится! И введши его въ свой покоецъ, заперъ за собою двери. Тамъ посадивъ его, досталъ изъ своего поставца оливъ, хлѣба и вина, садится близь него, и побуждаетъ къ веселію. Дражайшій Государь! говорилъ онъ: когда мы послѣ таковыхъ оборотовъ щастія нечаянно свидѣлись здѣсь въ Тунисѣ при дверяхъ садовника Ибрагима, служитъ то яснымъ доказательствомъ, что *Оберонъ* непримѣтно сведетъ насъ всѣхъ вмѣстѣ. Хотя лучшаго еще не достаетъ; но въ залогъ за *Амансу* по крайней мѣрѣ здѣсь ея кормилица. —

Что ты говоришь? вскричалъ *Гіонъ*, исполнясь радости. Самому тому же Ибрагиму (отвѣчалъ *Шеразминъ*), у котораго я живу, служитъ она невольницею. Какъ обрадуется вамъ добрая сія женщина! – Потомъ повѣствовалъ онъ о всемъ, случившемся съ нимъ со времени разлуки; о томъ, что побудило его ни съ чемъ отъ Парижа повернуться; какъ онъ въ Римѣ искалъ и ожидалъ его безъ успѣха, прожилъ деньги, и принужденъ въ пилигримской одеждѣ странствовать, и наконецъ добрымъ духомъ своимъ бывъ приведенъ сюда, нашелъ *Фатиму*, и рѣшился во ожиданіи лучшаго времени отъ ней не разлучаться. По щастію (примолвилъ онъ) коробочка, подаренная вамъ отъ *Оберона*, въ Аскалонѣ совсѣмъ еще цѣла; а рогъ, и сосудъ какъ я вижу, улетѣли. Простите мнѣ, милой Государь! я тронулъ васъ въ чувствительное мѣсто, не кстати бы мнѣ обо всемъ болтать; но веселіе теперешнее меня побуждаетъ къ многословію; однако вамъ извѣстно мое сердце, и больше ни слова! *Гіонъ*, пожавъ руку *Шеразминопу*, отвѣтствовалъ: мнѣ извѣстна вѣрность твоя, другъ мой! ты обо всемъ узнаешь, и ничего не будетъ отъ тебя сокрыто; но прежде всего

го

го помоги ты мнѣ въ одной вещи. Коробочка, сбереженная тобою, осыпана камнями великой цѣны. Какъ ты думаешь? не полезно ли оные употребяпся, когда въ скорости доставятъ мнѣ здѣсь коня, вооруженіе и рыцарское убранство? Не больше еще двенатцати часовъ прошло, какъ толпа разбойниковъ похитила у меня *Амансу*, когда я на пустомъ берегу находился съ нею одинъ и безъ оружія. Безъ сомнѣнія привезутъ они ее продавать сюда, либо въ Мароко, или Фецъ; однако никакой Сераль не отниметъ моего лучшаго сокровища, хотя бы надлежало мнѣ и на край свѣта ѣхать. Старикъ разсуждалъ о дѣлѣ семъ молча, по томъ спросилъ: и такъ мѣсто, гдѣ вы находились съ *Амансою*, отстоитъ отсюда не далѣе какъ на двенатцать часовъ ѣзды? – По чему я знаю! отвѣчалъ *Гіонъ*: можетъ быть и на тысячу часовъ: меня несли чрезмѣрно быстро, и не знаю кто, но безъ сомнѣнія духъ, изъ лѣсу, гдѣ разбойники привязали меня къ дереву. Ну! вотъ! вскричалъ старикъ: кому то быть, кромѣ *Оберона*! – Я самъ то же думаю, отвѣчалъ Рыцарь, и пріемлю оное за предвѣщаніе, что онъ еще и больше для меня сдѣлаетъ. Сколь ни горестно раз-

лученіе, сколь ни страшенъ былъ взоръ на супругу, находящуюся въ рукахъ разбойниковъ; но новое сіе чудо, о другъ мой! исполняетъ меня оживляющею сердце надеждою. Тотъ имѣлъ бы каменныя чувства, и недостоинъ бы былъ, чтобъ небо о немъ пеклося, когдабъ, испытавъ хотя половину случившагося съ нами, подвергся малодушію и недовѣрчивости. Пусть моя покрытая мракомъ дорога идетъ сквозь огонь и воду, я сохраню вѣру и твердость! Но естьли можно, любезной *Шеразминъ!* еще нынѣ доставь мнѣ мечь и коня. Давно уже не имѣлъ я оныхъ! ... Правда то, что занимался я любовію... но теперь во удаленіи отъ *Амансы* кровь сердца моего кажется мнѣ согнившею, пока не отниму я у язычниковъ прекрасную ихъ добычу. Ея жизнь и мое щастіе являются мнѣ зависящими отъ одного мгновенія ока. - *Шеразминъ* увѣрялъ его, что нѣтъ затрудненія въ томъ его немедленно удовольствовать. Однакожъ сверьхъ чаянія ревность его въ тотъ же вечеръ была остановлена. *Гіонъ* отъ толикихъ потрясеній слѣдовавшихъ одинъ за другимъ ударовъ впалъ въ горячку. Среди жару его, лица, въ мысляхъ его находящіяся, оживились. Ему кажется, что

вЪ ярости сражается онЪ сЪ непріятелями; по томЪ упадаетЪ ослабѣвЪ, и леденѣющими объятіями сжимаетЪ мертвое тѣло своего сына; иногда сражается сЪ волнами морскими, державЪ утопающую супругу только за край ея одеждЪ; а иногда зритЪ себя привязываема кЪ дереву кровавыми руками разбойниковЪ. То поднимается на постелѣ своей, то упадаетЪ, устремляя дикіе взоры. Искусство вѣрнаго *Шеразмина* было полезно вЪ семЪ обстоятельствѣ; ибо оруженосцовЪ, или конющихЪ должность заключала вЪ себѣ и врачебное искусство для помощи РыцарямЪ: онЪ занялЪ то потомственно отЪ дѣда и отца своего, а вЪ путешествіяхЪ занялЪ еще множайщія таинства отЪ Рыцарей и мудрецовЪ. ОнЪ при всходѣ утренней звѣзды (поручивЪ надзираніе за *ГіономЪ* усердной *Фатимѣ*) спѣшитЪ вЪ сады, объятые еще покоемЪ и безмолвіемЪ; собираетЪ травы, о коихЪ чудной силѣ вразумилЪ его пустынникЪ на горѣ Хоривской, выжимаетЪ и смѣшиваетЪ соки оныхЪ, изцѣляющіе вЪ краткое время жесточайшія горячки. По принятіи оныхЪ спокойной сонЪ появляется на челѣ *ГіонопомЪ*; неусыпные его попечители подкрѣпляютЪ его прохладитель-

 ными

ными напитками, и въ четвертой день почувствовалъ онъ себя въ таковыхъ силахъ, что могъ ночью прохаживаться въ садахъ Серальскихъ въ одеждѣ невольничей, доставленной ему *Шеразминомъ*.

Не успѣли они еще вступить двухъ шаговъ въ розовый лѣсокъ, находившійся близь хижины садовника, какъ прибѣгаетъ къ нимъ *Фатима*, ходившая почасту въ Гаремъ Беевъ для навѣдыванія съ извѣстіемъ, что *Аманса* безъ сомнѣнія не въ дальности отъ нихъ находится. Извѣстіе, цѣлебнѣйшее лаудана, для подкрѣпленія силъ больнаго Рыцаря! Гдѣ она? гдѣ? вскричалъ онъ въ восхищеніи. . . . Говори скорѣе! гдѣ ты ее видѣла? - Я не сказывала, чтобъ видѣла, отвѣчаетъ *Фатима*: но я дамъ себя изрубить въ части, естьли не она прибыла въ сей вечеръ. Выслушайте, что за минуту предъ симъ слышала я отъ жидовки Саломіи, и что за сущую правду утверждала она, вышедъ только изъ внутреннихъ покоевъ *Гарема*. - Надвечеръ, говорила она, появилась на морѣ галера; она плыла какъ птица къ берегу. Вдругъ изъ безоблачнаго неба слетѣла изкривленными стезями молнія, вихрь дунулъ, и галеру въ мгновеніе ока увидѣли объяту

пла-

пламенемъ. Въ таковыхъ опасностяхъ тушить не входитъ въ голову погибающимъ, и пламень свирѣпствовалъ. Всѣ бросаются въ боты и шлюпки, и вѣтромъ, отдѣливъ ихъ отъ галеры, несло къ берегу; но за четверть часа ѣзды отъ онаго, новой ударъ вихря опровергаетъ судно, и всѣ погибаютъ. Тщетно призываютъ они на помощь своего Магомета, тщетно напрягаютъ остатки силъ своихъ! волны ихъ поглощаютъ, одна только женщина, безъ сомнѣнія покровительствуемая небомъ, избавляется, и на волнахъ, какъ бы на колесницѣ, приносится на берегѣ, почти не обмокнувъ. По случаю Бей стоялъ съ своею *Алманзарисою* на терасахъ садовъ, смотря на море и ожидая послѣдствій. Ему казалось, что тихимъ зефиромъ принесена была оная женщина. Однако невѣрящій чудесамъ, повелѣваетъ онъ сту невольникамъ бѣжать на помощь красавицѣ. Сказываютъ, что и самъ Бей выходилъ на берегѣ, и принялъ незнакомую, вынесенную изъ болота Ачамогланомъ, на свои руки. Не можно было слышать, что онъ говорилъ; но казалось, что слова его были почтительны, и сердце его возпламенилось къ ней любовію. По видимому

(про-

(продолжала *Фатима*) прекрасная незнакомка понравилась и *Алманзарисѣ*, которая приняла ее дружественно, хотя прелести ея съ перваго взгляду покорили сердце *Алманзорово*. Покой для нее отведенъ въ лѣтнемъ Султанскомъ дворцѣ.

Во время повѣствованія *Фатимина* ужасъ, радость, любовь и печаль, попеременно изображались на лицѣ *Гіонопомъ*. Чѣмъ больше онъ размышляетъ, тѣмъ меньше находитъ сомнѣнія, чтобъ не была то заподлинно *Аманса*. Представляется ему ясно, что *Оберонъ* невидимо учреждаетъ путь ихъ участи. Изрядно! вскричалъ онъ: присовѣтуйте, друзья! что вы думаете? Что начать должно? – Отнять у Бея *Амансу* силою, и самъ бы Роландъ едваль могъ бы совѣтовать, отвѣчалъ *Шеразминъ*, хотя не безполезно для всякаго случая запастись намъ оружіемъ. Но прежде всего испытаемъ мы употребить хитрость! Не худо вамъ, ежели вы не погнушаетесь рыть землю, наняться у Ибрагима для садовыхъ работъ. Положимъ, что этотъ старикъ сперва сыщетъ затрудненія, разсмотритъ васъ строго, и потрясетъ своею умною головою; но я не безпокоюсь о томъ: доброй алмазъ все дѣло повернетъ

вешъ по нашему. Оставьте это на мое попеченіе, господинъ Рыцарь! къ завтрешнему утру, не взирая ни на что, застегну я васъ въ садовническую занавѣску; а о прочемъ стараться оставимъ небу и времени. Предложеніе таковое понравилось *Гіону*, и произведено неукоснительно въ дѣйство. Стараго *Ибрагима* такъ умягчили, что назвалъ онъ *Гіона* своимъ племянникомъ, сестринымъ сыномъ, прибывшимъ изъ Дамаска, и искуснымъ въ разведеніи цвѣтовъ. Словомъ сказать, *Гіонъ* принятъ въ садовники, и занялъ новую должность со всякимъ прилѣжаніемъ.

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Надежда, разпростершая опять блестящія свои крылья надъ *Гіономъ*, внушаетъ ему, что онъ скоро увидитъ единственный предметъ любви своей; сія злащая надежда вскорѣ развиваетъ на лицѣ его цвѣты молодости. Одно только помышленіе находится отъ ней въ таковой

вой близости, что вѣтерокъ, прохлаждающій его, можетъ быть лобзалъ лице *Амансино*, можетъ быть игралъ на устахъ ея; что сіи срываемые имъ и искусными тѣньми въ вѣнкахъ и пучкахъ свиваемые цвѣты для отсыланія въ Гаремъ можетъ быть украшаютъ локаны власовъ *Амансиныхъ*, и теряютъ жизнь свою, изпуская благовоніе на груди ея. . : одно помышленіе о семъ наполняетъ его восхищеніемъ. Румянецъ страсти и веселія простирается по щекамъ его и блистаетъ въ его взорахъ.

Ночи въ сей странѣ заступаютъ должность жаркихъ дней, которые проводятъ во снѣ. Едва только вечерній вѣтерокъ пробуждается, вопрошаетъ у него ободряемый любовію *Гіонъ* о всѣхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, гдѣ дражайшая его проводитъ время. Онъ вѣдаетъ, что ночи здѣсь проходятъ безъ сна; но что по захожденіи солнца мущины не должны оставаться въ садахъ и на терасахъ. Женщины при умѣренномъ розовомъ свѣтѣ зари (никогда здѣсь не угасающей) начинаютъ ходить попарно и толпами по цвѣтущимъ алеямъ. Почасту сокращаютъ краткія ночи, пѣніе, игра на инструментахъ и плясаніе; за тѣмъ слѣдуетъ

во уединенныхъ гротахъ купаніе, къ которому и самъ *Алманзоръ* изъ благопристойности приближиться не можетъ. Увидѣть *Амансу* (по мнѣнію Рыцаря нашего въ Сералѣ находящуюся) не было иной надежды, какъ только замедлить въ саду противу законовъ по захожденіи солнца. Онъ провелъ ужъ три безпокойныя ночи, залегши въ кустарникѣ, примѣчая мимоходящихъ жителей Сераля, но *Амансы* не видалъ! Не взирая на крайнія убѣжденія отъ Фатимы, Шеразмина и Ибрагима, чтобъ не подвергалъ жизнь свою очевидной опасности, замѣшкалъ онъ и въ четвертой день очень много по закатѣ солнца, и когда повернулся въ кустарникѣ, увидѣлъ стоящую близь себя *Алманзарисъ*. Она приближалась, опираясь на одну изъ нимфъ своихъ, для прохлажденія по жестокомъ дневномъ жарѣ въ тѣни померанцоваго лѣску. Легкое спальное одѣяніе, столь тонкое, какъ бы соткано было пауками, едва прикрывало наготу ея, и замыкалось златымъ запаномъ на груди, желающей нетерпѣливно вырваться сквозь тонкую покрышку. Никогда подражатели естества не могли выбрать лучшаго образца для истукана Венерина. Прелестное ея сложеніе разлива-

лось

лось волнами, токмо тончайшему взору примѣтно, между пристойнаго и чрезмѣрнаго. Она была во всѣхъ частяхъ такова, каковыя воображенія Алкаменовы и Лисипповы доставили ихъ статуямъ: имѣла грудь Еленину, колѣна Аталантины, руки Ледины и уста Еригонины. Но каждая прелесть не возвышалась у ней чрезъ искусство, которое, когда только желалось ей употребить, учиняло ее побѣдительницею всѣхъ сердецъ. Казалось, что духъ роскоши соединялся съ каждымъ ея дохновеніемъ къ воздуху, ее окружающему. Очи ея наполнены были острыхъ стрѣлъ Купидоновыхъ, и горе человѣку, пожелавшему противу оныхъ сразиться! ибо когда бы онъ возпротивился пламенно млѣющимъ ея взорамъ, чѣмъ бы защитился отъ искушенія устенъ, окружаемыхъ улыбкою? Что бы противу поставилъ очаровательному гласу Сиренъ, возбуждающему струны тайнаго чувствованія? Той, которая въ нѣдрахъ души носитъ сладостную прелесть, подобно какъ бы плавала среди вздоховъ роскоши? И когда, прежде нежели разумъ остережется, всякое чувство измѣннически соединяется къ ея побѣдѣ, и замыкаетъ последнее мгновеніе упоенія: какъ можно, ска-

скажите мнѣ, сопротивляться? Но успокойтесь! далеко еще, и можетъ быть не извѣстно кораблесокрушеніе, являющееся намъ неизбѣжнымъ; удалиться *Гіону* (что всего разумнѣе) не возможно было въ то мгновеніе. . . она находилась такъ близко. . . хотя бы настоящій садовникъ на *Гіоновомъ* мѣстѣ бѣжалъ бы безъ размышленія. По щастію потребованная сію корзина съ цвѣтами и плодами, въ рукахъ его находившаяся, послужила ему вмѣсто отвѣту.

Безъ сомнѣнія изумилась прекрасная Султанша, повстрѣчавшись съ мущиною. Что ты здѣсь дѣлаешь? вопрошаетъ она у *Паладина* съ взглядомъ, имѣвшимъ бы смертоносное дѣйствіе на всякаго, опричь племянника престарѣлаго Ибрагима. *Гіонъ*, опустя взоры въ землю, подобострастно упадаетъ на землю, и поднося корзину въ жертву, говоритъ ей: что онъ замѣшкалъ для поднесенія ей сего; но готовъ заплатить головою своею, ежели усердіе его слишкомъ было отважно. Но Султанша занималась нѣжнѣйшимъ расположеніемъ въ то время, какъ онъ лежалъ у ногъ ея. Она взираетъ на него милостиво, и кажется, что съ принужденіемъ рѣшилась продолжать путь свой. Прекрас-

 ный

ный мущина, каковаго она съ роду не видывала, столь прелестной, каковыми изображают Героев во всем видѣ. . . . чужестранной по цвѣту лица. . . въ садовнической занавѣскѣ. . . . все казалось ей не естественностію. Охотно обошлась бы она съ нимъ короче, естьлибъ не удерживала отъ того благопристойность. Она даетъ ему знакъ къ удаленію; но сопровождающіе его взоры ея заключают въ себѣ многое. Она шествуетъ медленно въ молчаніи, поворачиваетъ прекрасную шею свою въ слѣдъ его, и досадуетъ, что онъ такъ скоро повиновался данному знаку. Не ужъ ли онъ не разумѣлъ объясняющаго ея взора? Можетъ быть душа его неудобна чувствовать заразъ; можетъ быть обманчивъ пламень въ очахъ его. Не опасность ли его охлаждала? И не для инаго ли приключенія зашелъ онъ не въ обыкновенное время? Для инаго? . . . Сіе сомнѣніе открыло ей нечаянно то, въ чемъ признаться стыдилась она самой себя. Исполненная безпокойства, преслѣдуемая *Гіононымъ* образомъ, бродила она во всю ночь по бесѣдкамъ и скрытымъ дорогамъ, робостно вслушиваясь во всякой шумъ отъ вѣтерка и трепетанія листовъ.

Оста-

Остановимся, говоритъ она своей наперсницѣ, вслушаемся! мнѣ кажется въ лѣску семъ шорохъ. Можетъ быть это прекрасной садовникъ, отвѣчаетъ лукавая повѣренная: онъ, естьли я не обманываюсь, не таковой человѣкъ, чтобъ осмѣлился подвергнуть жизнь свою, дабы на минуту только увеселить себя райскимъ восхищеніемъ. Естьлибъ мы его нечаянно не застигли, намъ бы онъ и не показался. – Молчи, дура! сказала Царица Серальская; мнѣ кажется, что ты бредишь. И говоря сіе, приближилась къ мѣсту, гдѣ шумѣло; но была то лишь ящерица, пробѣжавшая сквозь кустъ. – Вздохъ вырвавшійся, хотя удерживанный, подтвердилъ Надину (имя наперсницы) въ томъ, что читала она въ ея взорахъ. Съ уныніемъ возвращается *Алманзарисъ*, кусая губы, вздыхая, начиная говорить, и на третьемъ словѣ забывая о чемъ, и сердясь, что Надина не то отвѣчаетъ, и не понимаетъ, о чемъ она говорить хотѣла; словомъ сказать, прекрасная Султанша влюбилась! Завѣдалъ то пукъ цвѣтовъ, безъ всякаго намѣренія ею измятый, и разщипанный въ клочки.

Три дни уже зло сіе продолжалось, бывъ питаемо скромностію и сопроти-

 вле-

вленіемъ, и утверждалось болѣе и болѣе денно и ночно. Едва только вечерняя заря разпростирала розы свои сквозь пестрыя Серальскія окончины, оставляла она свои покои, и съ разпущенными волосами бродила въ послѣдованіи дѣвицъ своихъ по всѣмъ частямъ сада, гдѣ только уповала найти племянника Ибрагимова. Но тщетно пробѣгаютъ ея взоры, тщетно трепещетъ грудь ея отъ нетерпѣливости: прекрасной садовникъ не показывается. Нещастная *Алманзарисъ*! гордость твоя опровергается. За чемъ мнѣ мучить себя далѣе (мыслитъ она) и отъ своенравія скрывать предъ Надиною то, что она давно уже примѣтила? Скромность не изцѣляетъ язвы. Она частъ прибѣгнуть въ томъ къ нѣдрамъ друга своего, но обращается къ ласкательницѣ. Въ сей придворной наукѣ Надина была совершенно искусна. Сокъ изъ всѣхъ помпельмузовъ Африканскихъ не могъ прохладить такъ кровь роскошью дышущей Султанши, какъ совѣтъ и нѣжное стараніе сей наперсницы, обѣщавшейся привлечь желаемаго красавца вскорѣ въ сѣти ея. Не казалось ей трудностію провести его въ полночь сквозь запертыя двери въ ту часть Сераля, гдѣ *Алманзарисъ* необра-

ограниченно властвовала съ тѣхъ поръ, какъ Бей, супругъ ея, предался совершенно и явно страстію къ прекрасной *Зорадинѣ*, (такъ называлась незнакомая та женщина, кою волны чудесно выкинули на берегъ). *Фатима* не обманулась въ своихъ догадкахъ; была то самая *Аманса*, которую *Титанія* чрезъ молнію избавила отъ разбойниковъ и невредиму извела на берегъ. – Сказано уже мимоходомъ, какъ досталась она *Алманзору*, съ первымъ взоромъ посвятившему ей свое сердце, и что завиствующая *Алманзарисъ* приняла ее съ притворною нѣжностію. – Бей могъ щитаться прекраснѣйшимъ мущиною въ подсолнечной, и умѣлъ дарованія свои столь побѣдоносно употреблять, что не уходило отъ него еще ни одно женское сердце. Въ первый разъ у сей *Зорадины* утратилъ онъ свою славу. Для ней былъ только одинъ мущина на свѣтѣ; она не имѣла глазъ, ни мыслей, ни чувствъ, кромѣ для одного *Гіона*. Ея достоинство безъ гордости, благородная безопасность, благопристойное не притворное равнодушіе и не принужденная холодность, умѣли повелителя въ сихъ мѣстахъ такъ удалять отъ нее, что онъ со всемъ жаромъ своимъ

 едва

едва осмѣливался изъявлять жалобы свои въ безмолвныхъ взорахъ. . . . Но *Алманзарисѣ* казалось то любовнымъ искусствомъ. Она, привыкнувъ обращать Бсево сердце, какъ ей угодно было властвовать надъ нимъ и надъ всемъ Сералемъ неограниченно, могла ли она безъ оскорбленія зрѣть скиптръ свой, вырываемый изъ рукъ оною незнакомкою? Хотя ненависть свою прикрывала она усмѣшкою, и притворялась, что не уважаетъ *Зорадины*; но всѣ глаза въ Сералѣ по приказанію ея подробно замѣчали все происходящее. Однако съ тѣхъ поръ прелести пригожаго садовника пронзили острѣйшими стрѣлами гордое ея сердце, ревность уступила страсти. Честолюбіе ея покорилось сластолюбію. Вся гордость ея устремлялась только къ побѣжденію его. По ней хотябъ весь свѣтъ лежалъ у ногъ *Зорадининыхъ*, лишь бы имѣла она въ объятіяхъ своихъ любовника. Она сама всему споспѣшествовала. . . . *Зорадина* удалена была отъ нее въ другую часть Сераля, которую *Алманзоръ* приказалъ наскоро убрать для приличнаго ей услуженія. Хотя незнакомая не открыла еще о настоящемъ своемъ достоинствѣ; но не могло укрыться при первомъ на нее

взгля-

взглядѣ, что она привычна была не имѣть надъ собою властителя.

Тогда, какъ *Агманзарисъ* льстивою учтивостію освободилась таковымъ образомъ отъ обременяющей ее свидѣтельницы, престала о ней безпокоиться, дозволила ей провождать свое время какъ угодно, и *Агманзору* свободу посвятить себя совершенно новой любви, и выдумывать способы, для коихъ въ Сераляхъ находится всегда множество услужниковъ.

Между тѣмъ мнимый садовникъ грустилъ чрезмѣрно, что онъ уже больше недѣли обходя стѣны, заключающія *Амансу*, безъ сомнѣнія объ немъ печалющуюся, не могъ ниже сквозь рѣшетки видѣть, и нигдѣ примѣтить хотя бы слѣдъ ноги ея, которой бы конечно могъ онъ выбрать изъ тысячи. Онъ въ уныніи прибѣгаетъ къ друзьямъ своимъ. Не можете ли вы (говорилъ имъ) изъ любви ко мнѣ выдумать какого способа, которымъ бы хотя мое имя. . . что я отъ ней въ близости, дошло къ ней въ уши? – Постойте! мнѣ нѣчто вспало на мысль, сказала *Фатима*: вы можете послать къ ней *Селамъ*: подите нарвите потребныхъ къ тому цвѣтовъ; а я въ семъ нарѣчіи

мастерица. - *Гіонъ*, или мнимый Гасанъ, спѣшитъ исполнить требованіе *Фатимы*, собираетъ вѣточки миртовъ, лиліи, жасмины, розы и жонкили. По томъ приказываетъ она ему вырѣзать волосовъ изъ его локановъ, сплетаетъ оные съ тонкою золотою проволокою, связываетъ тѣмъ пукъ цвѣтовъ, и влагаетъ въ средину лавровой листъ, на коемъ начерчены были буквы А и Г. Теперь, сказала *Фатима*, осталось только опрыскать это коричневою водою, то и составится наилучшее любовное письмо, каковое только могутъ посылать ваша братья похитители сердецъ. Угодно ли вамъ, чтобъ я скорѣе оное препроводила? - Не трать времени! кричалъ *Гіонъ*, благодаря ее: ты не можешь довольно ускорить принесеніемъ мнѣ отвѣту! любовь да сохранитъ тебя, и да окажетъ тебѣ помощь! поди, мы будемъ дожидаться на этой дерновой софѣ.

Фатима удалилась. Но какъ она не могла входить во внутренніе покои Сераля, то пукъ цвѣтовъ, переходя чрезъ руки многихъ невольницъ, ошибкою попался Надинѣ, и по нѣкоторыхъ разспросахъ съ радостію былъ принесенъ Султаншѣ. Какъ письмо сего рода принесено было

Фа-

Фатимою, невольницею Ибрагимовою, что подозрѣніе не могло упасть на инаго, опричь прекраснаго Гасана; не меньше и по тому, что приказано было вручить прекраснѣйшей во всемъ Гаремѣ. Кому бы то быть кромѣ *Алманзарисы*? И что бы иное значили буквы А и Г. естьли не *Алманзарисъ* и *Гасанъ*? Хотя бы сочла она, что имѣетъ совмѣстницу; но тѣмъ больше умножалось торжество ея, когда насильно похититъ у оной добычу. Ревность, возбудившаяся при семъ, соединилась съ другими кротчайшими склонностьми, и понудила ее не отлагать совершеніе побѣды далѣе слѣдующей ночи.

Фатима, получа отвѣтъ, восхищенная удачнымъ успѣхомъ своего посольства, прибѣгаетъ закраснѣвши отъ радости и утомленія. Видъ ея еще издали раздѣлялъ уныніе, подобно какъ солнце разгоняетъ облака лучами. „ Господинъ Рыцарь! что дадите вы мнѣ (шептала она ему на ухо)? Нынѣ для васъ отверзутся врата райскія! словомъ сказать, вы увидите *Амансу*! Нынѣ въ полночь будутъ отворены для васъ дверцы, къ маленькому миртовому лѣску находящіяся; невольница будетъ васъ у оныхъ дожидаться, послѣдуйте за нею смѣло,

и не опасайтесь никакого обману; она доведетъ васъ въ желаемое мѣсто. „ — Добрая сія женщина не вѣдала своей ошибки, и того, куда вела таковая дорога. — Ахъ! сколь много обязанъ я тебѣ, *Фатима*! кричалъ *Гіонъ*. . . . я увижу ее! въ нынѣшнюю ночь увижу! хотя бы мнѣ случилось увидѣвшись съ нею умереть отъ тысячи ранъ, я итти не раздумаю! — Я надѣюсь (примолвилъ *Шеразминъ*), что судьба намъ благопріятствуетъ; вы освободите ее, и все будетъ хорошо! дайте мнѣ только на три дни сроку нанять тайно корабль, которой бы готовъ былъ въ скрытомъ мѣстѣ на якорѣ, по первому знаку отплыть на всѣхъ парусахъ. Коробочка во всемъ томъ окажетъ намъ помощь; за деньги все можно купить; золотой ключь всякіе замки отпираетъ!

Между тѣмъ, какъ Герой нашъ щиталъ всѣ минуты времени, приближающаго его къ щастію, съ неменьшимъ нетерпѣніемъ вздыхала и прекрасная Султанша, ожидая полночи, назначенной къ ея побѣдѣ. Благосклонный случай помогалъ ея намѣренію, и освободилъ ее со всѣхъ сторонъ. Великое празднество, учрежденное *Алманзоромъ* въ честь прекрасной *Зоради-*

дины, куда приглашены были всѣ Одалиски, всю часть Сераля ея учинилъ пусту. Что *Алманзарисъ* не появилась въ семъ торжествѣ, никому не казалось странно; притворную головную боль ея сочли весьма естественною, и радовались, что оная какъ бы званая ей приключилась. Часъ насталъ. Прекрасный садовникъ приближается, прокравшись въ маленькую садовую дверь. Какъ возтрепетало ея сердце! а онъ лишился почти дыханія, когда въ темнотѣ ухватила его мягкая рука, и тихо повела за собою. Онъ слѣдуетъ за нею молча на цыпочкахъ, то по лѣстницамъ, то съ оныхъ внизъ по искривленнымъ и мрачнымъ переходамъ; она упускаетъ его изъ руки, приближась къ нѣкоторымъ дверямъ. Гдѣ мы? шепчетъ онъ, ощупываясь обѣими руками. Вдругъ дверь отворяется. Слабой свѣтъ открываетъ предъ нимъ безконечной рядъ комнатъ; но чѣмъ далѣе онъ проходитъ, тѣмъ свѣтъ умножается и превращается наконецъ въ великое сіяніе. Онъ останавливается пораженъ великолѣпіемъ, превосходящимъ все въ жизни имъ видѣнное; такъ разточены тутъ были злато и лазурь со всемъ богатѣйшимъ, которое Галконда и Сіамъ приносятъ! все соединено

нено было съ гордою роскошью. Но страстныя взоры его то не утѣшаетъ, они ищутъ единаго. . . Гдѣ она? вылетаетъ изъ устъ его съ громкимъ вздохомъ. Едва то сказано, занавѣсъ подобно молнiи былъ отдернутъ. На обѣ стороны зашумѣлъ золотой штофъ, и какое позорище представляется изумленнымъ очамъ его! Золотой тронъ, и на ономъ женщина, подобная восхищенной богинѣ любви. Двенатцать Нимфъ младыхъ и столькожъ прелестныхъ, какъ сестры Купидоновы, стояли по сторонамъ ея. . . какъ бы собранныя сумерьками вида своего возвысить блистанiе восходящаго солнца. Облеченныя розовымъ шелкомъ предъ ногами Государыни своей казались онѣ облачками, плавающими въ промежкахъ Кифириной колесницы. Сама она, совсѣмъ обремененная нарядомъ и драгоцѣнными каменями, являла въ себѣ, что блистающiя пестроты не удобны были затмить природное сiянiе красоты ея. *Гiонъ*, подъ именемъ садовника Гасана, едва вскинувъ взоръ на нее, познаетъ *Алманзарису*, ужасается, и въ смятенiи отступаетъ назадъ. Нужно ли было для него сiе всѣхъ ослѣпляющее привидѣнiе? Онъ не видитъ *Амансы*! ее искало здѣсь его сердце,

ее

ее лишь искали его взоры. *Алманзарица* съ своей стороны мнитъ, что блистаніе ея ослѣпляетъ его и приводитъ въ смятеніе. Она сходитъ съ трона, приближается къ нему съ усмѣшкою, беретъ его за руку, и является готовою сложить съ себя предъ нимъ величество, его поражающее, и привлечь только однѣми прелестьми своими. Не примѣтно благопристойность изчезаетъ; въ очахъ ея начинаетъ пылать любовный огнь и электрически играть въ ея нѣдрахъ; она пожимаетъ ему нѣжно руку, и поощряетъ къ веселію. Нерѣшимый видъ его обѣщаетъ ей нѣчто сказать; она повелѣваетъ, Нимфы ея удаляются, и съ оными *Гіонопа* бодрость. Онъ робѣетъ и глаза возвесть. Явленіе перемѣняется. Второй занавѣсъ разкрывается. *Алманзарисъ* вводитъ своего унылаго пастуха во второй залъ, въ которомъ всѣ стѣны одѣты были миртами и розами, а столы обременены прохлажденіями. При входѣ встрѣчены они пѣніемъ и музыкою; *Гасанъ* по повелѣнію ея занялъ мѣсто напротивъ ее. Краснѣющее желаніе и прелестное нетерпѣніе оказываетъ робѣющую дерзость въ ея влажныхъ очахъ, и на разкаленныхъ щекахъ является *Гіонопа* побѣда;

но

но изъ его глазъ подобно свѣту, проницающему сквозь облако, видима токмо печаль. Хотя взоры его безъ робости бѣгали по ея прелестямъ; но не изъ любви, безъ томнаго восторгу, не такъ какъ она желала, чтобъ отягчались оныя росою роскоши. Онъ приходитъ въ разстроеніе, кажется соглашающимся, и каждая зараза, предъ нимъ хитро разкрывающаяся, изображаетъ живое подобіе *Амансы*; но всякое покушеніе со стыдомъ отражается цѣломудріемъ. Безплодно подаетъ она ему блестящій сосудъ съ взглядомъ, сопровождаемымъ всѣми стрѣлами Купидоновыми. Сама-то Геба на радостномъ пиршествѣ боговъ подноситъ съ неумирающею улыбкою нектаръ своему Геркулесу: все тщетно! Онъ пріемлетъ кубокъ съ холоднымъ видомъ, едва прикасается къ оному губами, и испиваетъ, равно какъ бы языкъ его ядъ ощущалъ. Султанша даетъ знакъ: по оному Нимфы, окружавшія тронъ ея, начинаютъ плясаніе, удобное и мертваго оживить новою душею, и духовъ учинить тѣлесными. Иногда въ хороводахъ, иногда по парно, являютъ онѣ *Гісну* прелестнѣйшіе виды, въ тысячекрасномъ сіяніи разкрывающіеся. Все расположено было

ло къ возбужденію въ немъ желаній: конечно онъ почувствуетъ, мнитъ она, когда только можетъ чувствовать. Сіе великолѣпное позорище царства красотъ! сіе прелестное маханіе легкими руками, и роскошные повороты ногъ! и какъ онѣ съ млѣющими взорами, какъ бы сладостною умирая смертію, не примѣтно удаляются! – Обвороженныя чувства Героя неволею начинающъ таять среди такова-го пламени. Онъ насильно закрываетъ очи, и призываетъ къ сильному противоборству образъ *Амансинъ*; образъ возлюбленной изъ того часа, когда онъ впервые на горящихъ устахъ ея принесъ клятвы о вѣчной любви и вѣрности. Онъ клянется мысленно въ томъ ей снова, и чаетъ стоять на колѣнахъ предъ симъ священнымъ образомъ. Вдругъ какъ бы Ангелъ хранитель приставляетъ щитъ къ груди его, и всѣ оружія роскоши ослабѣвъ отражаются отъ оной. *Алманзарисъ*, все наблюдающая, всплеснула руками, и роскошное плясаніе окончилось. Она видитъ, что твердѣйшій мрамора мущина убѣгаетъ сѣтей, влекущихъ его въ ея объятія, видитъ то съ досадою, но испытываетъ послѣднее, въ чемъ не возможно не ожидать успѣху; она повелѣ-

ваетъ

ваетъ подать себѣ лютню. Сидящая на своемъ диванѣ, въ прелестномъ видѣ прислоняется она спиною, и начинаетъ очарованіе, возвышаемое жаромъ ея заразъ, съ успѣхомъ, и самымъ Музамъ не всегда возможнымъ. Сколь проворно пробѣгаютъ извивающіеся розовые персты ея по струнамъ одушевленнымъ! какъ прелестно при томъ обнажаются руки изъподъ ея распахивающихся легкихъ одеждъ! и когда изъ груди проливается пѣніемъ жестокое чувствованіе, удобное и самаго мудреца повергнуть въ шалость, какимъ образомъ удержаться отъ колѣнопреклоненія предъ сею богинею? Сладостна была мелодія, выразительны чувства: была то пѣсня пастушки, давно уже скрывающей мучащій ея пламень, которая однако не могла сопротивляться больше всесильному дѣйствію любви. Пѣсня оная хотя взята была изъ обыкновенной книжки; но какъ она пѣла, не можно никому, кромѣ пылающей равнымъ пламенемъ. На семъ мѣстѣ гордое искусство уступаетъ побѣждающему естеству; такъ нѣжно воркуетъ токмо голубь колесницы Венериной! Нарѣчіе внутренняго чувства, столь сильно произнесенное, чистый потокъ услаждающихъ звоновъ, возвышающій-

щійся румянецъ на щекахъ, частое трепетаніе въ груди, все оказывало изліяніе страсти, кипящей внутрь ея. Въ безмѣрности ея желанія выпадаетъ напослѣдокъ лютна изъ рукъ ея. Объятія разверзаются, но досадующій *Гіонъ* поспѣшно подхватываетъ лютню и въ восторгѣ съ сильнѣйшимъ выраженіемъ играетъ въ отвѣтъ, что другая уже владѣетъ его сердцемъ, и что нѣтъ удобнаго ни на земли, ни въ небесахъ учинить его невѣрнымъ. Важенъ былъ голосъ его пѣнія, и неприступно строгъ сопровождающій оное благородный взоръ его. Волшебница противу воли зритъ его надъ собою возвышеніе. Она блѣднѣетъ, и слезы наполняютъ гнѣвныя ея очи; страсть сражается съ ея гордостію. Она поспѣшаетъ скрыться; свѣтъ ей ненавистенъ, и тѣсенъ обширный залъ: съ холоднымъ взглядомъ на бунтовщика своего, повелѣваетъ поспѣшно его вывесть.

Верьхи зданій сіяли уже первымъ багрянымъ утреннимъ свѣтомъ, какъ Герой нашъ съ горестію возвращается къ друзьямъ своимъ; съ ужасомъ прочитали они въ лицѣ его половину приключившагося. Нещастная! говорилъ онъ *Фатимѣ*, упадшей со стыда на землю: куда дѣвался умъ

твой? Однако я прощаю тебя. . . ты сама обманута. Разсказавъ по томъ случившееся съ нимъ въ прошедшей ночи, беретъ онъ за грудь престарѣлаго *Шеразмина* и клянется, что сила цѣлой Африки не можетъ его далѣе удерживать, чтобъ не ворвался онъ, какъ пристойно Рыцарю, въ Сераль съ мечемъ и щитомъ, и не отнялъ у Бея свою *Амансу*. Ты самъ видишь, какой успѣхъ принесла мнѣ хитрость! – *Шеразминъ* упадаетъ къ ногамъ его, и долгимъ убѣжденіемъ проситъ только на три дни скрывать себя съ нужнымъ терпѣніемъ, и отчаянною храбростію не подвергать жизнь свою и *Амансину* опасности; проситъ только о семъ краткомъ времени, чтобъ отвратить всякія препятства къ побѣгу. – Равно и *Фатима* съ своей стороны подвергаетъ голову свою въ залогъ, естьли она въ сіе время не откроетъ ему пути къ *Амансѣ*. Она клянется, что вторично обманъ не будетъ имѣть удачи. – Рыцарь самъ ощущаетъ, что нетерпѣніе его можетъ свести съ настоящаго пути: онъ даетъ имъ въ томъ слово, возвращается въ садъ, и въ обыкновенныхъ трудахъ ожидаетъ слѣдствія.

ОБЕ-

ОБЕРОНЪ,

ЦАРЬ ВОЛШЕБНИКОВЪ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЪ.

Между тѣмъ *Алманзарисъ* на камчатныхъ тюфякахъ тщетно ищетъ хотя бы на часъ отрады жестокому огню, горящему въ груди ея. Не сновидѣніе ли, приключившееся ей въ прошедшей ночи? Возможно ли, мущина пренебрегаетъ тебя, *Алманзариса*! Онъ могъ видѣть тебя и горѣть къ другой, можетъ презрѣть тебя, и признаться въ томъ? Размышленіе таковое приводитъ ее въ ярость; она заклинается безпредѣльнымъ мщеніемъ. Сколь ненавистенъ онъ ей является! Чудовище, драконъ пріятнѣе изображаются въ мысляхъ ея, нежели этотъ неблагодарной. . . . но на долголь? – Чрезъ двѣ минуты мнѣніе таковое изчезаетъ: то опредѣляетъ его излишь каплями всю кровь предъ нею, то прижимаетъ его въ восторгѣ къ груди своей. Онъ предстаетъ по прежнему во всей красотѣ своей первѣйшимъ изъ смертныхъ, Героемъ, богомъ! . . . Не возможно, чтобъ былъ онъ только племянникъ Ибрагимовъ – . . . во всемъ его

видѣ, въ голосѣ, поступкахъ, ясны черты того, что онъ сокрыть желаетъ, когда явственнѣе печать природы изображала Монарха? Онъ только, одинъ онъ достоинъ ея, и достоинъ учиниться безсмертнымъ въ ея объятіяхъ. О! для чего не достаетъ ей молніи поразить совмѣстницу, содержащую его въ очарованіи, и похищающую у нее побѣду? Но *Алманзарисъ*! возможно ли? Не ощущаешь ли ты самое себя прекраснѣе? Упусти ему маленькую гордость, позволь надуваться какъ павлину! сопротивленіе лишь увеличитъ твою побѣду! нападай на него, поколь еще не утратила терпѣнія, всѣми прелестьми, на коихъ является истинная красота; вооружись посторроннимъ оружіемъ, чрезъ искусство поколеблешь ты его достовѣрнѣе. Да увидитъ онъ и почувствуетъ то, чего сами безсмертные алчутъ! и естьли тогда не искусишь сердца его, естьли и тогда пренебрежетъ онъ тебя. . . въ то время, Султанша! да возбудится гордость твоя, и да утѣшитъ тебя сладостное мщеніе! – Такъ шепталъ ей коварнымъ языкомъ маленькой демонъ съ наполненнымъ стрѣлами калчаномъ, повелѣвающій на земномъ шарѣ, изъ коего очарованнаго

го сосуда весь свѣтъ упиваясь называетъ, не зная его лучше, богомъ любви; ибо да будетъ извѣстно молодымъ не искусившимся женщинамъ, что настоящее имя ему Асмодей.

Алманзарисъ, въ коея кипящую кровь возкользнулъ уже искуситель, остерегалась онаго снаружи еще меньше прежняго. Поддуваніе его еще больше питаетъ и возпламеняетъ жаръ ея; притворное ея оному сопротивленіе утверждаетъ побѣду Асмодееву. Языкъ ласкательствующей наперсницы, достойной органъ его, располагаетъ предпріятіе съ великимъ остроуміемъ. О часы! потеките быстрѣе молніи, и приближьте сладостное мгновеніе! вы очень медленно шествуете для жаждущаго желанія! Однако. . . не одна она изчисляла тогда секунды: *Гіонъ* равномѣрно томится скучнымъ теченіемъ трехдневнаго сроку; во снѣ и на яву представляется ему только *Аманса*.

Наконецъ второе утро настало для страстныхъ желаній Царицы Серальской; златоволосый и дышущій розами день возшелъ какъ бы Геролдъ, возвѣщая ея побѣду: уже шумѣлъ сквозь миртры, оплетающіе гроты, легкій утренній вѣтерокъ, и тысячегласный хоръ раннихъ птицъ

разливался по окрестнымъ лѣсамъ; но около грота въ вѣчныхъ сумерькахъ подъ миртовыми листами находилась еще священная тишина. Здѣсь ворковала лишь смирная горлица страстно къ самцу своему. Въ семъ прiятномъ мѣстѣ въ утреннее тихое время обыкла *Агманзарисъ* почасту прохлаждаться купанiемъ. — Прiятное утро возбудило *Гiона*, когда еще всѣ спали, наполнять корзину, отсылаемую ежедневно въ Гаремъ, цвѣтами; какъ прибѣжалъ невольникъ, запыхавшись, и повелѣвалъ ему украсить гротъ. Арабъ сей для побужденiя его къ поспѣшности примолвилъ, что Султанша въ ономъ купаться намѣрена. Съ досадою шествуетъ *Гiонъ* исполнить повелѣнное. Онъ наполняетъ пестрыми слоями цвѣтовъ изъ всего царства Флорина великую корзину и поспѣшаетъ въ показанное мѣсто. Удалено отъ него всякое подозрѣнiе. Но при входѣ въ гротъ нападаетъ на него тайный трепетъ, и невидимая рука кажется его отвлекающею. Ужаснувшись, поставляетъ онъ цвѣты на землю, но вдругъ ободряясь, насмѣхается своей робости. Меркнущiй свѣтъ, сражающiйся въ семъ темномъ лавиринѳѣ подъ тысячью

слоевъ

слоевъ лиственныхъ, былъ безъ сомнѣнія причиною сего дѣтскаго страха; мнилъ онъ и входилъ утвердясь съ корзиною во внутренность грота. Владычество дня въ ономъ содержало посредство между ясности и сумерекъ, какъ бы нарочно учреждаясь для возбужденія къ тайнымъ утѣхамъ. Пріятной сей недостатокъ ясности уподоблялся волшебному лунному свѣту такъ, когда серебряные лучи его превращаются въ блѣдную румяность, скользя на кустахъ розовыхъ. *Гіонъ*, не предвидящій опасности, едва увѣряетъ себя, что онъ не очарованъ. Одно только удивительнымъ казалось ему, что въ таковомъ мѣстѣ, гдѣ все цвѣло, нужны были еще цвѣты; но когда взоры его начали простираться на всѣ стороны. . . можно ли изобразить изумленіе его! онъ видитъ на софѣ лежащую Нимфу изъ рая Магометова въ полномъ блистаніи чистѣйшей красоты! при свѣтѣ, простирающемся сверьху, какъ бы изъ разверстыхъ небесъ, снѣгъ грудей ея посрамлялъ цвѣтъ лиліи, и тѣнь оный возвышала. Въ положеніи, развивающемъ прелести, являлось глазамъ его превосходнѣйшее всего того, что Греки выдумали къ видѣнію Юпитерову подъ образомъ лебедя и тельца.

ца. Флеры, подобно легкимъ тѣнямъ на алебастровомъ истуканѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее окружающіе, ничего не скрывали, и оказывали только споръ зазрительной наготы съ стыдливостію. Прочь въ семъ случаѣ искусная кисть Титіанова и самаго Аполлона! Рыцарь стоитъ трепеща, и взирая какъ обвороженной, хотя бы лучше было закрыть ему глаза свои. Онъ стоитъ въ сладостномъ заблужденіи, и думаетъ (но не далѣе двухъ мгновеній ока), что видитъ онъ свою *Амансу*. Но не довѣряя своему щастію, подступаетъ ближе, разсматриваетъ, и познаетъ *Алманзарису*; онъ юбращается, хочетъ бѣжать, но въ бѣгствѣ ощущаетъ себя схваченна двумя эластическими круглыми и какъ снѣгъ бѣлыми руками. Онъ выдерживаетъ тяжчайшее сраженіе, каковаго со временъ Іосифовыхъ не случалось ни съ однимъ мущиною; благороднѣйшее сраженіе добродѣтели и любовной вѣрности съ красотою, прелестьми и жаркою роскошью. Желанія его удалены отъ преступническаго восхищенія.

О *Оберонъ*! гдѣ твой лилейный скипетръ, гдѣ очарованной рогъ для сей опасности? Онъ призываетъ *Амансу*, *Оберона*,

рона, всѣхъ Ангеловъ, и святыхъ на помощь. . . . и въ надлежащую еще пору приспѣваетъ къ нему помощь. – Въ то мгновеніе, когда всѣ нервы его готовы были ослабѣть для дальнѣйшаго сопротивленія, и разгоряченная красавица съ роскошнымъ неистовствомъ почти побѣдила его – появляется *Алманзоръ*. Оный подобно уязвленному оленю бродилъ уже больше часа въ садахъ, бывъ гонимъ образомъ *Зорадины*, и досадою, зрѣть презираемою любовь свою отъ женщины: случай привелъ его въ миртовой лѣсокъ. Онъ чаетъ слышать голосъ *Алманзарицы*, и какъ дверь грота не заперта находилась, то входитъ онъ удостовѣриться, не ошибся ли. Опаснѣйшій демонъ, воюющій чрезъ свою жрицу на вѣрность Рыцареву, издалека еще далъ ей знать по величественной выступкѣ приближеніе Бея. Ахъ! помогите, помогите! вскричала злая сія женщина, притворясь, будто бы терпитъ отъ *Гіона* насильственное нападеніе на честь ея. Дикой ея взоръ, разорванныя одежды, растрепанные волосы, ужасъ младаго садовника, пораженнаго дерзскою ея клеветою, мѣсто, въ которомъ его Бей нашелъ; словомъ сказать, все подтверждало преступленіе

его. О Алла! буди похваленъ, вскричала измѣнница, что самому *Алманзору* должна я моимъ избавленіемъ! По томъ завернувшись съ стыдливостію почти во всѣ свои покрывала, налгала она голосомъ самой истинны выдуманную повѣсть: какъ сей дерзской переодѣтой Христіянинъ осмѣлился напасть на нее, когда вздумалось ей мыться въ семъ гротѣ, и какъ она едва уже могла защищаться, когда къ великому щастію приспѣлъ *Алманзоръ* на помощь. — Оправдать Рыцаря въ столь постыдномъ преступленіи требовалось токмо одного безпристрастнаго взгляда; но судіѣ его не доставало сего взгляда. Самъ Герой нашъ гнушался избавить себя отъ смерти чрезъ приведеніе въ посрамленіе женщину; онъ простеръ руки въ незаслуженныя оковы, и облекся молча своею невинностію. Хладнокровіе его еще больше раздражаетъ Бея и понуждаетъ къ казни. Отведите его (повелѣваетъ онъ сбѣжавшимся невольникамъ), бросьте въ мрачную темницу; а завтра рано, какъ только *Иманъ* возгласитъ на молитву, предайте огню предъ дворцомъ, и развѣйте прахъ его съ проклятіемъ по вѣтру! — Рыцарь внемлетъ приговоръ свой въ молчаніи. . . .

бро-

бросаетъ на измѣнницу презрительной взоръ, обращается, и отходитъ во узы съ тою бодростію, каковую приноситъ добродѣтели невинность. Ни одинъ солнечный лучь не проницалъ въ пропасть, куда его заточили. Ночь смерти уподоблялась ночи, его окружающей, и всѣ искры надежды угасли въ душѣ его. Утомленный ударами строгой судьбины, наскучивъ быть ея игралищемъ, съ радостію ожидалъ онъ минуты, освободить его имѣвшей. Ужаситъ ли его предчувствованіе жестокаго огненнаго мученія? Любовь помогаетъ ему преодолѣть оное; она поддерживаетъ Ангельскою силою понуряющуюся природу. До смерти, вопіетъ онъ, клялся быть я вѣрнымъ тебѣ, *Аманса*! и сдержу мою клятву.

О возлюбленная женщина! продолжалъ онъ: пусть на вѣки останется отъ тебя сокрыто имѣющее произойти завтра, на вѣки и отъ тебя, вѣрной мой престарѣлой другъ! . . съ какимъ бы равнодушіемъ претерпѣлъ я мой жребій, когдабъ вы объ ономъ не свѣдали! но вы, свѣдавъ объ ономъ, узнаете лишь оклеветаніе, и что къ скорби о моей кончинѣ соединяется срамъ, слышать, что я пострадалъ по заслугѣ. . . О Боже! уже много,

чтобъ

чтобъ терпѣть мнѣ и сіе! пусть за грѣхи бы мои понесъ я строжайшую смерть: никого бы не обвинялъ я въ томъ! . . . Но *Оберонъ*! о семъ только прошу тебя. . защити честь мою, защити *Амансу*! . . . тебѣ извѣстно, что я сдѣлалъ! скажи ей, что я для сохраненія священныхъ клятвъ въ моей къ ней вѣрности не ужасаюсь огненнаго мученія! – Такъ вопіялъ онъ, и укрѣпленному ему надеждою, что *Оберонъ* его слышитъ, богъ сна, увѣнчанный маковыми цвѣтами, касается жезломъ своимъ; всѣ скорби его уступаютъ сладостному сну, хотя возглавіемъ служилъ ему токмо камень. Можетъ быть въ залогъ того, что всѣ его страданія скоро кончатся, послалъ оный добрый духъ, хранитель его.

Еще цѣлая половина міра покрыта была темнотою, какъ тихой скрыпъ дверей возбуждаетъ его отъ сна. Ему слышится, что ключь обращается въ тяжеломъ замкѣ; затворы темницы разверзаются, черныя ея стѣны освѣщаются слабымъ свѣтомъ; онъ слышитъ идущаго, приподнимается. . . . и видитъ. . . . въ блестящихъ одеждахъ, въ коронѣ, съ лампадою въ рукѣ стоящую близь себя *Алманзарису*. Она простираетъ къ нему

му бѣлую руку свою съ прелестною усмѣшкою, и говоритъ: простишь ли ты, возлюбленной! мнѣ преступленіе, къ коему привела необходимость? Не зависитъ ли отъ твоей жизни моя собственная? Я прихожу извлечь тебя изъ опасности, не взирая на твое сопротивленіе; возвесть тебя съ костра, на который осужденъ ты варваромъ, на престолъ, тобою заслуживаемый! любовь отверзаетъ тебѣ солнечный путь къ Величеству! Вставай, наполняй оный славою твоею! прими сію руку, оное тебѣ подносящую; въ одно мгновеніе ока падетъ гонитель твой, и весь народъ его какъ прахъ прострется у ногъ твоихъ. Мнѣ все подвластно во всемъ Сералѣ; ввѣрь себя безопаснымъ рукамъ любви, и на что оная отваживается, довершитъ твое мужество! — Престань, Государыня! отвѣтствуетъ *Гіонъ*: предложеніе твое лишь умножаетъ мои скорби мученіемъ, кое причиняю я тебѣ отказомъ. Ахъ! за чемъ ты принуждаешь меня сказать сіе? Никогда я не искуплю себя преступленіемъ! „ — Возможно ли! вопіетъ она: должно ли до того простираться безумію? Нещастной! въ воззрѣніи на костеръ, имѣющій пожрать тебя пламенемъ, можешь ты

пре-

пренебрегать *Алманзарису* съ предлагаемымъ престоломъ? — „ Скажи мнѣ, Султанша! отвѣчаетъ онъ: естьли пролитіе крови моей для твоихъ услугъ нужно, съ охотою исполню то для показанія тебѣ моего признанія! я могу изъ благодарности отдать тебѣ всю кровь моего сердца, мою жизнь, кромѣ моей чести и вѣрности. Кто таковъ я, ты не знаешь; не забывай того, кто ты, и не требуй отъ меня невозможнаго!

Алманзарисъ приходитъ въ крайность отъ его сопротивленія; она употребляетъ все, чѣмъ можетъ поколебать его вѣрность и опровергнуть неустрашимость. Она прельщаетъ, грозитъ, заклинаетъ, и забываясь отъ любви и горести, упадаетъ предъ нимъ на колѣна; но твердая душа нашего Героя непоколебима, и чиста вѣрность, коею клялся онъ *Амансѣ.* — И такъ умирай, когда ты хочешь! вопіетъ она, почти лишаясь дыханія отъ злости; я сама насыщу алчные мои взоры твоимъ мученіемъ! умирай какъ глупецъ! жертва упрямства! — По томъ проклинаетъ дрожащими устами часъ, въ который его увидѣла, самое себя, удаляется и запираетъ за собою стучащія темничныя двери.

Ме-

Между тѣмъ слухъ о нещастномъ приключеніи разпростирается съ прибавками и доходитъ плачевная сія вѣсть до *Шеразмина* и *Фатимы*. Сказываютъ, что прекрасный Гасанъ захваченъ Беемъ, купавшійся на единѣ съ Султаншею, и завтра безъ всякой пощады будетъ сожженъ предъ дворцомъ. Извѣстна имъ была невинность *Гіонопа*, и настоящая причина обстоятельства. Но естьли бы онъ и погрѣшилъ, все то достойно сожалѣнія. Въ опасныхъ только случаяхъ доказывается истинная вѣрность. Они вмѣсто того, чтобъ проводить время въ безплодныхъ жалобахъ, заключаютъ отважиться для него на всякую крайность къ его спасенію; и ежели ничто не удастся, то умереть съ нимъ. Словомъ сказать, еще до разсвѣту удалось *Фатимѣ* обмануть осторожность караульныхъ и непримѣтно дойти въ покой, гдѣ почивала помышляющая о *Гіонѣ* своемъ *Аманса*. Нечаянное таковое свиданіе лишило обѣихъ на нѣсколько мгновеній словъ; но первое сказанное было извѣстіе о *Гіонѣ*. – Ахъ! что ты говоришь! вскричала она, бросясь на шею своей кормилицѣ; . . . мой *Гіонъ* такъ отъ меня близко? Гдѣ онъ? – Увы! отвѣ-

вѣчастъ *Фатима*, рыдая: нещастное приключеніе! разрушь его оковы, раствори темницу! ему за одну токмо любовь къ тебѣ мучительная смерть угрожаетъ. . . . Послѣ чего разсказала она подробно о всемъ, какъ о вѣрности ея Рыцаря, такъ и о мщеніи Султаншиномъ. *Уже*, вопіетъ она, костеръ готовъ, нѣтъ ему спасенія, когда не защитишъ его *Зорадина*. Услышавъ сіе, съ болѣзненнымъ восклицаніемъ почти безъ чувствъ встаетъ *Аманса* съ постели своей въ одномъ спальномъ плашьѣ, накидываетъ покрывало, и бѣжитъ изъ всѣхъ силъ въ покои Беевы чрезъ всю стражу, взирающую на нее съ удивленіемъ, и молча дающую путь ей. Она входитъ предъ него, не взирая, что еще не разсвѣло, и съ поблѣднѣвшимъ лицемъ и разтрепанными волосами бросается предъ нимъ на колѣна. — „*Алманзоръ*! говоритъ она: естьли жизнь моя кажется тебѣ достойною сохраненія, не отвергни моей прозьбы. . . . поклянись, что не откажешь въ оной! покой дней моихъ отъ того зависитъ!„ — Требуй, прекраснѣйшая! отвѣтствуетъ Бей съ изумленіемъ и радостію: не оставляй меня въ неизвѣстности. Угодить тебѣ составляетъ мое пламенное желаніе;

тре-

требуй смѣло! мои сокровищи, мой престолъ, мое государство, составятъ малость, естьли ты оныхъ пожелаешь. *Алманзоръ* ничего не желаетъ удержать, опричь самой тебя! - „Ты клянешься мнѣ въ томъ?„ Упоенный любовію Арабъ произноситъ клятвы. -„ И такъ даруй мнѣ жизнь садовника Гасана.„ - Какъ! вскричалъ Бей съ изумленнымъ видомъ: ахъ! какая прозьба, *Зорадина*! что зависитъ для тебя въ жизни сего невольника? -„ Очень многое, *Алманзоръ*! моя собственная жизнь отъ того зависитъ!„ - Не спишь ли ты? Это бредъ... но прости меня, ты во зло употребляешь неограниченное право, приносимое твоею красотою... Какъ! отъ жизни невольника, казнимаго за преступленіе? -„ Скажи, казнимаго за вѣрность! Мнѣ извѣстно сердце его, онъ прилѣпленъ къ должности, невиненъ, и мужъ безпорочной честности... Но естьли бы, о *Манзоръ*! онъ и виновенъ былъ, не мсти преступленія его на *Зорадинѣ*!„ Съ блистающими отъ скрываемаго бѣшенства глазами восклицаетъ Бей: жестокая! за чемъ мучишь ты меня, удерживаясь? Какая тайна оказывается изъ сей тайной

и ненавистной загадки? Говори! какое участіе твое въ Гасанѣ? — „Узнай, когда ты меня къ тому понуждаешь: я супруга его! узы, коихъ ничто разрушить не можетъ, союзъ, утвержденный самымъ небомъ, совокупляетъ съ нимъ мое щастіе и всю меня. Насъ угнѣтаетъ всею своею страшною тягостію судьбина . . . не извѣстно, не будешь ли ты и самъ когда оной подверженъ! . . . Ты зришь мое нещастіе . . . благополучный! почти мое страданіе! ты можешь меня избавить.„ — Какъ! ты жена Гасанова, и любишь его? — „Больше всего на свѣтѣ.„ — Нещастная! онъ невѣренъ тебѣ! — „Онъ невѣренъ? Нѣтъ, я увѣрена, что только постоянство причиною его бѣдствія.„ — Усумнюсь ли въ томъ, что видѣлъ своими глазами! — „Онъ былъ сперва обманутъ, а потомъ ты!„ — Не напрягай больше терпѣнія, вскричалъ *Манзоръ*, приходя въ гнѣвъ: не напрягай, уповая на свои прелести, чтобъ оное не преломилось! Твой Гасанъ умретъ . . . а я жалѣю только о тебѣ. — Онъ умретъ! вопіетъ *Аманса* . . . О ты, мучитель! могъ ли бы ты сказать мнѣ это: онъ умретъ, коему простить обязанъ ты сво-

своимЪ словомЪ? „ — ВсякЪ, нарушающій благопристойность вЪ ГаремѢ (отвѢтствуетЪ Бей холодно), подвергается смерти. Но естьли хочешь, жизнь, или смерть сего невольника вЪ твоихЪ рукахЪ находятся! Окажи мнѢ, красавица! примѢрЪ твоей добродѢтели, возврати мнѢ похищенный тобою мой покой! Я полагаю корону сЪ государствомЪ кЪ ногамЪ твоимЪ, предайся мнѢ, и тотчасЪ простится дерзскому преступленіе! онЪ возвратится вЪ свое отечество одаренЪ по Царски! не отлагай доставить ему милость, коей ты желаешь! . . . единое слово рѢшитЪ его и мою участь! . . . . „ Безчестной! вопіетЪ *Аманса*, раздражаясь Ангельскимъ гнѢвомЪ, за сію цѢну супругЪ *Зорадининъ* не купитЪ своей жизни! . . . . тиранЪ! ты меня не знаешь: послѢдняя изЪ рабЪ, нѢкогда мнѢ служившихЪ, пренебрегла бы тебя сЪ твоимЪ престоломЪ за такое условіе! погибель наша хотя вЪ твоихЪ рукахЪ; но не надѢйся изЪ того пользы . . варварЪ! и я умереть не страшуся!

Бей Тунискій изумляется. Отважность добродѢтельной женщины его ужасаетЪ.

саетъ. Робкое сердце его трогается больше угрозами, чѣмъ прозьбами; но красота ея возпаляетъ при томъ отъ часу болѣе желанія въ крови его. Чего не наговорилъ онъ для убѣжденія къ любви сердца ея! сколько просилъ онъ ее! какъ ползалъ предъ ногами ея! все тщетно. Сопротивленія ея не превозмогали ни моленія, ни угрозы. Она утверждается на томъ, что смерть ей пріятна. Бей начинаетъ заклинаться страшнымъ голосомъ чрезъ гробъ Магометовъ, что ничто ее не спасетъ, естьли она тотчасъ не склонится на его предложеніе. Осуди меня, Алла! естьли премѣню я мое слово (слышанъ былъ свирѣпствующій крикъ его по всему дворцу). Рѣшись! предайся мнѣ сей часъ! въ противномъ случаѣ одинъ пламень пожретъ тебя съ Гасаномъ! - *Аманса* взираетъ на него въ молчаніи съ презрѣніемъ. Рѣшись! вопіетъ онъ вторично. - Ну, освобождай меня отъ ненавистнаго вида твоего, отвѣтствуетъ сія Царица всего нѣжнаго полу: горесть смерти не столько для меня противна! - *Алманзоръ* призываетъ невольниковъ, и задыхаясь отъ ярости, издаетъ безчеловѣчное повелѣніе, и адскія искры прыгаютъ

ютъ изъ глазъ его. Начальникъ евнуховъ, повергаясь на землю, заклинается исполнить приказаніе.

Уже страшный жертвенникъ стоитъ пріуготовленъ; уже стекается народъ со всѣхъ сторонъ толпами, которой во ужасѣ наслаждаетъ позорищами сего рода слезящее свое зрѣніе, и съ трепетомъ увеселяется; уже стоитъ чета соединенная въ страданіяхъ и къ смерти, привязанная къ мучительному столбу, та чета, кою *Оберонъ* едину безпорочну нашелъ на свѣтѣ. Благородная чета во едино сліянныхъ душъ, вѣрная первой любви своей, рѣшившаяся избрать смерть въ пламени, чѣмъ чрезъ невѣрность на престолъ возвыситься! Весь народъ состраждетъ, взирая на нихъ слезящими очами и стѣсненнымъ сердцемъ; однакожъ заботится, чтобъ какой случай не нарушилъ сего плачевнаго дѣйствія. Любовники такъ привязаны, что возпрепятствовано имъ утѣшеніе взирать другъ на друга; но надъ всемъ ихъ страданіемъ и ожидаемымъ мученіемъ торжествуютъ они чистѣйшею радостію, что любовь и вѣрность довела ихъ къ тому. Смерть, украшаю-

шающая вѣчными лаврами ихъ вѣрность, есть выборъ сердецъ ихъ; онѣ могли бы оной избавиться.

Между тѣмъ двенатцать черныхъ невольниковъ, держащихъ въ рукахъ зажженные факлы, приближаются къ костру попарно. Они становятся вокругъ, готовые совершить по первому знаку отъ повелѣвающаго Аги. Сей знакъ отданъ; они зажигаютъ.

Вдругъ страшный громъ приводитъ въ колебаніе воздухъ и землю, пламень угасаетъ, веревки, чѣмъ привязана была вѣрная чета любящихся, прерываются какъ слабые волосы, и *Гіонъ* зритъ на шеѣ своей висящій очарованный рогъ. Въ то же самое мгновеніе ока, когда сіе совершалось, появляются издали съ громкимъ крикомъ съ одной стороны *Алманзоръ*, а съ другой *Алманзарисъ*. Они на прерывѣ спѣшатъ спасти одинъ *Зорадину*, а другая *Гасана*, и за обоими споспѣдуютъ толпы вооруженныхъ кинжалами и копьями; тогда же пробивается сквозь ужаснувшійся народъ съ обнаженнымъ мечемъ черной Рыцарь. Но *Гіонъ*, усмо-

усмотря съ радостнымъ трепетомъ залогъ примирившагося *Оберона* на своей шеѣ, приставляетъ оный къ губамъ своимъ и производитъ пріятнѣйшій звукъ трубный. Великое сердце его пренебрегаетъ наказать робкой народъ смертію. Пляшите, друзья мои! кричитъ онъ: пляшите, пока задохнетесь! вотъ каковое мщеніе *Гіонъ* вамъ опредѣляетъ.

Едва звукъ рога распростерся, волшебное круженіе объемлетъ весь народъ, около костра стоящій, вся черножелтая, оборванная и полунагая тварь начинаетъ какъ бѣшеная вертѣться; вскорѣ за тѣмъ вмѣшивается въ танокъ сей Ага съ своими невольниками; а за нимъ и всѣ, у кого только ноги есть, во дворцѣ, въ Сералѣ, и въ цѣломъ городѣ отъ Султана до водовоза. Негодующій Бей противу желанія ловитъ за руку свою *Алманзарисъ*; оная противится, но ничто не помогаетъ. Они, браня другъ друга, запрыгали въ толпу и начали плясать со всевозможнымъ усердіемъ. Вскорѣ и весь Тунисъ возмутился, ни одной души не осталось на мѣстѣ, всѣ больные и самые подагрики не могли возпротивиться желанію танцовать.

Во время того вѣрная чета, не взирая на произходящее, въ блаженномъ восхищенiи заключаетъ другъ друга въ объятiя, не могши произнести слова. Едва грудь ихъ вмѣщаетъ въ себя таковой переходъ къ радости. Уже миновалось какъ сновидѣнiе тяжкое ихъ испытанiе, осталось лишь умножающее ихъ щастiе. Очистилось ихъ преступленiе, судьба примирилась, и ничто уже не можетъ нарушить сего новаго ихъ соединенiя. Съ внутреннимъ участiемъ взираетъ на то добрый *Шеразминъ*, сидящiй на конѣ своемъ; ибо онъ былъ тотъ черной Рыцарь. Онъ подобно молнiи приспѣлъ было для избавленiя Государей своихъ изъ рукъ трусливыхъ Араповъ, или готовъ былъ въ случаѣ неудачи окончить съ ними несносную жизнь свою. Онъ прыгаетъ съ сѣдла, продирается съ послѣдующею за нимъ *Фатимою* сквозь кружащуюся толпу, чтобъ помочь любовникамъ сойти съ ихъ престола, и принять торжественно. Радость была неописанна, но оная еще возвысилась, когда увидѣли они знакомую колесницу, запряженную лебедьми, спускающуюся къ нимъ съ воздуха, и остановившуюся

предъ

предъ ними. Они всѣ входятъ въ оную, желая Арапамъ благополучнаго плясанія, пока угодно будетъ *Оберону*. Воздушная колесница поднимается и летитъ не колеблясь столь тихо, какъ сонъ, и быстрѣе мыслей, чрезъ моря и земли, и сребреновидныя облака провѣваютъ окрестъ ихъ подобно опахаламъ.

Уже тьма начинала разпростирать мрачное свое покрывало по горамъ и холмамъ; они видѣли уже луну, изображающуюся въ нѣкоторыхъ моряхъ равно какъ въ зеркалѣ, и тишину, водворяющуюся въ безпредѣльномъ воздушномъ царствѣ; лебеди наклонили крылья свои, опуская ихъ на землю, какъ вдругъ представляются глазамъ ихъ блистающія палаты, подобно сотканнымъ изъ вечерней зари. Оныя стояли въ увеселительномъ лѣсу среди кустарниковъ, цвѣтущихъ розами, и освѣщали сіяніемъ своимъ всѣ тѣнистыя промежки. – Не здѣсь ли? сказалъ *Гіонъ* тихо и въ священномъ ужасѣ – но прежде, нежели могъ онъ кончить, поспѣшно златыя врата отворяются, и двадцать дѣвицъ выходятъ изъ палатъ тѣхъ. Онѣ изходятъ подобны Маю съ

вѣчно цвѣтущими ланитами, одѣтыя въ блистательную бѣлизну, встрѣтить смертныхъ любимцовъ *Оберонопыхъ*. Онѣ приближаются, танцуя и возпѣвая безсмертную похвалу чистой вѣрности. Шествуй (возпѣвали онѣ, присоединяя звукъ златыхъ цимбаловъ къ своему пѣнію), шествуй, вѣрная чета! возпріять неувядающій вѣнецъ побѣды!

Любовники наши, едва помнящіе себя, чаютъ себя быть восхищенныхъ въ обитель небесной любви. . . Они проходятъ сквозь двойные ряды, какъ вдругъ подобенъ утреннему солнцу въ брачномъ одѣяніи предстаетъ имъ Царь волшебниковъ уже не малорослымъ красавцемъ, ни карликомъ, какъ казался онъ имъ въ своихъ превращеніяхъ. . . но юношею вѣчно прекраснымъ и вѣчно цвѣтущимъ, стоялъ повелитель духовъ, имѣя на рукѣ своей очарованное кольцо; по сторону его блистала подобно лунѣ *Титанія*, украшенная розовымъ вѣнкомъ своимъ. Въ правыхъ рукахъ оба они держали по миртовому вѣнцу. Пріими, вѣрная чета! говорили они пріятнымъ голосомъ: пріими благороднѣйшее награжденіе побѣды вашей

сіи

сіи вѣнцы изъ рукъ друзей вашихъ. Доколь вы сохраните сей знакъ любви нашей, щастіе не уклонится отъ сердецъ вашихъ.

Едва послѣднее слово отлетаетъ съ устенъ *Оберономыхъ*, съ высоты воздуха опускается облако, и изъ онаго при звукѣ злашыхъ цимбаловъ спускаются, имѣя на груди приколонную лилію, три *Титаніины* содруги. На рукахъ у тоещей лежитъ прекраснѣйшій младенецъ, котораго вручаютъ они съ колѣноприклоненіемъ *Титаніи*. Со сладостною усмѣшкою наклоняется къ нему Царица волшебницъ, лобзаетъ его, и вручаетъ онаго родительницѣ. Тогда дѣвицы воспѣваютъ торжественную пѣснь, усыпаютъ путь предъ ними розами, и всѣ входятъ злашыми вратами блаженныхъ въ *Оберонѣ* домъ радостей. Что видѣли и слышали они въ семъ прекрасномъ мѣстѣ, никогда не изрекалъ языкъ ихъ. Очи взирали лишь на небо, и радостныя слезы катились всегда изъ очей ихъ при воспоминаніи.

Въ спокойномъ снѣ утрашилась любезно блаженная мечта сія. Съ началомъ дня

дня ощущаютъ они себя въ сплетенныхъ объятіяхъ, подобно новорожденнымъ лежащихъ на софѣ, устланной мохомъ. Близь ихъ четыре чудно прекрасныхъ и богато-убранныхъ коня, а около лежатъ кучею набросанныя великолѣпныя оружія, одежды и убранства. *Гіонъ* съ преисполненнымъ радости сердцемъ возбуждаетъ старика своего; *Аманса* ищетъ своего сына, которой спокойно еще почиваетъ на рукахъ *Фатиминыхъ*. Но сколь велико ихъ изумленіе! . . . . Государь! Государь! кричитъ восхищенный *Шеразминъ*: въ какой бы странѣ мните вы быть себя? . . . Встаньте! отсюда на западъ, и скажите, что увидите! – Рыцарь простираетъ взоры, и едва онымъ увѣряется. Хотя глаза его пріобыкли уже къ чудесному, но онъ ихъ протираетъ. Это рѣка Сена, на берегу коей стоятъ они! Парижъ распростертъ предъ очами ихъ! Онъ вновь протираетъ глаза, смотритъ еще, и вопіетъ: возможно ли, что я уже достигъ моего предопредѣленія! – Не долго услаждались взоры его сею радостію, какъ представляется онымъ новое позорище. Ему кажется весь городъ въ возмущеніи, слышанъ гласъ

труб-

трубный, войско Рыцарей течет на мѣсто подвига, и врата Турнира отверзты. Мое щастіе, рекъ *Гіонъ*, часто тщетными учиняло мои надежды. Шествуй, любезной *Шеразминъ*! провѣдай скорѣе, здѣсь Турниръ, естьли я не обманываюсь. Старикъ отходитъ. Между тѣмъ *Фатима* наряжаетъ *Амансу*; ибо надлежало ей въ сей незнакомой странѣ показаться прилично своему достоинству, и потребности къ тому лежали вокругъ ихъ въ богатомъ избыткѣ. *Гіонъ* между тѣмъ съ родительскою нѣжностію качаетъ на колѣнахъ своихъ маленькаго *Гіонета*. Онъ со внутреннимъ удовольствіемъ видитъ, что прекрасная супруга его отъ постороннихъ прикрасъ ничего не пріобрѣтаетъ, ни теряетъ. Роза ли осѣняетъ грудь ея, или блестящіе бриліянты разпростираютъ на ней сіяніе свое. . . она затмѣваетъ все своими прелестьми; дыханіе ея не заимствуетъ отъ первой, ни красота теряется при послѣднихъ.

Шеразминъ приноситъ извѣстіе, что за три дни уже Турниръ начался. *Карлъ* (говорилъ онъ), поднесь еще побуждаемый своею досадою, обнародовалъ

Турниръ по всей Имперіи; и угадайте, какое награжденіе получаетъ побѣдитель? Не меньше, милостивой Государь! какъ владѣніе и жизнь *Гіонопу*; ибо Императору и въ мысль не входитъ, чтобъ возвратились вы изъ Вавилона, увѣнчанны славою – Скорѣй вооружай меня! вопіетъ *Гіонъ* радостно: не могъ ты мнѣ принести лучшаго извѣстія. Данное мнѣ природою пріобрѣтется моими заслугами. Естьли не достоинъ того явлюсь я, пусть Императоръ жалуетъ, кому должно! – Онъ изрекъ, и *Аманса* кроткою усмѣшкою одобряетъ его намѣреніе. Трепетаніе въ груди ея возвѣщаетъ ему побѣду. – Чрезъ нѣсколько мгновеній ока стоитъ уже Рыцарь ея блистающъ въ полномъ вооруженіи. Всѣ они возходятъ на коней и шествуютъ въ городъ. Народъ возхищается ихъ великолѣпіемъ, бѣжитъ въ слѣдъ за ними. Вскоръ *Гіонъ* и *Аманса* достигаютъ Турнирной ограды. Онъ, простясь съ нею оставляетъ ее подъ защитою *Шеразмина*, опускаетъ свой личникъ, и вступаетъ въ ограду. Громкая похвала встрѣчаетъ его съ обѣихъ странъ; ибо онъ великолѣпіемъ и силою является превышать всѣхъ отличившихся прежде

въ Рыцарскихъ подвигахъ. Съ косымъ взглядомъ стоялъ Рыцарь, въ прошедшіе три дни пріобрѣтшій побѣду, на гордомъ конѣ своемъ; а Императоръ съ Князьями смотрѣлъ изъ дворца своего.

Гіонъ по Рыцарскому обычаю низко уклоняется предъ Императоромъ, по томъ къ дамамъ и Рыцарямъ. . . . начинаетъ окружный бѣгъ на бодромъ жеребцѣ своемъ, и возвѣщаетъ побѣдителю, что прибылъ онъ лишить его славы. Надлежало бы прежде объявить ему о своей природѣ и имени; но клятвенное увѣреніе, что онъ Франкъ, и великолѣпіе убранства, освобождаютъ его отъ сего закона. Онъ избираетъ изъ кучи ланцовъ самое тяжчайшее, махаетъ онымъ какъ бы перомъ, и становится на свое мѣсто. Сколько тренещетъ *Амансино* сердце! какія пламенныя моленія возсылаетъ она къ *Оберону* и всѣмъ Ангеламъ при дрожащемъ звукѣ трубъ, позволяющемъ нетерпѣливымъ Рыцарямъ начать сраженіе! У Рыцаря, опровергшаго досель на землю всѣхъ своихъ противниковъ, желчь возкипаетъ, когда принужденъ былъ онъ снова подвергать удачѣ щастіе и славу свою. Это

былъ

былъ сынъ *Доолина* Магаицкаго, и щитавшій сраженіе на ланцахъ дѣтскою игрушкою. Онъ напускаетъ подобно грому, вырвавшемуся изъ тучь, съ яростію на своего противника. Но *Гіонъ*, не тронувшись въ сѣдлѣ, поражаетъ его въ грудь столь жестоко, что кости въ немъ затрещали при паденіи. Четыре оруженосца сносятъ его безчувственна изъ ограды. Торжественное восклицаніе побѣдителю возносится до облакъ, и *Гіонъ* торжествуя, одинъ занимаетъ всю площадь. Онъ медлитъ, вызываетъ спорниковъ, но никто не появляется. Тогда поспѣшаетъ онъ къ своей *Амансѣ*, сидящей на конѣ ея, подобно богинѣ, и ведетъ оную ко дворцу. Они достигаютъ. Рыцарь помогаетъ ей съ учтивостію сойти на землю, и ведетъ за руку при безпрестанномъ восклицаніи народа на верьхъ по марморнымъ ступенямъ. Покрывало, подобное серебреному облаку, скрываетъ красоту Амансину, и всѣ глаза тщетно стараются проникнуть сквозь оное. Все множество собранія, съ нетерпѣніемъ послѣдовавшее за четою незнакомыхъ, ожидаетъ развязки приключенія. Тогда залъ растворяется; преста-

рѣлый *Карлъ*, окруженный Императорскимъ штатомъ, сидитъ на возвышенномъ своемъ престолѣ. *Гіонъ* снимаетъ шеломъ съ головы своей, длинныя кудри его разсыпаются волнами по плечамъ, и входитъ онъ подобенъ богу дня. Всѣ съ ужасомъ вдругъ познаютъ его. Престарѣлый *Карломанъ* мнитъ видѣть духъ Рыцаревъ. *Гіонъ*, держащій за руку *Амансу*, приближается предъ тронъ, и говоритъ: мой законный Государь! зри меня послушна къ твоимъ повелѣніямъ, возвратившагося въ твою Имперію! Богъ помогъ мнѣ исполнить твою волю! въ сей коробочкѣ зубы и усъ Вавилонскаго Султана, въ залогъ коихъ подвергалъ я жизнь мою. . . а въ сей красавицѣ зри наслѣдницу его престола, мою возлюбленную супругу. — При словѣ семъ спадаетъ покрывало съ лица *Амансина* и наполняетъ залъ новымъ сіяніемъ. Всѣмъ кажется что Ангелъ, но лишь съ уменьшеніемъ свѣта, дабы не погибли взирающіе. Столь величественна и прекрасна была *Аманса* въ миртовомъ вѣнцѣ, и серебряномъ одѣяніи своемъ! Другъ ея, Царица волшебницъ, непримѣтно съ нею присутствуетъ, и покоряетъ ей сердца всѣхъ.

Императоръ сходитъ съ своего престола, привѣтствуетъ почтительно прибытiе ея ко двору своему. Князья тѣснятся около *Гiона*, объемлютъ дружески возвратившагося со славою изъ таковаго подвига. Старая вражда умираетъ въ груди *Карла* Великаго. Онъ дружественно пожимаетъ руку Героеву, вѣщая: да не будетъ въ Имперiи нашей недостатку въ Княжiихъ чадахъ, подобныхъ тебѣ въ добродѣтели!

Конецъ.

Colour Chart #13
DANES PICTA .COM
Inches
Centimetres
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black

АЛЕѮА
НДРА

Читала Аликсандра
Фодзонова

